

63.3(2)46+63.3(253)-10
W96

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Лит. Д-1-800. 119-90

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во пред. выдан.

Empty box for recording the number of copies issued.

Зах. 163-95г. Тир. 400 000

В. И. ШУНКОВ

0134537

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ
в XVII—начале XVIII веков

82827

1-57143-КР
СУРГУТСКАЯ
ЧБС

г. Сургут
МУК
ЧБС
ЦГБ
отдел
краеведения

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

«В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия». «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию». ¹ В цепи отдельных событий, связанных с этим общим явлением, находится и завоевание русскими юрта Кучума, павшего вслед за Астраханским и Казанским царствами. Включение в состав Московского государства Западной Сибири, а позднее всей территории до берегов Великого океана, занимает значительное место в процессе расширения русского государства и превращения его в многонациональное.

Усилению проникновения русских в Сибирь в XVI в., кроме общих причин, обусловивших образование на востоке Европы централизованных государств, не мало способствовали увеличившиеся потребности выросшего феодального государства, толкавшие его к более прочному освоению новых промысловых областей. Страна, где соболи «черны вельми и велики, шерсть живого соболя по земле ся волочит», не могла остаться вне поля внимания государства, для которого пушнина в значительной мере была валютным товаром и которое в середине XVI в. стало испытывать недостаток в ней. Путь в Западную Европу через Белое море, проложенный Ченслером, и дорога туда же через временно захвачен-

¹ Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 10, Госполитиздат, М., 1938.

ный Ругодив, освобожденный с падением Казани и Астрахани, торговый путь на восток, в Шемаху, Бухару и Хиву,— вызвали большое оживление на пушном рынке Москвы. Во второй половине XVI в. уже не всегда можно было достать драгоценный товар в ближайших к Москве пунктах. Его искали в северо-восточных областях государства и в поисках за ним же переваливали через «Камень».

Наступление Московского государства началось эпизодическими походами введов великих московских князей в 1465, 1483 и 1499 гг. В конце XVI в., с похода воевод Сукина и Мясного и письменного головы Д. Чулкова, это наступление разворачивается в планомерное продвижение, приведшее русских в XVIII в. на берега американского континента. Трудно установить начальную дату поездок русских промышленников на низовья Оби и Таза. Во всяком случае в середине XVI в. русские, по свидетельству Стифена Берроу, хорошо знали и путь на Обь и характер приобского населения.¹ А более осведомленный Оливер Брюнель не без основания утверждал, что некоторые русские «в совершенстве говорят на языке самоедов и знакомы с р. Обью, так как посещали те места из года в год».² По следам русских промышленников в том же направлении стремились экспедиции иностранцев. Это путешествия Виллоби (1553), Стифена Берроу (1556), предположенная экспедиция Джемса Бэссендайна, Джемса Удкока и Ричарда Броуна, путешествие Пэта и Джекмена (1580), Корн. Ная (1594—1595), Баренца (1596), Гудсона (1608). В последних московское правительство не без основания видело опасных конкурентов и стремилось предотвратить возможность учинения ими Сибири «какой порухи».³ С падением Казани промышленные пути пролегали и к среднему течению Оби.

¹ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 97—125, Соцгиз, М., 1937.

² Введенский А. А. Торговый дом XVI—XVII вв., стр. 102—103, Л., 1924; Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I, стр. 178—181, Иркутск, 1932.

³ Русская историческая библиотека, т. II, № 254; Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири, стр. 85—87, М., 1927.

Продвижение московских правительственных войск в Сибирь обеспечило широкие возможности для деятельности «промышленников» за Уралом. Служилые люди и люди «промышленные и торговые» первыми пришли в Сибирь. В течение XVII в. они прошли Сибирь от западного ее края до восточного, опережая друг друга и заиная новые земли. Именно они определяли направление движения. Поэтому, при изучении продвижения русских за Урал в этот период, обычно рассматривалась именно эта сторона освоения русскими Сибири. При этом в центре внимания одних историков находилась шумная деятельность московской дворянской бюрократии по освоению огромной территории, в центре внимания других — деятельность промышленных и торговых людей. Причем в более ранних работах обычно освещалось преимущественное значение первой, в более поздних мы наблюдаем стремление подчеркнуть первенствующее значение вторых.

Между тем уже с конца XVI в. начинается прилив в Сибирь волны крестьянского переселения. Менее заметная на первых порах, эта волна уже в XVII в. достигает серьезного размаха, преимущественно для Западной Сибири. По ведомости сибирских городов 1698—1699 гг., т. е. на самый конец XVII в., в Сибири числилось всякого чина жалованных людей (служилых людей, ружников и оброчников) 11'637, посадских людей 2535 и крестьян около 11 000. Таким образом, по отношению ко всей Сибири крестьянское население в конце XVII в. по численности почти равнялось населению служилому и ружному вместе и более чем в 4 раза превосходило население посадов. При этом необходимо учесть, что территория Восточной Сибири только что осваивалась, а огромные части Западной Сибири по своим естественным условиям не допускали образования крестьянских поселений. Русское население в этих местах ограничивалось почти исключительно служилыми и промышленными людьми. Поэтому соотношение различных категорий населения в районах, доступных для земледелия, дает решительный перевес в пользу крестьянства. По той же ведомости 1698—1699 гг. население Тобольского, Тюменского, Верхотурского, Туринского уездов

распределялось следующим образом: служилых людей и ружников 4653, посадских людей 1219 и крестьян 8280. Иными словами, по этим уездам крестьян было вдвое более, чем служилого населения, и в 6,5 раза более, чем посадских людей. Особенно сильно было численное превосходство крестьян по уездам Верхотурскому и Туринскому. В первом уезде крестьян было в 6 раз более, нежели служилых людей, и в 10,5 раза более, нежели посадских (1537 крестьян, 259 служилых людей и 143 посадских); во втором крестьяне количественно превосходили служилых людей в 8,6 раза, а посадских в 7,5 раза (611 крестьян, 71 служилых людей и 85 посадских). Таким образом, указанные уезды уже к концу XVII в. по их населению были преимущественно крестьянскими. Крестьянское население и крестьянский вопрос определяли для XVII в. их характер. Крестьянство являлось здесь и основной массой населения и основным производителем материальных благ. И в силу того, что «история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества», что «историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»,² — изучение вопросов крестьянского переселения и устройства крестьян является очередной задачей для правильного понимания прошлого этой части Сибири в XVII в.

Без изучения процесса образования крестьянского населения, без изучения характера и условий его деятельности нельзя правильно разрешить вопрос о значении русской колонизации для развития производительных сил Сибири.

¹ ЦГАДА. Книги Сибирского приказа, № 1354, лл. 218—406.

² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 116, М.—Л., 1938.

нельзя правильно осветить ее прошлое как составной части Русского государства. Вместе с тем изучение истории сибирского крестьянства является одной из предпосылок для более полного и глубокого понимания ряда серьезных явлений, имевших место в центральной и северной полосах старой территории Русского государства.

Отмеченная необходимость разработки указанных вопросов обостряется почти полной их неизученностью. Сибирская историография, как мы указывали выше, шла в основном иными путями. Наличие нескольких небольших статей не восполняет отмеченного пробела, так же как не восполняют его и отдельные страницы в общих работах по истории Сибири или по истории отдельных ее районов. Это замечание относится и к работе П. Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт первых ее насельников», опубликованной в 1889 г. и более других богатой фактическим материалом, относящимся к истории крестьянства в период с конца XVI в. по 1645 г. Но и Буцинский, не ставя перед собой задачи специального исследования, ограничился лишь подбором подчас очень интересного фактического материала по отдельным частям вопросов. При этом часть выводов, предложенных им, нуждается в коренном пересмотре с позиций советского историка.¹

Но если при изучении исследуемой проблемы историк почти не имеет литературного наследства, то в его руках находится обильный документальный материал, в подавляющем большинстве неопубликованный, а в значительной части и не приведенный в известность. Правда, большое количество отдельных документов, относящихся к истории крестьянства Сибири, рассеяно в многочисленных публикациях: Русской исторической библиотеке, в Актах исторических, Дополнениях к актам историческим, Актах археографической экспедиции, Собрании государственных грамот и договоров, Исторических актах XVII столетия, Памятниках сибирской истории, Полном Собрании Законов и ряде других изданий. Но

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, Харьков, 1889.

при всей кажущейся обильности этого печатного материала он не дает основания для сколько-нибудь широких и прочных суждений. Все эти публикации менее всего преследовали цели подбора материалов по истории крестьянства и уже в силу этого носят случайный, отрывочный характер. Основная масса материалов остается до сих пор неопубликованной. Поэтому при разработке вопросов истории крестьянства неизбежно обращение к архивным фондам.

В основу настоящей работы положен фонд Сибирского приказа, столбцы и книги. Известный уже давно, особенно приобретший известность после издания составленного Н. Н. Оглоблиным описания,¹ этот грандиозный по своим размерам фонд до сих пор изучен сравнительно слабо, а в известной своей части остается неразобранным. Будучи составлен из дел центрального управления Сибири, фонд приказа дает чрезвычайно ценный и обильный материал почти по всем вопросам истории крестьянства. Наряду со столбцами и книгами Сибирского приказа использовано обширное делопроизводство Верхотурской приказной избы, разбросанное по ряду фондов Центрального государственного архива древних актов. Часть дел по Верхотурской приказной избе хранится в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР. Одними из первых обратили внимание на этот фонд Ардашев и Голомбиевский в своей работе «Приказные, земские, таможенные, губные, судовые избы Московского государства».² Попавши в Центральный архив вместе с фондами учреждений, упраздненных судебной реформой 20 ноября 1864 г., фонд этот оставался неразобранным в течение десятков лет и лишь недавно поступил в обработку. Его материалы, так же как (хотя и в значительно меньшей степени) материалы Портфелей Г. Миллера, во многом расширяют материалы Сибирского приказа и вносят в них значительные коррективы. В материалах этих фондов мы имеем

¹ Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцы и книги Сибирского приказа. 4 тт. М., 1895—1902.

² Голомбиевский А. и Ардашев Н. Приказные, земские, таможенные, губные, судовые избы Московского государства, М., 1910.

дело с делопроизводством местных органов власти, при этом не только уездного центра, но иногда и с делопроизводством слобод. И если материалы Сибирского приказа дают картину деятельности центральной власти — московской и тобольской, то материалы последних фондов раскрывают перед нами практику мест, показывают, во что выливались правительственные мероприятия в уездах, в слободах. Дополнение одного материала другим, параллельный анализ их дает возможность глубже проникнуть в сущность изучаемых явлений. Отдельные документы по исследуемому вопросу имеются и в ряде других архивных фондов, как то: фонд Приказных дел старых лет, фонд Строгановских дел и др.

Настоящая работа территориально ограничена пределами Западной Сибири, в границах б. Тобольского разряда. Это ограничение, помимо зависимости исследователя от наличия доступных для изучения в настоящий момент архивных фондов, объясняется и следующими соображениями. Из 11 000 крестьян-дворохозяев, насчитанных в Сибири в 1699 г., 8280 жили в пашенных уездах Тобольского разряда. На бескрайних пространствах остальной Сибири осело лишь 2720 семей. Четыре уезда Тобольского разряда дали в 1699 г. 65% казенных хлебных поступлений всей Сибири, в 1674 г. они давали более 90% этих поступлений. Таким образом, именно в этих уездах в XVII в. сосредоточился основной массив крестьянского населения Сибири, именно в этих уездах закладывались первые успехи сибирского земледелия и именно здесь ранее всего и для XVII в. ярче всего сибирское крестьянство переживало общую судьбу русского крестьянства той эпохи — рост феодально-крепостнического гнета. Здесь, в центре хлебопашества, правительство через воевод стольного города Тобольска раньше и успешнее проводило свои мероприятия. Поэтому на материале данной территории мы, с одной стороны, наблюдаем явления, характерные для большинства районов Сибири в их более раннем проявлении, с другой стороны, эти явления, в силу особой, вышеуказанной значимости данной территории, являются решающими для всей Сибири XVII и начала XVIII вв.

Начальный хронологический момент исследования определяется, естественно, началом крестьянского переселения в Сибирь, т. е. концом XVI в. Его конечный момент приурочен в основном к концу первой четверти XVIII в. Эта грань избрана вследствие утери к этому моменту Западной Сибирью своего исключительного положения в связи с ростом крестьянского населения и земледелия в других районах Сибири. Отмеченное явление послужило, кроме того, причиной значительного изменения в характере крестьянских повинностей и условий крестьянской жизни в самой Западной Сибири. С этого момента начинает по-иному разрешаться вопрос о государевой пашне, хлебном и денежном оброке и т. д. Иной характер принимают и мероприятия правительства по отношению к вопросам земледелия. Эту конечную грань, кроме отмеченных выше соображений, определяет и состояние архивных фондов, положенных в основу работы.

Глава I

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЗА УРАЛ

Крестьянское переселение в Сибирь в исторической литературе обычно связывается с правительственной деятельностью по созданию государевой десятинной пашни. Отрицать эту связь не приходится, она, действительно, имела серьезное значение. Уже походы Ермака, кн. С. Болховского с головой Ив. Глуховым, И. Мансурова остро поставили вопрос о снабжении правительственных отрядов продовольствием. Неверные расчеты при организации этих отрядов привели к катастрофе. «И того ради бысть оскудение велие всяким запасом, и мнози от гладу изомроша». ¹ Продовольственный вопрос обострялся с каждым годом, с каждым новым отрядом, прибывающим за «Камень». Поэтому приходилось спешно организовать планомерное снабжение хлебом новой, «украинной» земли.

Вопрос был разрешен на первых порах путем завоза хлеба из Европейской России. Пермь, Соль-Камская, Кайгородок, Вятка с пригородами, Устюг, Соль-Вычегодская и Вымь-Яренская, Чердынь с их уездами обязаны были поставлять в Сибирь «сошные запасы». При этом быстро обнаружились три серьезных недочета в этой организации. Стоимость хлеба за дальностью доставки была необычайно высока. Хлеб доставлялся неаккуратно. В тяжелые 1610 и 1611 гг. он не поступал в Верхотурье совсем. ² Но и в нормальное время недомка по сошным запасам нередко числилась за поморскими

¹ Сибирские летописи, стр. 31—33, СПб., 1907.

² Акты исторические, т. II, № 94 и 337.

городами. Так, за 1663 и 1664 гг. северные города, поставив 12 170 четей муки ржаной и ржи, не довели 6273 чети сошных запасов.¹ Не доведен был хлеб и в 1666 г.² В 1645 г. города Устюжской чети не смогли поставить сошные запасы вследствие неурожая, и поставка хлеба была заменена высылкою денег: за четь ржи по рублю.³ Большие и мелкие недоимки случались постоянно. Эти недодачи сошных запасов ставили под удар нормальное снабжение сибирского населения даже и в годы, когда собственная сибирская запашка достигала значительных размеров. В 1666 г. верхотурский воевода Колтовский принужден был писать в Москву, что вследствие недовоза сошных запасов ему в Тобольск хлеба «отпускать нечево».⁴ Особенно тяжело отражался недовоз в первые годы занятия Сибири, при отсутствии собственной запашки. Наконец, хлебная повинность для городов Новгородской и Устюжской четей, обязанных также и возить хлеб до Верхотурья, была, по их неоднократным заявлениям, непосильна. «И тех городов посадским и уездным людем в тех хлебных запасах и в возке ставилась налога великая, для того, что от тех поморских городов до Сибири проезд дальний, и многие подводы назад от Сибири до поморских городов не дохаживали».⁵ Эти налоги неоднократно заставляли поморских людей бить челом государю о прекращении возки хлеба на Сибирь. Совокупность указанных явлений и заставляла московское правительство стремиться завести сибирскую пашню, в первую очередь в западных уездах. При этом Москва пошла привычным путем организации государевой десятинной пашни, используя уже имевшийся опыт.

Введение государевой запашки требовало рабочих крестьянских рук, которых не было в только что осваиваемой стране. В связи с этим московскому правительству пришлось проявить известную долю настойчивости и провести ряд

¹ ЦГАДА. Столбцы Верхотурского уездного суда, № 35, лл. 505—515.

² Стлб. ВУС, № 24, лл. 29—30.

³ ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 147, л. 159.

⁴ Стлб. ВУС, № 24, лл. 29—30.

⁵ РИБ, т. VIII, стр. 356—357.

организационных мероприятий. В основном они свелись, как это было давно уже отмечено в литературе, к трем мерам: переселению в Сибирь крестьян из Европейской России по «указу» и «прибору», использованию на сибирской государевой пашне ссыльных людей и устройству в крестьяне на пашне лиц, явившихся в Сибирь по собственной инициативе.

Трудно установить, какая из этих категорий крестьян была первой на сибирской пашне. Но можно сказать с несомненностью, что перевод по «указу» и по «прибору» из Европейской России в Западную Сибирь был применен лишь в первое время и был быстро оставлен. Хронологические границы его действия были сравнительно невелики. Все известные нам случаи перевода крестьян из Европейской России в Сибирь не выходят за пределы первой четверти XVII в., часть их имела место в конце XVI в. В 1590 г. были направлены в Сибирь в пашенные крестьяне 30 семейств, прибранных в Сольвычегодском уезде. В 1592 г. с П. Горчаковым были посланы в устраиваемый г. Пелым крестьяне из Пермской и Вятской областей. В 1600 г., при устройстве пашни, под Туринском были поселены казанцы, лайшевыцы и тетюшцы. В 1621 г. во вновь заведенную в Верхотурском уезде Невьянскую слободу «указали» перевести из казанских дворцовых сел 41 семейство.¹ Перевод не всегда давал ожидаемых результатов. «Указной» хлебопашец часто не справлялся с трудностями, связанными с коренной ломкой хозяйства, тем более, что последняя бывала иногда неоднократной. Так, часть переведенцев была направлена из Пелыма в Туринск, из Туринска в Тару, а из Тары обратно в Туринск. На Таре государеву пашню, заводимую силами переведенцев, постигла явная неудача. При устройстве пашни было поселено 25 семей казанских, лайшевских и тетюшских переведенцев, взятых из-под Туринска. Однако государева десятинная пашня около города вскоре же оказалась «впусте», так как

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, прилож. № 11, 33, М.—Л., 1937; Буциевский П. Н. Заселение Сибири в быт первых ее насельников, стр. 195—196, Харьков, 1889; Акты археографической экспедиции, т. I, № 349.

казанцев «для конского падежу», по грамоте Бориса Годунова, вновь перевели под Туринск.¹ Недостаточная эффективность данного мероприятия, его дороговизна, жалобы на него населения поморских уездов заставили Москву довольно быстро отказаться от этой меры. Ее сменила вербовка добровольцев, которую проводили в поморских городах агенты сибирской администрации. В качестве таких вербовщиков в 1637 г. в Перми, Чердыни, Соли-Камской и Кайгородке действовали верхотурские подгородные пашенные крестьяне Ф. Отрадный и И. Лаптев.²

В чистом виде перевод по разверстке сохранил и позднее свое значение, но лишь в качестве внутрисибирского мероприятия при устройстве новых поселений. Так, в 1624 г. Ницу заселяли тобольскими и тюменскими переведенцами. Было переведено также несколько крестьянских семей с Нейвы в Арамашевскую слободу.³ В 1632 г. было переведено из-под Туринска на Иванчинскую елань 5 чел.⁴ Выше мы упоминали о переводе в Туринск из-под Тары и Пельма и т. д. И, наконец, перевод применен был при устройстве пашни в городах Томского разряда, причем крестьяне переводились из пашенных городов Тобольска. Примером этого может служить перевод в 1632 г. из уездов Тобольского разряда в Енисейский и Красноярский остроги на житье в пашенные крестьяне к прежним пашенным крестьянам в прибавку 142 человек «добрых и заводных» (из Тобольска 10 чел., из Тюмени 10, из Туринска 22 и 100 чел. из Верхотурья).⁵ Еще ранее, в 1625 г., пашенных крестьян высылал в Томск воевода Хованский⁶ и т. д. Выбор и отсылка крестьян в города Томского разряда тяжело воспринимались крестьянским населением Западной Сибири. Воевода Туринского острога Г. Волинцев писал в Москву, что «от того де

выбору... збежало из туринсково пашенных крестьян... безвесно 24 человека».¹

Все три вида перевода (перевод из европейской части государства, перевод внутри уездов Тобольского разряда и перевод из городов Тобольского разряда в города Томского разряда) вместе создавали впечатление значительной деятельности. В действительности же значение перевода в смысле количественных его результатов невелико. Во всяком случае уезды Тобольского разряда получили населения путем перевода меньше, нежели отдали его в той же форме городам Томского разряда.

Другим источником получения рабочей силы для государственной пашни была ссылка. Последняя давно привлекала внимание историков Сибири.² Не приходится отрицать значительного количества ссылаемых в Сибирь уже в XVII в.: И. Масса знает Сибирь и с этой стороны. По его словам, «в первое время москвитяне пугались, если, навлекая на себя неудовольствие, слышали слово «Сибирь», потому что туда обычно ссылали в качестве наказания». Таким же местом, куда «ссылаются все находящиеся в немилости у Великого Государя», кажется Сибирь и Петрею.³ Таким образом, уже в первое десятилетие XVII в. Сибирь в этом отношении имела прочную репутацию, со слов русских известную и иностранцам. Приблизительные подсчеты ссылаемых в Сибирь, произведенные Буцинским, дают сравнительно высокие цифры. По его данным с 1593 по 1645 г. количество сосланных в Сибирь равнялось 1500 чел.; за одно десятилетие, с 1614 по 1624 г., было сослано 560 чел.⁴ Размах ссылки вы-

¹ Там же, № 60, лл. 88—91.

² О значении ссылки для заселения Сибири см. Шеглов И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, Иркутск, 1883; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония, СПб., 1892; Исторические очерки русской ссылки, «Дело», 1870, № 10; Колонизационное значение русской ссылки, «Дело», 1870, № 12; Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, Харьков, 1889.

³ Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I, стр. 205, 255, Крайгиз, Иркутск, 1932.

⁴ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, стр. 198—199, Харьков, 1889.

¹ Кн. СП, № 5, лл. 344—346.

² ААЭ, т. III, № 265.

³ Стлб. ВУС, № 68, л. 156; РИБ, т. VIII, № 11, XIV.

⁴ Стлб. СП, № 60, лл. 68—87.

⁵ Стлб. ВУС, № 7, л. 71; РИБ, т. II, № 149, I; АИ, т. III, № 172.

⁶ Стлб. СП, № 158, лл. 69—105.

рос ко второму полустолетию XVII в. Отдельные партии ссыльных достигали внушительных размеров. В 1641—1642 гг., с сентября по апрель, в Тобольске было принято ссыльных, «русских и литовских людей и черкас и мордвы», 134 чел. С конца июля 1642 по май 1643 г. туда же прибыло дополнительно 87 ссыльных.¹ В 1683 г. с Верхотурья в Тобольск отправлялась партия в 196 колодников, присланных с Вологды для поселения в Сибири. Среди ссылаемых находились и лица, бывшие «с донскими казаками».² в 1700 г. с Вологды на Верхотурья шла партия колодников в 108 чел.³ В 1698 г. правительство в грамоте от 30 октября признавало: «и такими многими ссыльными людьми сибирские города и слободы и деревни везде полнятся».⁴

Наличие значительного количества ссылаемых в XVII в. признается большинством исследователей. Мнения расходятся по вопросу об использовании ссыльных в Сибири. Н. Ядринцев и И. Щеглов не придают ссылке серьезного значения в деле освоения страны. Для них она лишь административная мера, всегда сопровождавшаяся заточением на месте ссылки.⁵ Противоположное мнение высказал Буцинский: «В течение всего XVII в. московское правительство почти всегда приказывает сибирским воеводам или верстать ссыльных на службу, или устроить на пашни, и в очень редких случаях ссыльные запирались в тюрьмы на месте ссылки».⁶ Так определялась роль ссылки в деле создания сибирской пашни. При определении ее значения в создании крестьянского населения городов Тобольского разряда необходимо учесть следующее обстоятельство: ссыльные устраивались не только на пашню, но и в служилые и посадские люди. И если в посад ссыльные попадали в очень ограниченном количестве, то они

¹ Стлб. СП, № 114, лл. 214—228.

² Стлб. ВУС, № 43, лл. 1—70.

³ Там же, № 6, л. 173.

⁴ Стлб. ВУС, № 221, лл. 26—30.

⁵ Ядринцев Н. М. Исторические очерки русской ссылки, «Дело», 1870, № 10, и Колониальное значение русской ссылки, «Дело», 1870, № 12; Щеглов И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883.

⁶ Буцинский П. Н. Цит. соч., стр. 197.

широко включались в число служилых людей. Так, 124 ссыльных, прибывших в Тобольск с сентября по апрель 1641—1642 гг., были воеводою П. Пронским распределены следующим образом. Отправлено на службу: в Сургут 1 чел., в Березов 5, в Томск 15, в Енисейск 22, в Красноярск 30, в Кузнецк 7 чел. Таким образом, в служилые люди поверстано 80 чел., т. е. значительно более половины. На пашню были посажены: в Кузнецк 5 чел., в Томск 4, Енисейск 18 и в Красноярск 1 чел., всего 28 чел. Один человек был посажен в Красноярске в тюрьму, о судьбе 15 чел. сведений не имеется.¹ Из всей этой значительной партии, следовательно, было назначено устроить на пашню лишь 22%. Следующая партия ссыльных в 87 чел., поступивших в Тобольск с конца июля 1642 по конец мая 1643 г., распределилась между следующими городами: Тобольск 5 чел., Кузнецк 3, Нарым 2, Тара 4, Томск 5, Енисейск 7, Красноярск 30, на Лену отослано 13 чел. и, кроме того, в Красноярск и на Лену 18 чел. Назначение ссылки, к сожалению, установить не удастся, кроме 5 чел., — в Тобольск в посадские люди.² Наблюдение над этими двумя партиями позволяет сделать два следующих вывода. В XVII в. в пашенные крестьяне устраивалась незначительная часть ссыльных. Уже в первой половине XVII в. ссылка преследовала цель заселения главным образом городов Томского разряда и Лены. Действительно, из 221 чел. обеих партий в городах Тобольского разряда оставлено лишь 32 чел., т. е. всего 14%. При этом из городов Тобольского разряда ссыльные были направлены в непашенные или малопашенные Сургут, Березов, Кузнецк, Нарым, Тару. Из этих 32 чел. назначение их поселения нам известно для 23 чел., из них на пашне устроено 5 чел. Таково значение для расширения пашни в городах Тобольского разряда ссыльных, прибывших в Тобольск в течение полутора лет, с сентября 1641 по конец мая 1643 г. Примерно такую же картину мы наблюдаем и в предшествующие десятилетия. В 1633 г. из Москвы в Сибирь была вы-

¹ Стлб. СП, № 114, лл. 199—212.

² Стлб. СП, № 114, лл. 214—228.

слана партия колодников в 73 чел. В грамоте на имя верхотурского воеводы Бояшева всех их велено устроить в Томском, Енисейском и Красноярском острогах.¹ В 20-х годах XVII в., согласно прибыльной книге тобольского воеводы кн. Хованского, им устроено на пашню с 1625 по 1628 г. в Тобольске 6 ссыльных, в Туринском уезде 11 (Чубарова слобода), в Таре 22; всего в городах Тобольского разряда — 39 чел. В города Томского разряда им выслано 32 чел. (5 чел. в Томск, 17 в Кузнецк и 10 в Енисейск).² К сожалению, мы не можем определить с уверенностью происхождение всех этих ссыльных. Во всяком случае относительно части из них можно определенно сказать, что они не были ссыльными из европейской части Московского государства. Так, из 13 чел., сосланных в 1626—1627 гг. в Кузнецкий острог, половина состояла из «ницинских крестьян, которые взяты за убийство приказчика Степана Молчанова и за похвалу про убийство ж другого приказчика». Шесть других ницинских крестьян были сосланы в Томск. Из числа сосланных в Томск в том же году один был взят за воровство с Чубарова городища. На 39 чел., устроенных в Тобольском разряде в эти годы, по крайней мере 14 чел. были сосланы из Тобольского же разряда. У нас нет основания утверждать, что в числе остальных были еще лица, попавшие в ссылку из пределов Тобольского же разряда, но нет также оснований заключить и обратное. Однако если даже исключить последнюю возможность, то и в этом случае на год падает на весь разряд около 10 крестьян, устроенных из ссыльных. И опять, как и в первом случае, преимущественным местом их поселения был малопашенный украинный город Тара. Почти целиком в службу, а не в пашню верстались ссыльные литовцы и черкасы, шедшие в Сибирь большими партиями. Около 1620 г. поверстана в службу партия ссыльных черкас в 40 чел.³ В 1633 г. поверстана в службу партия военнопленных в 83 чел.,⁴ в 1634 г. — 14 чел., в

¹ РИБ, т. II, № 153, 2.

² Стлб. СП, № 158, лл. 69—105.

³ Буцинский П. Н. Цит. соч., стр. 201—202.

⁴ РИБ, т. II, № 153.

1635 г. — 140 чел.¹ и т. д. Значительное количество ссыльных, поверстанных в служилые люди, объясняется как необходимостью укрепления боевой силы в Сибири, так и тем, что для значительной части их сибирское дело было «не за обычай», а отдача их крестьянам для «пашенного науку» не всегда давала ожидаемые результаты.

Приведенным соображениям противоречит расчет, данный Буцинским за десятилетие с 1614 по 1624 г. По его подсчету за эти годы сослано в Сибирь 560 чел., из которых предназначено было на службу 169 чел. и к пашне 348 чел.² Расчет Буцинского страдает одним существенным недостатком: он сделан на основе «Списка с государевых грамот Михаила Федоровича, каковые присланы в Тобольск в прошлых от 122 (1614) до 132 (1624) г. об опальных людях, которые по государеву Указу присланы в Сибирь». Поэтому этот расчет отражает не сибирскую действительность, а лишь то, что предполагала видеть в ней Москва. А между тем то и другое — не одно и то же. Среди сосланных за это десятилетие значительно более половины было военнопленных. Известно, что часть сосланных пленных, по распоряжению той же Москвы, была затребована обратно в 1619 г. для размена с поляками. И уже одно это обстоятельство показывает, как действительность изменила первоначальные расчеты, сделав одновременно и расчеты Буцинского не соответствующими фактическому положению вещей в Сибири. Но есть и еще одно обстоятельство. Уже в это десятилетие существовала практика поверстания в служилые люди ссыльных-иноземцев, принимавших православную веру. Шестью годами позже эта практика была оформлена государевым указом в общее правило. О части ссыльных 1614—1622 гг. нам известно, что они воспользовались этой практикой.

При оценке значения ссылки в развитии пашни в городах Тобольского разряда необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство. Насильно посаженные на пашне люди, часто не имевшие достаточных навыков, широко пользовались той

¹ Там же, т. II, № 182; стлб. СП, № 262, л. 307.

² Буцинский П. Н. Цит. соч., стр. 203.

относительной свободой, которая им по необходимости предоставлялась, и бежали. Так, бежали в 1629 г. ссыльные изпод Кузнецка, потому что им «пашенная работа не за обычай». ¹ О большом уходе ссыльных с пашни говорит пример Тары, о которой Будинский писал: «пашню в Тарском уезде первоначально пытались завести исключительно ссыльными». ² И действительно, Тара, как украинный малопашенный город, был тем местом, куда было направлено, пожалуй, самое большое количество ссыльных из всех городов Тобольского разряда. Можно отметить несколько партий, направленных в Тару. В 1600 г. в Тару выслано на пашню 43 ссыльных латышей и русских. В том же году, как отмечалось выше, на Тару послано 25 семей казанских, ланшевских, тетюшских переведенцев. Казанские переведенцы, по распоряжению Тобольска, были переведены в Туринск. На Таре, следовательно, должны были остаться 43 ссыльных. А по дозорным книгам 1624 г. на Таре пашенных крестьян написано лишь 10 чел., из них государеву десятинную пашню пашут 8 чел. ³ Таким образом, с 1600 до 1624 г. на пашне в Таре удержалась лишь пятая часть всех ссыльных, если считать, что отмеченные выше 8 чел. действительно все являются ссыльными. После дозора 1624 г. ссылка в Тару продолжалась. По очень неполным сведениям отдельные партии были высланы в 1626 г. (23 чел.), в 1642 г. (10 чел.), в 1643 г. (4 чел.). ⁴ Следовательно, к 1644 г. на Таре должно было быть не менее 37 крестьян, если предположить, что сведения о трех партиях исчерпывают всю ссылку и что иным путем не был прибран ни один крестьянин (что маловероятно). По книге же 1645 г. на Таре — всего 29 пашенных крестьян. Опять мы видим, что значительная часть сосланных на пашню не удержалась.

Изложенный выше материал дает основание высказать следующее положение. Ссылка в XVII в. для уездов Тобольского разряда не имела сколько-нибудь серьезного значения

¹ РИБ, т. VIII, № 11, LX.

² Будинский П. Н. Цит. соч., стр. 151.

³ Кн. СП, № 5, лл. 344—399.

⁴ Стлб. СП, № 158, лл. 69—104 и № 114, лл. 119—228.

в деле увеличения крестьянского населения. Значительная часть ссыльных версталась в служилые люди, а не в пашенные крестьяне. Тобольск, особенно с половины века, служил этапным пунктом, откуда ссыльные отправлялись в более восточные города Томского и Ленского разрядов. Сравнительно небольшое количество ссыльных, оставшихся в Тобольском разряде, устраивалось на пашне в украинных малопашенных городах. Города эти до XVIII в. были малохлебными, потребляющими районами. Таким образом, и для этих городов ссылка не смогла создать хлебопашества. Из устроенных на пашню в этих городах ссыльных значительная часть не удерживалась на месте и бежала. Положение вещей несколько меняется лишь в XVIII в. Увеличившиеся контингенты служилых людей и разрешение значительной части военных задач позволяет больше использовать ссылку для расширения запашки. По мнению московского правительства, изложенному в государевой грамоте 1699 г., ссыльных «опричь пашни сажать негде для того, что в службу на убылые места их верстать невозможно, потому что сосланы они за многие свои вины и вместо смертных казни. А на убылые старых и добрых служилых людей места против вои Великого Государя указу бьют челом умерших дети и братья и сродники. И в том им отказывать, а верстать тех новоссыльных людей немошно ж и Великого государя указом противно». ¹ Но попрежнему они используются для заселения отдаленных местностей и пограничных линий. Для XVII в. характерно положение, изложенное выше.

Таким образом, правительственная деятельность по переводу и ссылке на пашню Тобольского разряда не дала заметных результатов. Ни переведенцы, ни ссыльные в XVII в. не создали сибирского крестьянства и не были сколько-нибудь существенной его частью. Наиболее эффективными были меры по устройству в государеву пашню лиц, явившихся в Сибирь по собственной инициативе. Опираясь на этот поток самовольных переселенцев, правительство пытается завести и действительно заводит сибирскую пашню. Самым

¹ Стлб. ВУС, № 221, лл. 25—30.

действенным из мероприятий было создание для выходца из европейской части государства необходимых условий для заведения самостоятельного хозяйства: дача земли, денежной, иногда натуральной помощи. Уже в конце XVI в. правительство Бориса Годунова предписывало сибирской администрации «пашенных и посадских людей призывать на Пермь и с Вятки из Солей на льготу охочих людей от отца сына и от брата брата и от дяди племянника и от сусед суседов. А льготы им давати, смотря по тамошнему делу, насколько лет пригож... и на подмогу им давати из государевой казны деньги и хлеб, смотря по тамошнему делу, и угоды им давати на кормление, чем бы им мочно прокормитца... искати государю прибыли, чтоб прибыль учинить, а земли тягости не навести и впредь бы та прибыль была стоятельна и прочна». ¹ «И вновь пашенных крестьян... из гулящих из всяких охочих вольных людей из подмоги и на льготные годы и на ссуду призывать. А ссуду им и подмогу и льготу давати смотря по тамошнему делу и по людям и по семьям с порукою и примеряя к прежним годом». ² Эта программа и легла в основу крестьянской устроительной политики почти на весь XVII в., испытывая в течение столетия некоторые изменения.

Первоначально поселенцу, который должен был, помимо заведения своего личного хозяйства, отбывать государственные повинности в виде государевой десятинной пашни и государевых изделий, предоставлялись земля, временная льгота, подмога и ссуда. Крестьянская льгота заключалась в освобождении новоприборного крестьянина от несения государева тягла в течение определенного условием количества лет. Подмога — безвозвратная помощь, денежная или натуральная, для устройства крестьянином его «собинного» хозяйства. Ссуда, также денежная или натуральная, имела ту же цель, но подлежала обязательному возвращению. Сибирские дела четко отделяют безвозвратную подмогу от подлежащей уплате ссуды. Именно последняя обеспечивалась заемной кабалой. В 1654 г. в Белослудской слободе призван на

льготу новоприборный крестьянин Иван Михайлов в полчети десятины. «А государева жалованья дано ему Ивашку 12 алт. 3 деньги... да на ссуду дано ему Ивашке 25 алтын. И на него Ивашка в тех государевых ссудных деньгах в 25 алтынах взята заемная кабала». ¹ В Невьянской слободе ссудные деньги в 1671 г. доправлялись «по росписи и по заемным книгам». В 1674 г. слободчику Краснопольской слободы Т. Нефедову было поручено прибрать новых крестьян, дано для раздачи в ссуды 20 руб. и велено «в тех ссудных деньгах иметь поручные записи, а писать велеть добрых и прожиточных людей, кому б мочно верить, и те деньги писать в расходные книги имянно». ² При постепенном исчезновении подмоги наряду с льготными годами остается одна ссуда, которая, подобно прежней подмоге, называется иногда «государевыми деньгами», «государевым жалованьем». ³ Эта нечеткость названия, в подобный период особенно частая в практике частновладельческих хозяйств, и дала повод М. Дьякову говорить о сближении ссуды и подмоги. ⁴ Материал Сибири, по существу, права для подобного сближения не дает.

Установить точные размеры каждого из этих элементов трудно, так как они не были постоянны и изменялись в зависимости от местных и временных условий. Первоначально эти льготы не были малы. Предназначенные для того, чтобы дать крестьянину возможность «двором поселитца, пашня распахать и всяким крестьянским заводом завестися», они в первые десятилетия по размерам в какой-то степени отвечали своим задачам. В эти годы мы и наблюдаем наиболее высокие размеры ссуды и, особенно, подмоги. К этому же периоду относится и натуральная подмога. Так, в 1633 г. на Верхотурье покупали на государевы деньги лошадей пелымским пашенным крестьянам. ⁵ При устройстве слободы на Нице подмога была дана в размере 10 руб. на человека,

¹ Там же, № 44, л. 42.

² Стлб. ВУС, № 4, л. 12; № 16, лл. 48—50.

³ Кн. СП, № 75, лл. 114—120.

⁴ Дьяков М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси, стр. 265, М., 1926.

⁵ Стлб. ВУС, № 7, л. 65.

¹ Из Наказа С. Ф. Сабурову 7107 г., кн. СП, № 2, лл. 96—97.

² Стлб. ВУС, № 42.

и сверх денег дано по 5 четвертей ржи, чети ячменя, 4 чети овса и пуду соли.¹ В Чубарове сверх денежной подмоги и ссуды было предписано выдать по 2 лошади, корове и мелкий скот. С обычной ссудой и подмогой не следует смешивать таковые, выдаваемые переведенцам. Последние были значительно выше, так как включали в себя не только помощь по устройству на месте, но и оплату переезда.

Размеры подмоги и ссуды были очень рано поставлены в связь с размерами оклада государевой десятинной пашни. В 1645 г. в Ирбитской слободе взыскивали с ирбитских крестьян «что на ком взяти государевых ссудных денег на 147 год» (1638/1639). Ссуду должны были возвратить 23 чел. В росписи, по которой должны были взыскиваться ссудные деньги, отмечено несколько меньшее количество ссуд, так как иногда ссуда выдавалась двум человекам. Иногда это, очевидно, братья. Так, одну ссуду взяли Калинин да Максимка Володимеровы. В других случаях одну ссуду брали лица, не связанные близким родством. Одну ссуду взяли Василий Назарьев и Друганко Кристантьев, одна же ссуда числится за Малафейком Тимофеевым и Никифором Яковлевым. В последних случаях ссуда бралась, по всей вероятности, лицами, занимавшими один участок. В списке упоминаются ссуды двух размеров: в 3 руб. и в 1.5 руб. При этом количество человек, взявших ссуду, не имеет значения. Так, на Федоре Фомине числится 3 руб., также 3 руб. записано за Киприянком Алексеевым. А Василием Назарьевым и Друганкой Кристантьевым, обоими вместе, было получено в ссуду 1.5 руб. Полтора же рубля получил один Алексей Иванов. Очевидно, количество человек, бравших единую ссуду, не влияло на ее размер.² В том же 1645 г. в Ирбитской слободе в связи с выходом из льготы этих же крестьян была составлена другая роспись. В списке этих новоприборных оброчных крестьян приведены размеры их оброчного оклада и ссуды. В росписи из 27 чел. ссуда указана для 23 чел. Она также двух размеров: в 3 и 1.5 руб. Двух же размеров

и оброчный оклад: 1) 10 четей ржи и 12 четей с полуосминой овса; 2) 5 четей ржи и 6 четей с полуосминой овса. Первый оброчный оклад приравнен полудесятине государевой пашни, второй — четверти десятины. 13 крестьян, плативших оброк из расчета с полудесятины государевой пашни (10 четей ржи и 12 четей овса), получили ссуду в 3 руб. Остальные 14 крестьян, имевшие ссуду в 1.5 руб., платили оброк с чети десятины (5 четей ржи и 6 четей овса).¹ В такой же связи с размерами государевой десятинной пашни находилась и подмога. В 1628 г. в Верхотурском уезде новоприборным пашенным крестьянам (57 чел.) «дано подмоги на 29 десятин с полудесятиною без полутретьи 36 рублей 16 алтын 4 деньги, по 3 рубля на десятину».² Большие колебания размеров ссуды новоприборным пашенным крестьянам дает книга Туринского острога 1638/1639 и 1639/1640 гг. Здесь размеры ссуды колеблются от 2 до 12 руб.³ Очень большая ссуда, в 12 руб., в соединении с подмогой в 5 руб. и подмогой натуральной, указывается Буцинским для крестьян Чубаровой слободы в момент ее устройства. Значительность ссуды и подмоги в Чубаровой слободе обуславливалась требованием пахать на государя 2 десятины. Иными словами, и эта ссуда равна той, которая давалась в Ирбитской слободе (3 руб. с полудесятины, 12 руб. с 2 десятин), как и подмога приблизительно равна подмоге, даваемой в 1628 г. в Верхотурском уезде (3 руб. с десятины, 5 руб. с 2 десятин плюс натуральная подмога). В свете этого сопоставления необходимо понимать и 12-рублевую ссуду книг Туринского острога 1638/1639 и 1639/1640 гг. Из такого же расчета выдана подмога и ссуда в 1654 г. в Белослудской слободе крестьянину Ивану Михайлову, севшему на пашню в полчети десятины. Из расчета 3 руб. ссуды и 1.5 руб. подмоги с полдесятины ему было выдано 25 алтын ссуды и 12 алтын 3 деньги подмоги.

Наряду со стремлением сохранить соответствие между размерами ссуды и подмоги и размерами будущего тягла мы

¹ Стлб. ВУС, № 17, лл. 26—29.

² Стлб. СП, № 19, л. 233.

³ Кн. СП, № 75, лл. 114—120.

¹ Буцинский П. Н. Цит. соч., стр. 71.

² Стлб. ВУС, № 17, лл. 21—22.

наблюдаем значительные колебания в абсолютных их размерах. В Сибирском приказе еще во второй четверти XVII в. утверждали, что в Сибири подмога крестьянам выдается из расчета по 10 руб. на государеву десятину. И действительно, верхотурский воевода Хованский в 1625—1628 гг. выдавал подмогу именно в таких размерах.¹ Приведенные выше примеры, относящиеся к несколько более позднему времени, говорят об уменьшении этих размеров. Это явление особенно отчетливо наблюдается со второй половины века. Воеводская администрация стремится уменьшить помощь вновь прибираемым, делая попытки обойтись совсем без подмоги, а иногда и без ссуды. Так, в Туринске еще в 1639 и 1640 гг. «деньги даваны из государевы казны для всякого заводу в кабалу с порукою годы на 2 и на 3». На лицо только ссуда. При этом и ссуда иногда уменьшается. Так, в 1654 г. в Краснопольской слободе было указано «на ссуду давать против Верхотурского уезду слобод новоприборных крестьян на десятину по 1,5 р.; а хто больши или меньши десятины оброчит и тем крестьяном потому ж бы есте давать по расчету». Размеры ссуды, указанные здесь, вдвое меньше приведенных выше.² В 1671 г. верхотурский сын боярский П. Буженинов в своей челобитной указывал, что в бытность приказчиком Ирбитской слободы «прибрал вновь из гулящих вольных нетяглых людей в крестьяне 39 человек без вашего Великих государей денежного жалованья без ссудных и без подможных денег».³ В поручных 1680 г. по Камышенской и Краснопольской слободам имеются указания только на льготные лета, без упоминания ссуды и подмоги.⁴ На такой же путь вступили еще в 1633 г. в Тобольске, устраивая в Ницинской слободе 5 крестьян без подмоги, «потому что они

¹ Стлб. СП, № 158, лл. 69—105; № 1673. Увеличенная подмога в 10 руб. на десятину обычно давалась в случае прибора в крестьяне без льготы.

² Стлб. ВУС, № 16, лл. 48—50.

³ Стлб. ВУС, № 54, лл. 28—29.

⁴ Там же, № 67, л. 202.

объявились прожиточны и семьянисты».¹ О необходимости ограничения подмоги из Тобольска в то же время писали на Верхотурье, упрекая верхотурских воевод, что они прибирают в пашню детей, братьев, племянников с подмогой, «а отцы их и братья прожиточны и им де мочно пахать твоя государева пашня и бес подмоги»²

Постепенное уменьшение подмоги и ссуды и наличие тенденции к их исчезновению едва ли говорят об их чрезмерно больших размерах вначале и об исчезновении потребности в них позднее. О значении этой ссуды для крестьянского хозяйства, о ее недостаточности, о тяжести ее возвращения говорят крестьянские челобитные за весь XVII в. и недобор приказных изб по ссудным деньгам. Так, в денежной смете по Верхотурью в 1623 г., в статье доходов «из займов и из доимки», помечено: «на 1623 год на пашенных крестьянех ссудных денег по заемным памятем донять 88 р. 26 а. 4 д. И в то число взято 3 р. 16 а. 4 д. А донять 85 р. 10 а. И в тех деньгах крестьяне стоят на правеже». По 1625 г. на крестьянах правили невзысканных своевременно ссудных денег на 34 руб. 6 алтын 4 деньги. По 1626 г. крестьяне стояли на правеже в 220 руб. 16 алтын 4 деньги.³ В 1642 г. пельымские пашенные крестьяне били челом об отсрочке уплаты ссуды и подмоги, полученных в 1635 г., ввиду несостоятельности. По поводу этой челобитной пельымский воевода писал в Тобольск, что править недоимку не смеет из-за боязни, что пашенные крестьяне, «покиняя государеву пашню разбредутся врознь». На незначительность ссуды указывали и крестьяне Бергамаковой слободы, заявляя в 1668 г., что за покупаемых на ссуду лошадей и ральники им приходится платить за лошадь по 4 руб., а за ральник по рублю.⁴ Эти свидетельства говорят о том, что ссуда и подмога ни в раннее время, ни позднее не обеспечивали полностью нормального развертывания хозяйства. Поэтому их сокращение и полное исчезновение нельзя связы-

¹ Стлб. СП, № 34, л. 7.

² Там же, л. 58.

³ Там же, № 19, лл. 240—241.

⁴ Кн. СП, № 535, лл. 707—853.

вать с избытком отпускаемых сумм; легче и естественнее это объясняется ростом предложения крестьянских рабочих рук.

Такую же эволюцию переживает и льгота. В отличие от ссуды и подмоги она удерживается весь XVII и переходит в XVIII в. Меняются ее размеры. Величина льготного периода связывалась иногда и с величиной ссуды и подмоги, будучи обратно пропорциональной им. Так, уже при устройстве Ницинской слободы в 20-х годах новопашенные крестьяне получали льготы, при большой ссуде лишь на 2 года. Обычно же в ранний период заселения льгота была больше. По Туринскому острогу в 1639 и 1640 гг. при нормальной ссуде давалась 6-летняя льгота.¹ В Верхотурском уезде уже к середине века перешли к 3-летней и 4-летней льготе. В это же время в слободах Тобольского уезда продолжали давать льготу на 6 лет. Это вызвало в 1644 г. заявление приказчика Ирбитской слободы В. Муравьева о чрезвычайной невыгодности подобного положения для верхотурских слобод. «Велено призывать пашенных крестьян, а льготы им велено давать на 3 и на 4 года, а из Тобольска, которые слободы приказчики строят тут же близко Ирбицкие слободы верстах в семи и в пятнадцати и больше и призывают по государеву указу вновь и льготу им дают на 6 лет. И многие крестьяне в тех слободах селятся и проходят всякие люди мимо Ирбитскую слободу». В том же 1644 г. Муравьеву было разрешено «льготы давать на 5 и на 6 лет, а ссудные и подможные деньги и хлеб... давать против наказу» попрежнему.² А в 1654 г. по Верхотурскому уезду льгота, при уменьшенной ссуде, давалась уже на 5 лет.³ В 1671 г. на челобитной о записи в крестьяне в Арамашевскую слободу помечено: велеть ему быть на льготе, а льготы дать ~~им~~ на 2 года.⁴ В 1680 г. приказчик Ив. Албычов прислал на Верхотурье поручные записи на новых крестьян Камышенской слободы. Согласно тексту записей крестьяне посажены на оброк ~~изо~~ льготы, без ссуды и подмоги, причем срок

льготы в поручных не был указан. По этому поводу Албычову писали с Верхотурья: «и то ты сделал глупо», и велели «льготы давать года на два или на три».¹

Таким образом, и по отношению к льготным годам мы замечаем ту же тенденцию к уменьшению, что и в отношении подмоги и ссуды.

От отмеченных выше обычных ссуды и льготы нужно отличать, так сказать, экстраординарные льготы и ссуды, дававшиеся в чрезвычайных обстоятельствах. Так, в 1672 г. дана льгота оброчному крестьянину Ирбитской слободы Фот. Лаптеву по случаю пожара, во время которого сгорело все его имущество. В том же 1672 г. крестьянину той же слободы Д. Важнину, по его челобитной, дана льгота как безлошадному.² Годовая льгота дана также крестьянину Тагильской слободы М. Полякову, писавшему в челобитной, что он «человечишко одиноков, один был сынишко и тот умер, а скотишка... была одна лошаденко и та пала собою, а две коровы убил зверь».³ В 1672 г. крестьяне Ницинской слободы били челом о выдаче денежной ссуды на покупку скота, так как в слободе был скотский падеж.⁴ Довольно часто экстренные ссуды давались хлебом «на семена и смена». Записи о заемном крестьянском хлебе нередко встречаются в сметных списках. В 1662 г. тобольский воевода И. Хилков писал по этому поводу верхотурскому всеводу И. Камынину: «А впредь опричь пашенных и оброчных крестьян никаким людем государева хлеба в займы не давать... да и крестьяном давать бы... поневелику, чети по 3 и по 4 на семена, смотря по людем».⁵ Размеры заемного хлеба были, действительно, невелики. В 1684 г. в верхотурские городские житницы поступило в приход с 21 чел. (из них 20 крестьян и 1 подьячий) 103 чети. Из них 59 четей с 1 чел. (со старосты), 2 чети были недомером. Таким образом 20 чел. внесли заемного хлеба всего

¹ Кн. СП, № 535, № 75, лл. 114—120.

² Стлб. ВУС, № 2, л. 50.

³ Там же, № 16, лл. 48—50.

⁴ Там же, № 4, лл. 119—120.

¹ Там же, № 67, лл. 202—205.

² Там же, № 40, лл. 37—38.

³ Там же, № 60, л. 67.

⁴ Стлб. ВУС, № 21, л. 44.

⁵ Там же, № 15, л. 24.

42 четв.¹ Установить точно размеры и принципы выдачи этого рода ссуд и льгот по самому их характеру, разумеется, нельзя. На проведение указанных мероприятий правительство, особенно первое время, расходовало значительные средства. В 1625/1626 г. Фед. Буженинов при устройстве новой слободы израсходовал 139,5 руб. на подмогу и 364 руб. на ссуду. В 1623 г., за один год, на ссуду и подмогу при устройстве Чубаровой слободы было выдано 350 руб. По Туринскому острогу в 1638/1639 г. на одну ссуду израсходовано 51 руб., а в 1639/1640 г. — 248 руб.² и т. д. Несомненно, это дало не малый эффект. Возможность получения значительной все же помощи привлекала широкую волну поселенцев.³ И наличие этой волны, как было указано выше, позволило правительству постепенно свертывать эту деятельность, сжимать расходы по помощи на устройство поселенцев. Во второй половине века в этом отношении стремятся обойтись одними льготными годами.

Государева администрация в лице воевод и слободских приказчиков не была одинока в своей деятельности по устройству на пашню выходцев из Московского государства. Аналогична деятельность сибирских монастырей. Обеспечивая свое хозяйство рабочими крестьянскими руками, последние садили пришельцев на свои земли на условиях рента. Так, с марта 1653 по март 1657 г. невянский Богоявленский монастырь порядил во крестьяне 25 чел., заключив с ними 21 порядную сроком от 6 до 20 лет. В одной порядной срок установлен «до смерти». 12 чел. обязывались пахать монастырскую землю добрую из пятого снопа и привозить хлеб в монастырские житницы, «взмолотя и не стравя гадине». Остальные порядились на оброк по полтине с десятины, «по сколько десятин учну пахать в перемену, а в дву потому ж». Все порядившиеся были обязаны поставить двор, избу, овин, клеть; часть из них обязывалась городить поскотины и давать поборы. В одной из порядных последняя обязанность

¹ Стлб. ВУС, № 9, лл. 1—2.

² Буцинский П. Н. Цит. соч., стр. 39, 71; стлб. СП, № 87, л. 811.

³ Кн. СП, № 75, лл. 114—120.

заменена поставкой ежегодно 30 копен сена. В двух порядных порядившиеся обязывались по вызову чинить мельничную «заплоту», а их жены прясть на монастырь по 2 десятка конопли. За это порядившимся предоставлялась земля монастырская «добрая» и льгота почти во всех случаях 3-летняя. В одной порядной льгота указана на 2 года, в другой на 4 года. В части порядных (в четырех) упомянута выдача монастырем хлеба на семена: «и семена иметь на свою пахоту у келаря и отдавать их в монастырь из своего хлеба, а не свопча». Позднее, в 1694 г., крестьяне Невьянского монастыря заявляли, впрочем: «хлеб сеем в землю всякой своей». В двух порядных высказана общая мысль об обязанности монастыря «от всяких государевых зделий и от оброков и от всякого насильства сторонних людей обороняти». Уход до срока влек необходимость уплаты ренты в размере от 5 до 30 руб. Особо взыскивалась определенная сумма, от 5 до 10 руб., за дворовое непоставление.²

Монастыри привлекали на свои земли поселенцев также в качестве половников. В 1669 г. за тарским Спасским монастырем жили 3 половника, относительно которых мы имеем списки с порядных записей. Половники Гр. Холкин и Назарий Корнильев порядились в половине на 5 лет, с Петрова дня 1668 г. по Петров день 1672 г. По порядной они обязались в монастырской деревне на нижнем Изюке пахать пашни «сколько сила поможет», получая семена «все монастырские». Урожай должно было выдавать с гумна в монастырь «и приполон делить пополам». Кроме этой основной работы половники обязывались выполнять следующие изделия: 1) поставить по сажени дров, 2) по 2 дня косить сено и 3) по 2 дня возить на монастырскую землю назем. На этих условиях они получили следующую ссуду: при заключении рента — по кобыле с жеребенком, по другой кобыле монастырь должен был выдать после Семена дня 1669 г. и нетель двух годовую. Приплод от кобыл и коров оставался за половниками. Из инвентаря выдавалось по косе, сошники и серпы. Монастырь обязывался выдать новую лошадь, если «кобыла

¹ Стлб. ВУС, № 23, лл. 161—162.

² Там же, № 14, лл. 11—41.

грехом падет». Монастырь же должен был выдать и новые сошники, косы и серпы, если прежние изломаются на монастырской работе, а «обломки приносить в монастырь»; в случае поломки своим небрежением, половникам вменялось в обязанность «самим делать или цена в монастырь платить, что чего стоит». По окончании полова Холкин и Корнильев обязывались «в монастырь итти в 5 сноп». Аналогична порядная Дмитрия Санникова, порядившегося в половники с 25 января 1666 по 26 октября 1672 г. Одновременно с порядной Санников давал в монастырь свою деревню на Изюковом озере, в которой и обязывался пахать по десятине «зимового» и по десятине ярового хлеба. Как и по предыдущей порядной, поле засевалось монастырскими семенами, а приполон делился пополам. Изделия Санникова ограничивались изготовлением на братию пуда круп и пуда толокна на год. В ссуду Санников получил кобылу, сошники, косу, 2 серпа на тех же условиях. Всем половникам монастырь обещал за них «стоять и в обиду не давать». ¹ Условия, предоставленные половникам, давали возможность осесть на землю человеку, не имеющему ничего, с надеждой через несколько лет половничества выйти в крестьяне.

Льготы, предоставляемые крестьянам Невьянским монастырем, были меньше льгот, даваемых в казенных слободах, но меньше были и повинности. ² Поэтому не пустой фразой было обещание монастыря «от всяких государевых зделий и от оброков и от всякого насильства... оборонять». В силу этого устроительная деятельность монастыря была не безупречной. К началу XVIII в. у него было 3 села (около монастырское, Покровское и Пышминское) с 8 деревнями. В 143 принадлежавших ему крестьянских дворах жило 565 чел. Монастырь имел 27 десятин монастырской запашки и 335 десятин в поле собиной крестьянской пашни. На пашне монастыря и его изделиях, кроме 143 крестьян-дворохозяев, работали 34 монастырских вкладчика и слуг и 21 монастырский детеныш. ³

¹ Кн. СП, № 535, лл. 916—920.

² О повинностях крестьян см. ниже.

³ Кн. СП, № 853, лл. 286—296.

Аналогичную невянскому Богоявленскому монастырю деятельность развили Тобольский Знаменский, Верхотурский Никольский, Успенский Долматов, Троицкий, Коцкин, Тарский Спасский монастыри, Рафалова пустынь и, особенно, тобольский Софийский дом. Деятельность монастырей по прибору крестьян вызвала беспокойство слободской администрации. Д. Андреев, приказчик исетской Терсядкой слободы, в 1669 г. жаловался на Долматов монастырь: «И кои люди приходят из за каменн... и те селятся ины по монастырем на Исети в Долматове больше 100 человек сверх даточных... и которые тяглые люди пашенные крестьяне из иных слобод бегают и те люди селятся у них же за монастырями». ¹ Несмотря на ряд ограничений, устанавливаемых правительством в деле монастырского землевладения и владения крепостными руками, монастыри имели в уездах Сибири к концу XVII в. 1495 дворов митрополичьих и монастырских крестьян. По тому же подсчету государевых пашенных и оброчных крестьян было несколько более 9000 дворов. Следовательно, на монастырских и митрополичьих землях осело 14% всего крестьянского населения Сибири. ²

Помимо деятельности государевой администрации, происходило устройство новых крестьян на землю и пашню еще и силами самого крестьянства, в виде поселения на своих крестьянских землях половников, захребетников или в виде сдачи «государева наделка». Одного из таких захребетников, Осипа Назарьева, отметил писец Федор Михалевский в 1668 г. у тобольского оброчного крестьянина Федора Сальникова. Назарьев жил на сальниковской земле и пахал на ней в 1668 г. 3 десятины ржи и 2 десятины ярового, не платя тягла и пятины. Согласно срочной работной записи, О. Назарьев взялся в течение 2 лет «з женою своею и з сыном у него Федора всякая дворная и деревенская работа робить по вся дни, чем он Федор заставит», и снял с Федора треть его оброка, а именно 5.5 четей ржи и 5.5 четей овса, «и всякого мирского тягла и изделий его Федорова повитья

¹ Там же, № 635, лл. 25—26.

² Там же, № 1354, лл. 218—406.

треть». За это у Ф. Сальникова его «поставленник» вырядил «половина ево Федорово двора и всех хором, а во дворе хором: изба, клеть, сени, баня, на пашне — овины; а пашни пашенные и заложныя и поскотинные земли и пустошей и сенных покосов и всяких угодей треть. И со всяким деревенским заводом: сошники, топор, две косы, 4 серпа, да жернова. А скота: кобыла да жеребец 3-х лет, да корову, да нетель, да бычек, да овца. Да хлеба ржи 7 четвериков да 3 четверти овса мирских на семена. А пити и есть Осипу свое, а не хозяйское». Заряд по записи был установлен в 30 руб., «и со всякими убытки». О. Назарьев проработал у Ф. Сальникова одно лето и по обоюдному согласию ушел в пашенные крестьяне в Бергамакову слободу, получив при расчете кобылу работную, по четверику ржи, ярицы, ячменя, по полчетверику гороха и семени конопляного и 200 копен сена.¹ Зажиточные крестьяне, обзаведшиеся значительной запашкой, с которой они должны были пахать и соответствующую долю государевой десятинной пашни, довольно широко использовали труд «поставленников». Так, братья Гилевы, известные ялutorовские слободчики, в 1660 г. имели 3 поставленников. Слободчики братья Ульяновы, пахавшие очень большой участок государевой пашни (в 4 десятины без полполчети) в поле, в том же году имели 4 поставленников, а в 1661 г. 6 поставленников.²

Более частой формой привлечения старыми крестьянами новых пришельцев на пашню, нежели поставленничество, была сдача полная или частичная государева повытья. Крестьянство Сибири весь XVII в. сохраняло за собою, несмотря на двойственную политику и колебания по этому вопросу правительственной администрации, право передачи тягла. Это право оно широко использовало, устраивая вместо себя в государево тягло гулящих людей. «Мы, государь, сироты твои в подмогу себе гулящих людей в твою государеву десятинную пашню призывали и пашни с себя здавали статками своими подмогали и льготу себе чинили», заявляли в

челобитной в 1632 г. крестьяне Тагильской слободы.¹ Законность передачи тягла достигалась каждый раз подачей челобитных и решением по ним, а также явкой поручных записей по снимающему тягло. Примером подобного оформления может служить челобитная гулящего человека Емельяна Семенова от ноября 1666 г., в которой он просил разрешения «снять с верхотурского оброчного крестьянина вашей государевой оброчной пашни с Васьки Федорова осьмину». Одновременно с ним бил челом и Василий Федоров: «пожалуйте меня велите вашу государеву оброчную пашню здать статками своими гулящему человеку Омельке Семенову». На обеих челобитных пометы от 26 ноября 1666 г. В помете на первой указано: «велеть снять оброчный хлеб и взять на нем поруку»; на второй: «велеть здать гулящему человеку и взять поручную запись». ² Как видно из приложенной к делу поручной записи, сделка, действительно, имела место.³ Поручная запись при этом имела двойное значение: в отличие от обычной поручной по крестьянине. Как и обычная поручная, она гарантировала государству выполнение тягла; как документ, оформлявший частнопроводные отношения, она регулировала взаимоотношения бравшего и сдававшего тягло. Ее предъявляли, ее усиленно разыскивали, когда у сдатчика со съемщиком происходила «спона». Воеводская администрация в течение всего XVII в. утверждала своими пометами на аналогичных челобитных передачу тягла, хотя и не всегда уверенно. Так, 23 февраля 1652 г. в Верхотурской приказной избе челобитную верхотурского пашенного крестьянина Макара Афанасьева и Матфея Тимофеева, просивших первый о сдаче, а второй о взятии тягла, поместили следующим образом: «буде наперед сего вдавывать указано и ныне велеть потому ж здать и снять и за ними роспись в именных книгах против челобиться их и поручную запись в казну взять». ⁴ Эта неуверенность пометы

¹ Кн. СП, № 535, лл. 853—858.

² Кн. СП, № 535, лл. 1048—1052.

¹ Стлб. СП, № 32, лл. 160—164.

² Стлб. ВУС, № 14, лл. 46—47.

³ Там же, лл. 48—51.

⁴ Стлб. ВУС, № 21, л. 28.

отноюдь не означает незнания приказною избою данного явления. До 1652 г. подобных челобитных прошло не мало через Верхотурскую избу. Эта неуверенность вызвана неумением определить свое отношение к данному явлению. Последнее иногда было выгодно для пашенной администрации, и она его поощряла. Так, в 1672 г. ирбитские оброчные крестьяне Шипицины просили перевести их в Камышенскую слободу, так как их пашни на Ирбите «выпахались и хлеба не родят». В памяти из Верхотурья ирбитскому приказчику давалось разрешение на перевод, но с условием «оброчное тягло здать братьям своим или иным сторонним людям своими статками». ¹ Вместе с тем нередки случаи, когда разрешение на передачу тягла казалось воеводской канцелярии нарушением государевых выгод, так как давало возможность выйти из тягла прожиточному человеку. В подобных случаях передача запрещалась. В 1669 г. крестьянин Бергамаковой слободы Дм. Корытов сдал свое тягло сыну слободчика Росторгуеву. Тобольск запретил передачу, велел вернуть Корытова в пашенные крестьяне, а сыну слободчика Росторгуеву велено пахать с отцом. Росторгуевым предписывалось «десятичные пашни ни с кого снимать и наймоватца пахать не велеть, а велеть... пахать великих государей десятинная пашня за себя свое старое повытье... дворами строитца и всяким деревенским заводом заводитца». ² Одним, быть может, из наиболее ярких примеров двойственности политики в этом вопросе является дело крестьян Тагильской слободы 1632 г. Последним систематически давались разрешения на сдачу тягла их «статками и животишками», и вместе с тем тагильские крестьяне, по их заявлению, «льготы себе не учинили... на тех наших подрядчиков и на нас пашню вновь прибавливают сильно». ³ Колебания воеводской политики не мешали данному явлению существовать в течение всего века. Дела о сдаче тягла идут с 10-х и до 90-х годов.

Сдача тягла крестьянами была по существу тем же явле-

нием, что и устройство слободчиком или приказчиком крестьян на государеву пашню. Сдавалось всегда строго определенное в поручной повытье: «полдесятины», «полудесятины без получети», «осьмина», «полосьмины» и т. д. Подрядчик-съемщик обязывался, кроме обработки государевой десятинной пашни или уплаты оброчного хлеба, с этого повытья «государевы изделья делати и денежные поборы давати». Иными словами, он становился по отношению к государству в те же отношения, что и всякий пашенный или оброчный крестьянин. Аналогичны и приемы устройства на пашню. Это — предоставление земли и подмоги, называемой в поручных этого типа обычно ссудой. По вполне понятным причинам при сдаче отсутствует льгота. Ссуда имеется налицо почти всегда. Обычно сдатчик давал ссуду натурой. Изредка встречается денежная ссуда или ссуда комбинированная. В 1640 г. А. Косой снял с тагильского пашенного крестьянина полдесятины государевой пашни, взяв с него ссудных денег на полдесятину 3 руб. В тот же день, 5 сентября 1640 г., в той же тагильской слободе Конд. Сысолетин снял с другого пашенного крестьянина государева тягла в четверть десятины, взяв на той четверти ссудных денег 1.5 руб. ¹ Крестьянская подмога в этих случаях равнялась обычной государевой ссуде (3 руб. на полдесятины тягла). Иногда она выше; в 1622 г. в верхотурской подгородной слободе тягло пашенного крестьянина И. Кудрина в четь десятины сняли Ф. Васильев и П. Семенов, взяв ссуду в 5 руб. Последний случай более типичен. Крестьянская ссуда-подмога обычно выше государевой.

Установить точно ее размеры затруднительно по трем причинам. Она, несомненно, варьировалась в зависимости от величины снимаемого тягла. При дробности долей сдаваемого тягла (полдесятины без получети, осьмина, полосьмины, десятина без чети, полдесятины без полуосьмины, четь с полчетвертиком и т. д.) легче подметить эту зависимость, нежели ее точно определить. Обычно натуральная подмога состояла из многих предметов, трудно поддающихся

¹ Стлб. ВУС, № 40, лл. 39—40.

² Стлб. СП, № 535, лл. 914—916.

³ Стлб. СП, № 32, лл. 160—161.

¹ Стлб. ВУС, № 2, лл. 14—19

ценностному выражению. Величина части объектов подмоги (земля, покосы и т. д.) в поручных обычно не определяется.

Некоторое представление о величине этой подмоги могут дать следующие примеры. В 1650 г. Вас. Ногачев снял с верхотурского подгородного крестьянина Фед. Жернакова государева тягла полдесятины оброчной пашни. С того тягла он взял следующий «наделок»: «На Салде в Жернакове деревне двор его Федоров со всеми хоромы и с местом и с банею и с овином и с гуменником и пашенные земли и покосы все без остатка и с засеянным хлебом... и со всякими угоды и с путинки и с мельницей с его Федоровою третью и с жерновами и со всякою мельнишною снастью, без вывода и всякую железную и деревянную порядню, двои ральники, да две сохи, да две бороны, четыре косы, шесть серпов, три топора, да две лошади мерины, да три коровы, да две телицы, да два быка, да пять овец, да шесть свиней; да платья, что он Федор носил да в сухом хлебе взял он Василей у него Федора два жеребья». ¹ Вместе с тяглом здесь пустел весь крестьянский «завод». Обычно крестьянская подмога состояла из четырех элементов: земли, двора с хоромами, скота, сельскохозяйственных орудий. Иногда к этому прибавлялся хлеб сухой или в земле. Как указано выше, труднее всего определить величину первых двух элементов. При полной сдаче тягла и ликвидации хозяйства сдатчика передавалась вся его земля и весь двор с хоромами; чаще это «во всем головина», с более или менее подробным перечислением. Так, Иван Колмогорец, снявший в 1659 г. с верхотурского подгородного крестьянина четь десятины, взял в его деревне на Салде во дворе избу малую, сарай на хлебах, подклеть с погребом, полдвора по среднему столбу, полхлева коровника, четвертую долю в бане, овин, половину пашенных земель и сенных покосов. ² С. Данков в 1627 г. взял с тяглом на Тагиле деревню «со двором, пашнею, санными покосами, поскотиною и овином, во дворе хором, изба, да клеть, да хлев, погреб на улице, да клетные бревна, овин на пашне». ³ В

¹ Стлб. ВУС, № 21, лл. 18—20.

² Там же, № 25, лл. 131—132.

³ Там же, лл. 65—67.

1652 г. братья Долгушины получили с тяглом у верхотурского подгородного пашенного крестьянина Ф. Лукоянова в Пурегове деревне половину двора, «а во дворе хоромов изба, да клеть на улице, да хлев новой, да баня, да овин». ¹ При всей конкретности этих описаний перевести их на ценностное выражение почти невозможно. Одно ясно: подрядчик сразу же получал жилье и необходимые хозяйственные постройки. Из скота в подмоге почти всегда перечисляется рабочий скот и молочный, иногда мелкий скот. Из 27 поручных с натуральной подмогой рабочий скот дан в 21 случае. Чаще давалась 1 лошадь (13 случаев); в 7 случаях дано по 2 лошади, в одном — 3. Коровы даны в 20 случаях из 27: в 14 случаях по одной, в 3 — по 2, в 2 — по 3 и в одном — 6. Вместе с коровами часто придавались нетели и телята (в 11 случаях). Из 27 порядных в 13 упомянуто придача овец (в 7 по одной, в одной — 2, в двух — 3, в одной — 4 и в двух — 5) и в 4 — дача свиней. По двум порядным сверх лошадей и коров даны по 2 быка. Из 27 подрядчиков, получивших подмогу натурой, 19 были снабжены и мертвым сельскохозяйственным инвентарем: косами, серпами, сохами, боровами, ральниками, сошниками, топорами и пр., 16 чел., кроме того, получили хлеб сухой и в земле. В отдельных случаях подрядчик получал полное хозяйство. В 1641 г. подрядчики П. Бушмелев и Б. Широковых, снявшие на Тагиле тягло с пашенного крестьянина С. Рычкова, взяли подмоги «половину двора, избы, бани, овина, погреба, и в огородах, да мерин рыж, да мерин карь, корову белу комолу, две овцы, свинью, ральники, косу, серп, топор, хомут, гужи моржевые, а другой хомут расхожий, двои сани ошевни, да дровни дубовые, да березовые, да половину в пашенных землях и в залогах и в санных покосах». ² Гулящий человек И. Архиповых получил с тяглом умершего подгородного крестьянина И. Шульгиных в четь десятины в 1669 г. следующие «статки» Шульгиных: «лошадь мерина шерстью мухорта, грива направо, да кобылу шерстью ворону, да хо-

¹ Стлб. ВУС, № 21, лл. 26—27.

² Стлб. ВУС, № 20, лл. 5—7.

мут доброй, шлея и гужи ременные, да корову красную с рогами, да два быка, бычек бурой на 3 году, а другой годовой, да 3 овцы и 2 барана белы, да полвепря, да ральники, две косы, да сковорода железная, да ножницы овечьи, да скобель плотничная да... полдеревни. И на всем ему Ивану Архиповых в пахотных землях и в сенных покосах и во всяких угодьях и в рыбных ловлях, во дворе и в избе и во всех хоромах и в дворовом заводе и в гуменниках, в овине и в мякиннице, половиною во всем владеть. Да ему ж... насаенного хлеба... третей жеребей».¹

Некоторое представление о денежной стоимости подобной подмоги дает поручная по подрядчике С. Данкове, взявшем в 1627 г. с тагильского пашенного крестьянина Г. Варачева с тяглом в полдесятине с получетью: деревню с двором, пашнею, санными покосами, поскотиною, хоромами, сеянной ржи в земле 2 чети, ральники, жернова, мерина, 3 коровы, 5 телят подкормков, свинью да вепря. В самой поручной из этой подмоги оценен скот: лошадь-мерин в 2 руб., коровы, телята и свиньи в 5 руб. Следовательно, одним скотом было дано больше государевой ссуды и подмоги. Последних на полдесятину с получетью должно было быть дано 5 руб. 20 алтын 4 деньги. В данном случае приведен пример значительной подмоги. Но и в меньших подмогах стоимость скота, если исходить из этой расценки, составляет значительную часть обычного размера государевых подмог и ссуды. Стоимость сельскохозяйственного инвентаря и построек делала крестьянскую подмогу обычно больше государевой. Преимущество представляла и крестьянская земля, уже разделанная.

Величину ссуды, предоставляемой новопоселенцам-крестьянам, приходится объяснять отсутствием в этой помощи льготных лет. Преимущество крестьянской подмоги вознаграждали необходимость немедленно тянуть государеву тягло.

Различные причины приводили к сдаче тягла, связанной со столь значительными расходами. Крестьяне Тагильской слободы искали в этом возможности «подмогу и льготу себе

¹ Стлб. ВУС, № 14, лл. 57—58.

чинить». Сдача тягла позволяла уйти на новое место и перестроить свою жизнь. Сибирский приказ так оценивал это стремление: «иные прожиточные крестьяне... льгота себе из старых своих больших жеребьев и из дворов селятца в новые слободы на малые жеребьи на льготу лет на 5, и на 6. А в свои старые дворы и на большие жеребьи сажают приходящих бедных людей, дав им что небольшое из животнов своих».¹ Часто к сдаче тягла приводили болезнь и старость, делавшие непосильными государевы изделия. В. Федоров, верхотурский оброчный крестьянин, сдал пашню потому, что стал «стар и слеп, пахать пашни не может и не видит».² За увечьем (обезножил) сдавал свое тягло и крестьянин Волин в 1659 г.³ Крестьянин Ив. Поливиц, сдавший «своими крохами» полдесятины с получетью тягла, устраивал передачей полного своего немалого хозяйства свою старость, так как включил в обязательства подрядчиков, его родственников, «понти и кормити и одевати и обувать и поконить по смерти».⁴ Многочисленны случаи сдачи тягла «с умершей пашни». В 1669 г. на Верхотурье сдали тягло умершего крестьянина И. Шульгиных его поручики, передав в подмогу хозяйство последнего.⁵ «Умершее тягло» ложилось тяжелой добавочной повинностью на поручиков умершего крестьянина. И последние путем передачи оставшегося хозяйства или собственными «статками» стремились сдать это тягло новому человеку. Правительство всячески поощряло эту передачу. «А велено тем поручиком... прибирать вольных охочих гулящих людей и подмогать им их же поручиком своим животы». Правительство лишь негодовало, что поручики «подмогать не хотят», да и «ручатся не хотят, и в поруки пишут их воеводы поневоле».⁶ Иногда после умерших тягло сдавалось их женами, пускавшими во двор нового хозяина. Так, в 1621 г. жена скончавшегося крестьянина Истомы Кудрина

¹ Стлб. СП, № 1673.

² Стлб. ВУС, № 14, л. 47.

³ Там же, № 25, лл. 129—130.

⁴ Там же, лл. 111—112.

⁵ Там же, № 14, лл. 57—58.

⁶ Стлб. СП, № 1673.

пустила во двор съемщика Т. Порошина, сдав ему вместе с тяглом и все хозяйство. Сдача на этот раз была неудачна. Порошихин, прожив один год, сбежал, и тягло пришлось сдавать его поручикам «своими животами». ¹ Данное явление широко распространено в Московской Руси. Недаром при описании населения посада Пскова и Новгорода в 30-х годах XVII в. был выделен особый разряд людей, взявших за себя посадских жен и с ними посадские дворы.

Определить количественные результаты крестьянской деятельности по устройству на пашне гулящих людей не представляется возможным. Переписные и дозорные книги не дают для этого материала. Не имеем мы в руках и полностью сохранившихся делопроизводств слободских приказчиков, в которых должны были храниться поручные-поряды. И все же, я думаю, мы не ошибемся, если признаем эти результаты количественно значительными. За это говорит следующее: однотипность для разных мест поручной-поряды и выработанность ее формуляра, свидетельствующие, что канцелярская практика в этом направлении была достаточно частой; стойкость самого явления, сохранявшегося в течение всего столетия. Об этом же говорит и признание самого Сибирского приказа. В выписи в доклад о сибирском земледелии 1642 г. в Москве сочли необходимым остановиться на этом явлении, указав его положительные и отрицательные, с точки зрения Сибирского приказа, стороны. Очень отрывочно сохранившиеся поручные-поряды по Верхотурской околородной слободе, имевшиеся в наших руках, дают следующую картину по отдельным годам: 1648/1649 г. — поручная, 1649/1650—1, 1650/1651—1, 1651/1652—1, 1652/1653—1, 1653/1654—3, 1654/1655—3, 1655/1656—2, 1656/1657—2, 1657/1658—3, 1658/1659—1. ² Не давая точного количественного представления, цифры за 11 лет по одной лишь слободе говорят о стойкости и постоянстве этого явления. И уже одно это обстоятельство заставляет предполагать о значительности его результатов по всей Западной Сибири. Де-

¹ Стлб. ВУС, № 16, лл. 4—5, 8.

² Стлб. ВУС, № 25, лл. 95—133.

ятельность сибирской администрации по устройству на пашню рассмотренных подрядчиков заключалась, по скептическому замечанию Сибирского приказа, лишь в том, что «воеводы ставят их себе в прибор и службу».

Воеводская администрация часто шла в хвосте не только при устройстве на пашню отдельных лиц, но и при заведении слобод — крупных крестьянских поселений. Значительное количество слобод Верхотурского, Тобольского и других уездов возникло благодаря деятельности и предприимчивости частных лиц — слободчиков. Обладавшие средствами выходцы из различных слоев населения (крестьян, служилых людей) присматривали «угодное» и незанятое место и били челом об отводе высмотренных земель, о даче «памяти слободной, чтоб слобода взводить» и «государева ящика за своею государевою печатью». Зажиточные тюменские пашенные крестьяне, «животом и прожитком в пашенных крестьянах первые люди», Елисей Гилев и Петр Ульянов, имевшие на Тюмени большую запашку и несколько «поставленников», в 1659 г. таким путем «слободу построили и острог поставили и крестьян и беломестных казаков прибрали и поселили и забели и ваши государевы пашни распахали и крестьян ссужали своими статченками». ¹ Истраченные «статченки» пополнились затем путем получения из казны подмоги на устроенных крестьян и во время управления заведенной слободой. Помещение средств в устройство слободы было не безвыгодным делом. Челобитные о разрешении завести слободу подавались нередко и обычно получали согласие воеводской администрации. Своим возникновением ряд крупных слобод, возникших в XVII в., обязан деятельности слободчиков. ² Крестьянские «ссатчики» сажали на землю почти исключительно лиц, пришедших за Урал по своей инициативе. Впрочем, известны случаи и более широкой деятельности. Так, Гилев, строивший Уткинскую слободу, ездил за крестьянами

¹ Кн. СП, № 535, л. 1048.

² Слободчиками основаны слободы: Ашлыцкая, Лятская, Арамильская, Вагайская, Красноярская, Камышевская, Бергамакова, Левская, Н.-Терсяцкая, Шадринская, Пышминская, Ялуторовская, Режавская, Уткинская, Сулемская, Бисертская, Тамакульская и др.

в Усольский уезд.¹ Интересный материал по деятельности слободчиков дает в специальной статье С. В. Бахрушин, первый обративший пристальное внимание на эту сторону образования крестьянского населения в Сибири.²

Наконец, необходимо отметить устройство на пашню отдельных крестьян своими силами и своей инициативой, помимо деятельности государевых приказчиков, крестьянских «ссатчиков», монастырских старцев и т. д. В 1639 г. Симон Важанн с «братишкой своим Филатом подыскали в Сибирской Украине», на реке Ирбите, местечко; «извску тем местечком никто не влаживал и ныне лежит пусто». По челобитной они получили «то пустое невлаженное местечко» на условии предоставления льготных лет «на распашь», без ссуды и подмоги.³ Крестьянский ссатчик Аятской слободы Ф. Арапов писал в 1673 г. в Верхотурскую приказную избу, что крестьяне М. и И. Соколовы с товарищами селятся на аятских данных местах «самовольством и озорничеством без тобольских и без верхотурских памятей». Очередные дозоры обнаруживали подобных «огурщиков» и вносили их в государевы книги, облагая тяглом.

В этой устроительной деятельности на землях Западной Сибири в XVII в., как видно из вышесказанного, деятельность приказных изб не всегда была ведущей. Добиваясь увеличения доходов, воеводская администрация главное внимание устремляла на увеличение тягла и в этом в основном искала государевой прибыли. Поэтому свою деятельность по устройству сибирской пашни она все более ограничивала простым использованием заселения, шедшего помимо нее. При этом, уберегая государеву копейку, она стремилась сжать, а по возможности и прекратить расходы по устройству поселенцев. И если в течение XVII в. на территории Западной Сибири была создана значительная запашка, то это могло иметь место лишь при наличии соответствующей

¹ Стлб. СП, № 788.

² Бахрушин. С. В. Сибирские слободчики. Труды Государственного колониального института, т. II, М., 1926.

³ Стлб. СП, № 571, лл. 236—297.

⁴ Стлб. ВУС, № 286, лл. 1—2.

волны приходцев из-за Урала, являвшихся помимо всякой деятельности сибирских воеводских изб. Именно эта волна «гуляков» и создала сибирскую пашню. Причины же ее существования лежали за «Каменем», в самом Московском государстве.

Прилив в Сибирь «вольных» людей начался сразу же после постройки первых городов. В самом начале XVII в. в Верхотурье на государеву службу набирали по 50 чел. ежегодно из «охочих, гулящих людей». В конце XVI и в начале XVII в. правительство поддерживает это добровольное переселение и само предписывает сибирским воеводам «пашенных и посадских людей призывать из Перми и с Вятки, из Солей», т. е. из районов черносошного крестьянства, не трогая территорий дворянского поместного землевладения.² В поморских городах широко выдавали отпускные памяти на проезд «в сибирские города, где будет мочно христовым именем голова кормить». Опасаясь уменьшения податных поступлений, правительство требовало лишь, чтобы в Сибирь уходило нетяглое население: «от отца сын и от брата брат и от дяди племянники и от сосед суседы». Практика переселения в Сибирь в XVII в. очень скоро и намного обогнала московские предположения и резко разошлась с ними в вопросах и количества переселяемых, и районов выселения, и категорий переселявшихся лиц.

Показателем количественных результатов переселения являются цифры сибирского населения. По правительственному подсчету 1699 г. в Сибири считали около 25 000 русских семей, из них более 10 000 крестьянских.⁴ Большинство из них само перевалило Уральский хребет. По переписи 1710 г., книги которой, к сожалению, сохранились неполностью, в одном Тобольском уезде числилось более 41 000 чел. мужского пола, из которых не менее 30 000 крестьян.⁵ Об интенсивно-

¹ АИ, т. II, № 46 и 52.

² ААЭ, т. III, № 265.

³ Стлб. ВУС, № 214, л. 314.

⁴ Кн. СП, № 1354, лл. 218—406.

⁵ Цифры неполные. Книжки сохранились по большей части территории Тобольского уезда, но не по всей. Подсчет данных сохранившихся списков дает 41 437 чел. мужского пола, из которых 29 423 — крестьяне.

сти движения в Сибирь писал в 1670 г. верхотурский воевода Ф. Хрушев, сообщавший в Москву, что в этом году мимо Верхотурья «в разных месяцах и числах» проехали по тобольским и тюменским проезжим памятям 2051 переселенцев, которые ездили на Русь за женами и детьми.¹ В январе и феврале 1671 г. на заставах Чердынского уезда скопилось около 500 чел. с сибирскими проезжими грамотами. И позднее с Верхотурья писали в Москву: «да в прошлом во 188 (1680) и во 189 (1681) и во 190 (1682) г. и в нынешнем во 191 (1683) году ис поморских городов... идет крестьян многое ж число».² Напряженность переселения за Урал с годами усиливалась, а не падала. Именно во второй половине и в конце столетия звучат встревоженные голоса государевой администрации, обеспокоенной этим потоком, приведшим к неожиданным для нее результатам. От бегства крестьян в Сибирь «учинилась в Устюжском и Усольском уездах великая пустота», писали устюжские воеводы около 1670 г.³ С аналогичным заявлением выступил чердынский земский староста С. Казанцев: «ис Перми Великой ис Чердыни многие посадские люди и уездные крестьяне, не хотя великих государей податей платить и служеб служить, бежат в Сибирские города... да и от Соли Камской и из иных городов потому ж посадские люди и крестьяне бегут в Сибирские города».⁴

В этих отписках отмечены два явления: громадный, по московским масштабам, размах движения и охват этим движением не только «сыновей от отцов и братьев от братьев, племянников от дядей, суседей от суседев», как этого хотелось бы правительству, но и самих дворохозяев, тяглого населения. Заявления воевод и земских старост были вполне обоснованными. Эти заявления подтверждаются данными переписных книг сибирских уездов. На основании переписных книг Камышенской и Арамильской слобод, Колчеданского и Катайского острогов 1695 г. и долматовских деревень

¹ Стлб. ВУС, № 214, л. 286.

² Стлб. СП, № 878.

³ Стлб. ВУС, № 214, л. 286; см. также доп. к АИ, т. III, № 14 и т. XI, № 95; АИ, т. IV, № 3.

⁴ 1870 год. Стлб. СП, № 878.

1669 г.¹ мы имеем относительно 840 чел. сведения о том, чем они были на Руси. Из этих 840 чел. только 136 показали о себе, что они сыновья крестьянские, посадские, бобыльские и нищенские. Лишь 28 чел. сказали, что они гулящие люди, — «гуляки». Основную массу пришлого населения этих слобод составляли государевы крестьяне — 544 чел. Их уход в Сибирь и волновал чердынского земского старосту и устюжских воевод. И если в Сибири и их называли вольными, гулящими людьми, то потому, что это было проще и выгоднее для них самих и для сибирской пашенной администрации, так как устраняло видимое препятствие для включения в тягло. Про себя же они твердо знали, что «они великого государя прирожденные крестьяне», о чем и заявляли при официальном опросе. Остальные 132 чел. были зависимыми людьми разных категорий. Среди них по количеству первое место принадлежит строгановским крестьянам: их 67 чел. 28 чел. — монастырские крестьяне. Это крестьяне нижегородской вотчины Троице-Сергиева монастыря. Осинского, Спасского, Уфимского, Хлыновского, Устюжского, Яренского, Свяжского, Кунгурского, Макарьевского-на-Унже монастырей. Один — патриарший крестьянин. Четыре крестьянина вышло из-за помещиков, из них три из Унженской вотчины боярина Н. И. Романова. Четверо сказали, что они были на Руси половниками, двое захребетниками, один работником посадского человека, один сам был посадским, трое казаками, один прасолом, один писчим дьячком, трое церковными причетниками, трое ямскими охотниками, девять бобыльями, один ясачным человеком Казанского уезда. Таким образом, около 80% всех опрошенных были либо государевыми тяглыми, либо зависимыми людьми. Мысль заселить Сибирь сыновьями от отцов и братьями от братьев явно потерпела неудачу.

Некоторая часть крестьян, попавшая в изучаемую перепись, дала сведения и о судьбе покинутого ими тягла. Это главным образом государевы крестьяне. Крестьяне частновладельческие (монастырские, помещичьи, строгановские), за

¹ Кн. СП, № 1444, лл. 72—329; № 535, лл. 25—30.

единичными исключениями, сведений по этому вопросу не дали. Всего мы располагаем сведениями в этом отношении о 226 чел. Большинство из них (112 чел.), по их словам, оставили в своей пашне родных: дядей, братьев, племянников. Иногда степень родства определена довольно зуманно: «от скудости пашню с тяглом оставил свойственным людям», или: «пашню оставил сродичам». Любопытно отметить, что И. Ватагин, крестьянин боярина Н. И. Романова, также показал: «свой жеребий пахоты оставил брату». Два брата Неугодиновых, крестьяне нижегородской вотчины Троице-Сергиевского монастыря, дали аналогичные показания: один оставил в тягле дядю, другой сдал тягло свойственным людям. Около 40 чел. дали краткий ответ: «тягло сдал», без указания кому и как. 47 чел. «от скудости деревенский свой жеребей» продали, или, по другой формулировке, продали «пашню с тяглом». Если в Сибирь в это время «напимали» человека, передавая ему вместе с землей и пашней тягло, то на Руси, продавая землю и пашни, «сметывали» с себя тягло вместе с ними. Основной принцип — служба «государю» по земле — оставался в силе и тут и там. Двое уфимцев ушли от воинского «разорения». Один строгановский дворовый человек отпущен на волю после смерти хозяина (очевидно, кабальный холоп). И, наконец, 64 чел. признались откровенно, что они пришли в Сибирь, «покиня тягло». К этим 64 мы можем с уверенностью прибавить 99 чел. зависимых крестьян (строгановских, монастырских и пр.), которые только этим путем и могли покинуть землевладельцев. Если принять во внимание, что показания давались в атмосфере официальной переписи в годы запрещения схода в Сибирь тяглых людей, когда в слободах могли видеть увозимых обратно на Русь сходящих под конвоем, то нужно предположить, что известный процент славших тягло и позабывших кому и как, а также славших свойственным людям и сродичам, по существу, может быть также причислен к категории покинувших тягло.

Московское правительство ошиблось не только в отношении количества переселяющихся и их нетяглового характера, оно ошиблось и в отношении районов выселения. Совершенно несомненно, и это давно указано в литературе, что основ-

ным районом выселения был Север, поморские уезды. Это объясняется и давними связями именно Севера с Сибирью, и направлением путей сообщения в Сибирь, и, наконец, характером населения. Черносошное крестьянство дольше других категорий сельского населения сохраняло относительную свободу передвижения. И все же необходимо сказать, что Север, являясь основным районом выселения, не был и в XVII в. единственным. Только что разобранный материал дает некоторые сведения и в этом отношении. В нем мы находим указания относительно места происхождения 872 чел. Центральное место и по количеству названий городов и по количеству выходцев несомненно занимают уезды Поморья. Это ясно видно из следующего списка:¹

Название местности, указанное опрошенными	Количество лиц
1. Алабуга	1
2. Вага	25
3. Верх.-Спасский монастырь	1
4. Вилегда	1
5. Вологда	1
6. Вызь	1
7. Вятка	25
8. Галич	1
9. Двина	4
10. Заонежские погосты	1
11. Казань	69
12. Кайгородок	32
13. Каргополь	11
14. Касимов	1
15. Кеврола	3
16. Кострома	2
17. Красная Слобода	1
18. Кузьмодемьянский стан	1
19. Кунгур	108
20. Курмыш	1

¹ Названия местностей приведены в том виде, как они даны в переписных книгах, — без подведения под административное деление. Под названиями городов имеется в виду уездное население.

Название местности, указанное опрошываемыми	Количество лиц
21. Лавшев	1
22. Ломов	1
23. Мезенск	3
24. Мензелинск	1
25. Нижегородский уезд	7
26. Олонецкий »	1
27. Осинский »	30
28. Пермь	1
29. Пинега	4
30. Прилуцкий монастырь	1
31. Пыскорский »	1
32. Самарский уезд	2
33. Саранул	42
34. Серга	2
35. Сибирские города и слободы	76
36. Симбирск	15
37. Соль Вычегодская	9
38. Соль Камская	91
39. Тотьма	12
40. Унжа	9
41. Устюг	64
42. Устьянские волости	10
43. Уфинцы	38
44. Хлынов	1
45. Холмогоры	5
46. Царево-Кокшайск	2
47. Царицын	1
48. Чаронда	7
49. Чердынь	42
50. Юрьевец Польский	27
51. Яренск	5
52. Строгановские вотчины	71
Всего	872

Вместе с тем в этом же списке наряду с поморскими городами находятся и другие. На примере населения Арамилской, Камышенской слобод, Колчеданского, Катайского островов и долматовских деревень можно заключить о величине

района, охваченного выселением в Сибирь. Он включал в себя поморские уезды, приближаясь Заонежскими погостами и Олонцом к новгородским пятинам.¹ В него входила территория Верхнего и Среднего Поволжья, Прикамье, бассейн Белой (Уфимский район) и, частично, Нижняя Волга. Среди жителей указанных слобод мы находим представителей и украинских городов.

Рост выселения в Сибирь тяглого и зависимого населения не мог не обратить на себя внимания правительства и землевладельцев. С самого начала XVII в. идут дела, начинаемые челобитьем помещиков, о сыске крестьян, бежавших в Сибирь.² Особенно сильно испытывали на себе это бегство вотчины Строгановых, лежавшие на одном из самых оживленных путей в Сибирь. Строгановские крестьяне бежали «з женами и з детьми и со скотом и з животом».³ Часто они бежали не в одиночку, а значительными группами, с большим обозом и всем домашним скарбом. Примером может служить бегство 25 июля 1678 г. из вотчины Агафьи Строгановой, вдовы умершего Данилы Строганова, большой группы «старинных крепостных крестьян» во главе с Семелой Федосеевым Порошиным. Согласно челобитной строгановских приказчиков С. Порошин «скопом приходил.. со многими крестьяны и с воровским оружием с пищальми и с луками на Калине, в дому государыни нашей Агафьи и ворота выломали и деревенских калинских приказчиков связали и жених в подполье пересажали». Захватив строгановских 2 пищали, винтовки, 2 турки казачьи, 3 лошади и весь свой крестьянский «борошень», С. Порошин с товарищами бежал за Урал. Всего он увел с собою около 80 семей, или, по показа-

¹ Материалы сыска 1651 г. «про перебежчиков Свейской земли, про корелян и латышей и про всяких причинных людей» показывают присутствие в Сибири и лиц, пришедших из новгородских пятин. А Вас. Павлов, опрошенный в Тобольской съезжей избе, показал, что его мать и брат остались жить «за свейскою королевиною». Стлб. СП, № 387; Гиевушев А. К характеристике вольных сибирских переселенцев XVII в., «Сибирские записки», № 3, стр. 113—122, 1916.

² Челобитья Боборыкина, Строганова и др. Стлб. СП, № 13.

³ Стлб. ВУС, № 29, л. 156 и др.

нию приказчика Краснопольской слободы, более 250 душ.¹ О судьбе бежавших говорит отписка И. Лукашевского, приказчика Краснопольской слободы, в 3 верстах от которой строгановские крестьяне ночевали 6 августа. Лукашевский «оружие, луки и стрелы имал в государев анбар».

По другой версии вместе с оружием он захватил и часть крестьянского «борошня» и строгановского жеребца, которых позднее с него требовали строгановские приказчики. Наутро крестьяне приходили в острог, «скопом государев збар ломать хотели, оружие вынимать свое». На уговоры Лукашевского ему отвечали: «И лутче де тебя видали и тут де не боялись, а ты де нам не диковина и со слободой де разорим». Лукашевскому удалось все же задержать оружие и лошадей и взять «оброк». Крестьяне же прошли дальше. В слободе задержалось лишь 5 семей. Дальнейшее движение «скопом», очевидно, показалось опасным, и возле Мурзинской слободы крестьяне «разбежались в леса».² Строгановским приказчикам постоянно приходилось сыскивать своих крестьян в уездах Тобольского разряда. В 1678, 1679 гг. крестьян в уездах Тобольского разряда, бежавших с С. Порошиным, сыскивал М. Жигулев. В 1642 г. Строгановы сыскивали своих крестьян, бежавших за 6 лет, с 1636 по 1642 г. На этот раз Строгановы отказались от возвращения своих крепостных, так как тобольский воевода потребовал предварительной уплаты выданных им подможных и ссудных денег. После этого Строгановы заявили, что «они де тех крестьян в своем крестьянстве отступаюта... быть им попрежнему в государевой пашне», и просили лишь уплаты бежавшими «по кабалам денежного и хлебного долга».³ Большой сыск Строгановы провели в 1700 г. по слободам Верхотурского уезда. В этом году они возвращали себе «крестьян и бобылей... з женами и детьми и со всеми их крестьянскими животы и с хлебом стоячим и с молочным и с насеяным и со всяким заводом, опричь замужних дочерей, которые выданы замуж великого государя за крестьян», на

¹ Стлб. ВУС, № 214, л. 292.

² Там же, № 214, лл. 282—283, 337—338.

³ Стлб. СП, № 115, лл. 149—156.

основании строгановских переписных книг 1647 и 1679 гг. со справками по верхотурским писцовым и переписным книгам 1621, 1624, 1626, 1627, 1659 и 1680 гг. По этому сыску Строгановым были отданы крестьяне из следующих слобод: Арамашевской, Краснопольской, Лятской, Чусовской, Камышловской, Белоярской, Белослудской, Ирбитской, Пышминской, Новопышминской Красноярской, с пышминской заимки верхотурского Никольского монастыря и из села Покровского невьянского Богоявленского монастыря. В этот список вошли лишь слободы Верхотурского уезда, и то не все. Случайно нам известна причина отсутствия в списке ростесских, ковчинских и кыринских крестьян. Соответствующие тетради пропали из ящика строгановского приказчика Якова, «а проверка в тех тетрадех и во многих записках на московского подьячего Луку Артемьева». Несомненно, что строгановские крестьяне были в Тюменском, Туринском и Тобольском уездах. Следовательно, этот сыск был лишь частичным розыском. Очень большая доля обнаруженных бежала в 1700 г. (около 40%), около 16% бежало в последнее 10-летие XVII в. Остальные бежали в годы с 1660 по 1690. Это заставляет думать, что и хронологически сыск охватил далеко не равномерно весь сыскной период. Наиболее полно удалось выявить беглецов текущего года. Несмотря на эти территориальные и хронологические ограничения, за Строгановых было выведено в этом году 139 семей с общим количеством в 591 чел.;¹ в том числе из 47 чел., бежавших в 1700 г., т. е. в год сыска, 41 чел. выдавался с семьей. Иными словами, вышеуказанный характер бегства сохранился и для 1700 г. Бегство с семьей означало полное запустошение оставляемого участка. Отмеченное явление не могло явиться особенностью только для строгановских крестьян; вывоз семей из уездов Поморья отмечен нами выше.

К бегству тяглого населения не могло отнестись равнодушно и московское правительство. Вторая половина XVII в. является временем проведения ряда мероприятий по задержанию переселения в Сибирь и нажима в этом отношении

¹ Дела ВУС, опись 7, вязка 1, кн. 114/3, лл. 1—110.

на сибирскую администрацию. Москва усиленно запрещает принимать в Сибири людей без памятей из русских городов. На этом основании верхотурский воевода предписывал приказчику Аятской слободы выслать гулящих людей Х. Патракеева с товарищами и с детьми обратно за Урал, «потому что пришли они из русских городов без отпуску», и допросить ссатчика Ф. Арапова, «почему их принимает»¹. Высылка обратно на Русь беглых крестьян подтверждена указом 1670 г.: «всех поморских городов беглых крестьян сыскав выслать в русские города попрежнему... и впредь никаких беглых людей и крестьян не принимать». В осуществлении этого мероприятия еще было обнаружено некоторое колебание. Безусловному сыску подлежали беглецы, жившие за митрополитом, монастырями и всяких чинов людьми. Что же касается лиц, осевших на государеву пашню или же поверстаных в службу, то их велено было лишь переписать и росписи выслать в Сибирский приказ. На будущее же категорически указывалось «из русских городов... в сибирские города беглых крестьян не пропускать... на пашню не селить и в службу и в посад... не приверстывать»². Указ 1670 г. не остался на бумаге. В 1671 г. тобольский воевода И. Б. Репнин рассылал по слободам детей боярских для переписки беглых крестьян. А в 1672 г. соответствующие росписи поступали уже из слобод в уездные сибирские города³. В том же году на Верхотурье принимали первые семьи выслаемых. Правда, приказчику Ирбитской слободы, например, нужно было несколько повторных памятей из Верхотурья, чтобы выслать 3 семьи сходцев из поморских городов⁴. Несмотря на боярский приговор 1670 г., царская грамота на Верхотурье 1683 г. вновь принуждена отметить то же самое явление для 1680—1682 гг.: «мимо Верхотурья... из русских поморских городов беглых крестьян с женами и с детьми шло многое число и в п. де во 191 (1683) году идут многое ж число». В связи с этим 1 июня 1683 г. И. Б. Репнин, сидевший в этом

¹ Стлб. ВУС, № 49, л. 106.

² Стлб. СП, № 878; АИ, т. IV, № 220; доп. к АИ, т. VI, № 19.

³ Стлб. ВУС, № 40, л. 31.

⁴ Там же, л. 97.

гсду уже в Сибирском приказе, подтверждал распоряжение 1670 г. в более решительной форме: «а которые беглые люди в Сибири ныне после переписи Льва Поскочина объявитца и тех выслать на прежние их места». Исключение делалось для гулящих и промышленных холостых людей. На следующий год из Верхотурья, действительно, выслали 93 чел. с женами и детьми¹. В 1688 г. по тем же самым мотивам правительство было вынуждено еще раз подтвердить свой прежний указ о непропуске в Сибирь из Поморья крестьян и о высылке обратно бежавших.²

Вступив на путь борьбы с потоком «сходцев», московское правительство, однако, и здесь не достигло успеха. Явление это, расширяясь, продолжает существовать и в XVIII в. «Сход» продолжался, обратная же высылка, не давая результатов, не будучи отменена, почти не осуществлялась. В 1763 г. по этому поводу Сенат в своем представлении императрице не без иронии замечал: «и ежели ту высылку продолжить... как донныне она есть, что еще ни одна душа не выслана», — никакой пользы не будет. Исходя из соображения, что «за таким отдалением все совершенно не возвратятся на прежние свои в России жилища», Сенат предлагал беглецов записать в подушный оклад, а вотчинникам — зачесть их в рекруты. Сенатское представление, после резолюции «быть по сему», получило силу закона³.

Описанный выше процесс явился другой стороной отмеченного в начале настоящей главы явления. Образование централизованного феодального многонационального государства сопровождалось дальнейшим наступлением на крестьянство. Заключительным моментом этого наступления было для XVII в. Уложение, отменившее урочные годы. Названное по другому поводу «проклятою книгою», оно для крестьян символизировало окончательное закрепощение. Феодальнокрепостнический гнет, с одной стороны, приводил к открытым выступлениям эксплуатируемых масс, был причиной, по выражению московских людей, «бунташного» времени, а с

¹ Стлб. СП, № 878; АИ, т. V, № 108, I и II.

² АИ, т. V, № 159.

³ Полное Собрание Законов, XVI, 11 860.

другой — вызывал отлив населения на окраины. Одним из направлений этого отлива и была Сибирь. Уходящие от гнета крепостников угнетенные массы создали ту волну переселения, которую в первой половине XVII в. московское правительство пыталось использовать и против которой оно безуспешно боролось со второй половины этого столетия. И как во время благожелательного попустительства, так и во время репрессивных указов эта волна «пошла» сибирские города и уезды, создавала крестьянское население и сибирскую пашню.

Благодаря ей крестьянское население догнало по своей численности служилых людей, обогнало торгово-промышленных, для всей Сибири в целом, и определило характер населения земледельческой полосы Тобольского разряда. Наряду с «покорителями» и «промышленниками», явившимися в Сибирь за драгоценной пушчиной и быстро ее опромышлявшими, шли земледельцы, ставшие уже в XVII в. основой развития ее производительных сил.

Глава II

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В СИБИРИ. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИШЛОГО И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

В отличие от военно-служилых, торговых и промышленных людей крестьяне в Сибири в XVII в. расселялись на сравнительно небольшой территории. И даже среди уездов Тобольского разряда, на начало XVIII в. наиболее населенного крестьянами, пашенными уездами считались лишь четыре: Совсем не числилось крестьянского населения за городами Сургутом, Мангазеей, Березовым. На нужды русского населения этих «непашенных» городов и их уездов хлеб присылался из Тобольска. Города Нарым¹, Кетск, Пелым, Тара и Кузнецк имели в своих уездах очень небольшое количество крестьянских семей. Военно-служилое и посадское население их численно превосходило крестьянское. Особенно это заметно по Кузнецку и Таре. В первом на 339 служилых и посадских людей приходилось 100 крестьянских семей, во втором на 830 лишь 98. Все эти города со своих незначительных пашен не получали достаточного количества хлеба и весь XVII и часть XVIII в. жили на хлебом довольствии Тобольска. Исключением составляет лишь Пелым. Находившийся в стороне от основных путей, связывавших Сибирь с Русью, очень быстро утративший свое военное значение, Пелым свои скромные хлебные потребности (390 четей готового расхода всякого хлеба) удовлетворял не менее скромной запашкой (52 десятины государственной пашни).

¹ Нарым, Кетск и Кузнецк в 1629 г., в связи с образованием Томского разряда, были переданы из Тобольского разряда в Томский.

Крестьянское население сосредоточилось в уездах Верхотурском, Туринском, Тюменском и Тобольском. Этот район в течение XVII и начала XVIII в. был центром земледелия не только для Тобольского разряда, но и для всей Сибири. Именно здесь в первую очередь оседала переселенческая волна, лишь позже распространившаяся на более восточные районы.

По данным 1699 г. крестьянское население этих 4 уездов составляло 76% крестьянского населения всей Сибири. В них пахалось 60% всей сибирской государевой десятинной пашни, они давали 98% оброчного хлеба, собираемого по всей Сибири.¹

Прежде всего в этом районе заселялись долины рек Туры, Тавды, Пышмы и Тобола, где крестьянское население начинает оседать с конца XVI в. Большинство слобод, имевшихся на этих реках и их притоках, было основано в первой половине XVII в. Несколько поселений возникает по Иртышу, вниз и вверх от Тобольска. К северу земледельческое население не пошло. Огромные лесистые пространства, расположенные ниже, по Обской системе, по естественным условиям остались вне пределов крестьянского заселения. Остатки населения этих районов не столкнулось с крестьянской волной. Последняя растекалась по пределам центра Кучумова юрта. Именно территория, захваченная некогда выходцами с просторов улуса Джучи, послужила основным местом крестьянских поселений.

Движение на юг задерживалось встречным движением монгольских феодалов. В первое время — это набеги царевичей, кучумовых внучат, и калмыков. После откочевки последних на Волгу — это движение киргизов. Более восточный Кузнецкий уезд испытывал на себе давление Алтын-ханов, латем джунгарских хунтайшей. В 1627 г. «колмаки» кочевали в трех днищах от Тюмени, продвинувшись в 1629 г. еще далее, на пространство по Черной речке, что между Тоболом и Исетью.² К половине века они «зверовали» по Ишму, То-

болу и Исети, «Тюменского уезда блиско».¹ В 1633 г. «колмацкие люди» приходили осенью под Тару и Тюмень; в 1636 г. Аблай дошел до слобод Ницинской и Чубаровой.² Окраинные крестьянские поселения частично разорялись во время этих столкновений, и их население уходило к северу. Составитель Мурзинской слободской книги 1710 г., объясняя очень значительную недоимку по оброчному хлебу, не мог указать неплательщиков, так как они побиты воинскими людьми, «а жены и дети их в полон поиманы, а дворы их позжены».³ В 1710 г. в Красномысской слободе было обнаружено переписью 50 пустых дворов, владельцы которых «прибиты и в полон взяты», а иные от «разорения разошлись врознь». То же явление было отмечено и по слободе Окуневской.⁴ Вторая половина XVII в. все же отмечена продвижением русских слобод на юг, по Тече и Миасу. Здесь в последней четверти века основаны слободы Миасская (1676), Камышская (1687), В. Миасская (1685), Багарадская (1688). На этой территории к концу первого десятилетия XVIII в. находились и 28 слобод Тобольского уезда с их 325 деревнями и ряд слобод Верхотурского уезда.⁵ Лишь позднее, в XVIII в., русские поселения выдвигаются дальше по Миасу и Ую. С основанием в 30-х годах этого столетия более южной укрепленной линии начинает пахать пашня вокруг верхнеиртышских крепостей и на кузнецкой и колыванской линиях.⁶

На означенной территории крестьянское население встретило очень незначительное количество жителей. В первой четверти XVII в. ясачное население Тобольского, Тюменского, Туринского и Верхотурского уездов ясачными сметными списками исчислялось в 1397 чел. (семей). За счет естествен-

¹ Стлб. СП, № 83, лл. 795—798; № 259, лл. 148—153; № 123, л. 325 и сл.

² Дмитриев А. Верхотурский край в XVII в., «Пермская старина», VII, стр. 29—33, Пермь, 1897.

³ Кн. СП, № 1525, лл. 447—504.

⁴ Там же, № 1526, лл. 45—83.

⁵ Географический район и рост русских поселений см. по прилагаемым картам территории 4 уездов в первом 10-летии XVII в. и в первом 10-летии XVIII в.

⁶ «Чтения Общества истории и древностей российских», т. 1, стр. 207, 1867.

¹ Ведомость сибирских городов. Кн. СП, № 1354, лл. 218—406.

² РИБ, т. II, № 138, 10, и т. VIII, № 11, LVJ.

ного прироста и отчасти, быть может, за счет большей выявленности к началу XVIII в. эта цифра поднялась до 3500 чел. (семей). Необходимо отметить, что ясачные волости указанных уездов занимали территорию значительно большую, нежели крестьянские слободы тех же уездов. Северная часть Тобольского уезда, граничившая с Березовским, крестьянского населения не знала. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что на территории крестьянских поселений к моменту их основания жило немногим более 1000 ясачных семей¹. Значительную часть этого населения составляли татары, деда которых покорили данную территорию, сдвинув к северу прежнее население. По Тобольскому и Тюменскому уездам в начале XVIII в. их насчитывалось несколько более 1500 семей. К этому времени далеко не все эти 1500 семей занимались промысловым хозяйством и были ясачными людьми. Потомки татарской аристократии, сложившейся еще во времена самостоятельного существования Сибирского юрта, и при власти московских царей заняли особое положение. Около четверти татар Тобольского уезда и более трети Тюменского уезда составляли категорию служилых татар, выделяясь таким образом из массы рядового ясачного населения.² Остальная часть татар, а также вогулы и остяки и составили ясачное население (часть из них была ясачным и до власти московского царя и платила ясак сибирским ханам), которое и вело в основном промысловое хозяйство, зверо- и рыболовческое. При всей экстенсивности этого хозяйства население подобной численности, разумеется, не могло хозяйственно освоить всю занимаемую им территорию. Оставшиеся неиспользованными земли представляли для русских поселенцев с их передовым (по сравнению с местным) хозяйством, огромные земельные фонды. Поэтому русские крестьяне, бежавшие сюда от феодально-крепостнического гнета со старой территории Московского государства,

¹ Кн. СП, № 624, 1267, 1467. В наши задачи не входит определение численности населения Кучумова юрта до похода Ермака; нам важно установить ее для земледельческой полосы Тобольского уезда на начало XVII в. Для этой цели мы считаем возможным использовать данные официальной регистрации.

² Кн. СП, № 467, 474, 1267, 1431.

нашли здесь большое количество неиспользуемых непосредственно, свободных земель.

Однако это обстоятельство не снимало с очереди вопроса именно о земельных взаимоотношениях пришлого русского населения с местным. Московское правительство перенесло на Сибирь свои сложившиеся ранее представления о праве на землю. С бегством Кучума и падением Искера окончилась суверенная власть сибирских ханов над этой территорией. Хозяином новых земель стал московский государь. Поэтому не существовало вопроса о принадлежности кому-либо заселяемой земли в целом. В принципе вновь занятые земли стали землями государевыми.

Речь могла идти лишь об отдельных владениях, принадлежавших отдельным лицам или группе лиц, о промысловых угодьях отдельных ясачных людей. С момента захвата Сибирского юрта и в течение всего XVII в. московское правительство рассматривало население новой земли как объект сбора драгоценной пушныны, до XVIII в. составлявшей основную долю поступлений по Сибирскому приказу и заметную часть общего государственного бюджета. Именно с этой точки зрения оно подошло и к разрешению земельного вопроса. Ясачная служба, как и всякая служба в Московском государстве, должна была отбываться с земли. Земля была основой платежеспособности и тягла, в то же время, обратно,—тягло означало закрепление за тяглом земли. По поводу одного из дел об освобождении от тягла Сибирский приказ пояснил челобитчикам, что никакие «иноземцы и их дети и братья и племянники под державою царского величества безданно и безпошлинно не жили» и что и «во всех странах христианских и бусурманских государств никакому человеку не только пришлою иноземцу, но и того государства природный человек безоброчно и безданно никакими землями и угодьями не владеет». В духе сказаний Ивана Пересветова он аргументирует свою мысль тем, что на собранные деньги содержатся ратные люди, которые плательщиков «от частых неприятельских набегов оберегают»¹. А следовательно

¹ Кн. СП, № 1199, лл. 1—6.

но, уплата оброка и дани оправдывает, закрепляет владение угодьями и землями. Владение по праву обработки и отбывания тягла постепенно укреплялось и совпадало с владением по давности. На привычном языке приказной практики XVII в. — это владение тяглого человека освоенной им его тяглой землей «по старине». Согласно этим представлениям за ясачным человеком утверждалось право на занимаемую им территорию, с которой он нес повинности, платил государев ясак, утверждалось право на его старинные «вотчинки и угодья».

В какой-то мере эти московские представления о владении землей и об определении границ владения совпадали с представлениями, сложившимися, по крайней мере у части сибирского населения, еще до прихода русских. Следы этих давних представлений мы видим и позднее. Так, в 1646 г. туринский сын боярский Семен Шарыгин при межевании Туринского и Верхотурского уездов отметил у устья р. Решы «туринских ясачных татар с верхотурскими вогуличн старинные затеси на двух соснах по их вере». Шарыгин воспользовался этими знаками и подписал на том же бору «на соседней грань Туринского уезда с Верхотурским уездом». Он же застал на р. Бобровке туринского ясачного татарина Янтугая Итякова и верхотурского ясачного вогула Девлекая Тайбердеева, ловивших на речке бобров. «А на той речке меж ими грань... их татарские признаки»¹. По этим граням, или фактическим границам пользования, устанавливаемым показаниями окрестных людей, и утверждались границы старинных владений.

Старина давняя, а иногда сравнительно новая, и являлась основным признаком принадлежности ясачной вотчины ясачному человеку. В 1686 и 1687 гг., при переписи татарских земель Тюменского уезда, писец А. Михалевский, отмечая права татарского населения на земельные участки, обычно писал: «владеют тою землею исстари».² Иногда эта старина подкреплялась новыми документами сообразно московской

¹ Кн. СП, № 731, лл. 211—212.

² Кн. СП, № 828, лл. 1—75.

практике. В 1676 г. крестившийся верхотурский ясачный вогул Килт Гашков продолжал, согласно помете Верхотурской приказной избы, платить ясак против прежнего оклада сполна со своих старых земельных владений. По его челобитной ему было указано; «вотчиною своею и всякими угодья владеть ему против прежнего и дать ему даную на ту ево вотчину и на всякие угодья». Давную грамоту на землю получило, по их челобитью, ясачное население по Косье и т. д.¹ Другим подкреплением владения ясачною землею по старине было занесение ее в книги. Выпись из таких книг была дана, например, в 1698 г. ясачным татарам деревни Усть-Тарской, владевшим той деревней «исстари без крепостей».² Выдача данных, занесение в книги являлись письменными документами, закрепляющими обычное старинное владение.

Наряду с наследственной стариной в XVII в. ясачное население приобретает право на землю и путем купли. В 1657 г. ясачный вогул Косвинской волости Дарка Петрушин в Ляпинской волости купил у вогула Мурза Айсканова вотчину последнего вверх по Ляпе-реке: «сенные покосы и звериные и лешие промыслы и рыбные ловли, и бобровые речки, чем он Мурза владел и юртовные места все без вывода».³ При разборе спорного земельного дела в 1674 г. сотник Чусовской волости Мартын Атыкаев положил закладную 1672 г. на бобровую речку Баранчу, заложенную ему ясачным вогулом Верхотуринской волости Портиягой Цибилтимовым. Баранча в силу невыкупа перешла к Атыкаеву. Последний сначала ловил в ней бобров, а позднее продал тагильскому ямскому охотнику Денису Дедюхину.⁴

В сыском деле о земельных владениях русского ясачного человека П. Коптякова на Лобве-реке упоминается семья вогулов Сандриных, про родоначальника которых Сандру говорится, что он убил 4 вогулов, «а убитых мужиков вотчины перевел за себя».⁵

¹ Стлб. ВУС, № 51, л. 17; АИ, т. II, № 28.

² Кн. СП, № 1182, лл. 348—422.

³ Стлб. ВУС, № 32, л. 89.

⁴ Там же, № 59, лл. 78—87.

⁵ Стлб. СП, № 1359, л. 7.

Переход земель из рук в руки среди ясачных людей говорит о том, что, по крайней мере в XVII в., взгляд на землю ясачного человека таков же, как и взгляд черносошного крестьянина поморских уездов: с общей установкой о принадлежности всей земли государю сочетается признание земли собственностью тягльца, тянущего с нее тягло. За этим тяглом признается, в более или менее полной степени, не только право на пользование землей, но и на ее отчуждение.

Московское правительство с начала своей деятельности в Сибири решительно повело политику сохранения прав ясачного населения на его вотчины в вышеизложенном понимании, не без основания усматривая в этом залог нормального поступления ясака. Государевы грамоты предписывают русским людям селить на пустых местах и у ясачных людей угодий не отнимать.¹ Эта мысль проводится как в виде общих положений, так и в виде отдельных конкретных решений. В осуществление этих указаний тобольские пометы на заявлениях о постройке новых крестьянских слобод обычно содержат упоминание о производстве специального обыска, «порозжее ли то место и не ясачных ли людей». В большинстве случаев к участию в этом обыске привлекалось местное ясачное население, «тутошние люди». Так, ясачные татары подтвердили в 1668 г. «пустоту» земель по Вагаю у устья Черной речки, где была затем построена тобольским сыном боярским Боровским новая слобода. В том же году тарский сын боярский И. Горбунов заводил слободу Левскую. В своей отписке он сообщил сведения «о угодности» подысканных им земель, не сказав, есть ли на них вотчины ясачных людей. В январе 1669 г. по этому случаю Тобольск вторично сообщал на Тару о необходимости завести слободу так, чтоб «ясачным людям никакой тесноты не было». ² В решение 1687 г. по судебному делу между тюменским конным казаком Григорием и стрельцом Кузьмой Вилежанинами и «бухаретином» Е. Тучкаловым о спорном дуге внесено следующее общее соображение: «а по указу великого государя и по наказу будет у русских людей

в землях с ясашными людьми спор и учнут приносить челобитные, велено размежевать и русским людям ясашными землями и угодьями владеть и в ясашные земли и угодья въезжать не велено, чтоб оттого ясашным людям разоренья не было». Дело решено в пользу Тучкалова, «по старинному владенью». ¹ В 1689 г., при решении запутанного дела о спорной земле между тарским конным казаком О. Кузнецовым и татарами Алеем Бехметевым с товарищами, окончательное, четвертое по счету, решение было вынесено в пользу А. Бехметева, потому что в указе великого государя и в Соборном Уложении напечатано: «иноземских земель русским людям, а русских земель иноземцам не давать». Так статья Уложения 1649 г. была распространена на сибирские земли. ² В 1685 г. верхотурскому воеводе И. Еропкину указывали: «людям, которые у ясачных людей угодья пустошат (чинить) за то воровство наказание... бить кнутом нещадно, чтобы иным неповадно было... ясачным людям в звериных промыслах чинить поруху». ³ В духе этой политики в 1621 г. Москва распорядилась строгановских жильцов, поселившихся на землях сылвинских и иренских татар, «сбити долой». ⁴ По жалобе туринских ясачных людей была сведена деревня А. Бабинова на р. Криве. В 1678 г. у митрополита Корнилия отобрали обратно захваченные тобольским Софийским домом земли тюменских ясачных татар. А в 1681 г. по этому же поводу было прекращено устройство крестьянской слободы на устье р. Сулемы. Последнему решению предшествовала челобитная низовых чувовских вогул в 1680 г. на слободчика А. Гилева, строившего слободу на их ясачных землях. ⁵ Направление московской земельной политики XVII в. продолжает еще сказываться и в XVIII в. Им проникнуто распоряжение Сибирской губернской канцелярии в Самаровский ям от апреля 1734 г., которым велено из «ясашных волостей русских людей

¹ Кн. СП № 828, лл. 17—34.

² Там же, № 925, лл. 1—57.

³ РИБ, т. II, № 183.

⁴ АЛЭ, т. III, № 118.

⁵ Стлб. ВУС, № 67, л. 331; доп. к АИ, т. VIII, № 7, III; Исторические акты XVII ст., № 18; Буцинский П. Н. Цит. соч., стр. 37—38.

¹ РИБ т. II, № 47; доп. к АИ, т. VIII, № 51, IV.

² Кн. СП, № 535, лл. 94—107, 222—237, 932—997.

выслать на прежние их жилища». ¹ Но XVIII в. принес и коренное изменение этой политики. Исчезновение интереса к сибирскому промысловому хозяйству, вызванное непрерывным падением сборов пушнины, устранило и основу этой политики. С другой стороны, могла иметь значение и перемена общей политики государства по отношению к тяглом населению, связанная с заменой тягла с земли подушным окладом. Эта замена устранила столь крепкую для человека XVII в. связь между тяглом и тяглой землей, в нашем случае ясачной вотчиной.

Однако московское правительство не всегда умело и могло справляться со взятым направлением. И первое отступление от него мы наблюдали при основании военно-стратегических пунктов. Все четыре уездных города, ставшие центром крестьянских поселений, возникли на месте прежних населенных пунктов. Основной тракт, связывавший Московскую Русь с Тобольском через Верхотурье, пролегал по долинам рек, где было сосредоточено значительное количество ясачных волостей. На плодородных землях вокруг этого тракта не могло не оседать русское крестьянское население. Оживленное движение по тракту требовало деревень, подвод, ямщиков, лошадей, фуража и хлебных припасов. Все это и создавало условия для более плотного крестьянского заселения именно этой полосы. Уже в половине XVII в. ехали из Епанчина «плодородными полями, мимо деревень, расположенных вдоль путей».

Отдельные деревни производили впечатление «большими деревянными домами», плодородными полями с большим количеством хлеба и богатыми сенокосными угодьями. Местные жители — крестьяне, по мнению проезжих, «живут богато», занимаются земледелием и рыболовством.

Тюмень производила на путешественников впечатление «приятного места, где в изобилии продаются всякие припасы и прежде всего всякое зерно, мука и прочее». ² В таких райо-

нах политика московского правительства встречала не мало затруднений. Сочетать на сравнительно небольшом пространстве интересы примитивного звероловческого хозяйства с трехпольным земледелием было не просто. Поэтому в распоряжениях самой Москвы по частным вопросам мы можем наблюдать отступления от установленного выше принципа. Так, по распоряжению Москвы русским людям отдали часть земель Косвинской волости (Верхотурский уезд), незадолго перед этим закрепленных за ясачным населением царской грамотой; по р. Туре в жилом юрте Баенды и Юрши Килтаевых велели устроить русских плотников. ¹

Неустойчивость центрального правительства в деле укрепления ясачных земель за ясачными тяглецами отражалась и на деятельности местной воеводской администрации. Выше мы привели общие положения, которыми руководствовалась эта администрация и которые она в целом ряде мероприятий умела и могла осуществлять. И в то же время можно привести ряд фактов обратного порядка. Эти отступления от основных указаний Москвы по земельному вопросу естественны в свете нажима на воевод по вопросу о сибирской запашке. Москва требовала одновременно охраны ясачных промыслов и быстрого расширения сибирского земледелия. В этом отношении сибирская администрация в целом попадала в положение сургутского воеводы, доложившего о непомерности ясачного оклада и о невозможности собрать его без правяжа и запрашивавшего о мерах его взыскания. Сибирский приказ, не уменьшая оклада и не снимая недоимки, предписывал ясак собирать сполна, но без применения правяжа. При этом Приказ обещал весь недобор доправить на самом воеводе.

Одно обстоятельство способствовало нарушению прав ясачного человека на его вотчину самой воеводской администрацией. Я имею в виду чересполосность сибирских уездов. Так, слободы Тобольского уезда лежали в массиве ясачных волостей и слобод других уездов. В пределах чужих владений находилась часть крестьянских поселений Туринска и т. д.

¹ ЛИ. т. II. № 28, 42.

¹ Лопарев Х. Самарово, ч. III (документальная), № 31, СПб., 1896.

² «Исторический архив», т. I, стр. 159—160, М.—Л., 1936.

Не чувствуя ответственности за ясачное население чужого уезда, воеводы при устройстве своих крестьянских слобод мало считались с интересами промыслового хозяйства перво-го. Дело осложнялось частыми столкновениями воевод и их «спонами», в частности по вопросу об устройстве слобод. В 1667 г. из Верхотурья начали строить слободу на р. Камышенке и уже вывезли бревна на острог. Строитель слободы приказчик Будаков в 1668 г. жаловался своему воеводе, что на то же место приехали строить слободу по наказам из Тобольска. Верхотурский воевода Колтовской писал по этому поводу, что тобольский воевода Петр Годунов посылает своих людей на Камышенку «для ссоры», «приметывается к нему во всем». А в следующем году партия тобольских служилых людей выбила Будакова из слободы. «Спона» воевод достигла таких размеров, что в 1669 г. Колтовской сел у себя на Верхотурье в осаду от присланных Годуновым людей во главе с сотником Клепиковым. Необычное военное положение города вызвало волнение служилых людей. Верхотурские дети боярские кричали воеводе: «город запер, с ума сшел». Несмотря на это, Колтовской упорно сидел в осаде, объясняя это так: «а города мне холопу твоему отпереть нельзя, потому что боюсь убойства, или изымая свяжут да отвезут к Петру, а он меня холопа твоего с ярости и от радости замучит или учинит убойство и тогда головы моей холопа твоего никто не подымет». В своей отписке в Москву Колтовской зывал о помощи: «не вели государь без вины выдать на убойство и на умученье к такому плуту сотнику (Клепикову) — угоднику Петрову». ¹ В 1653 г. верхотурский воевода Хилков обращался в Москву по поводу захвата Тобольском, по инициативе «веломова вора» А. Гилева, новой верхотурской слободы. ² Раздоры высших представителей администрации находили отклики и в настроении служилых низов. Это настроение приказчик Краснопольской слободы Лукашевский выразил в 1679 г. следующим образом. Высланного из Тобольска для производства сыска в слободе тобольского атамана И. Ярославцева

¹ Ст.б. СП, № 788.

² Ст.б. ВУС, № 60, лл. 118—119, 124—126.

он «бранил и бесчестил», а на предъявление тобольской памяти ответил: «тот де указ тобольской, а не верхотурской». ¹ В такой обстановке кажется вполне обоснованным заявление верхотурского воеводы, что существование в подсудных ему ясачных землях Тобольской слободы повлечет за собою «утеснение ясачным землям». ² О подобных случаях верхотурские воеводы хорошо знали по собственной практике. Именно о них в 1644 г. писали ясачные татары разных волостей Туринского уезда: «строены с Верхотурья в их вотчинах в Туринском уезде Ницинская и Ирбитские слободы и ис тех слобод крестьяне поселилися дворами своими на их юртовницах и на кладбищах и с мольбищ и с кладбищ их согнали и пашенные места и сennie покосы отняли». ³ По сведениям туринского сына боярского С. Шарыгина, устанавливавшего межи между Туринским и Верхотурским уездами в 1646 г., «в тех межах в Туринском уезде по Нице и по Ирбеню рекам строены слободы и деревни с Верхотурья в Туринских ясачных волостях на татарских землях и на кладбищах и на юртовницах и всяких угодах». Таким путем, по его подсчету, поставлено в ясачной Тентюковской волости 8 деревень с 64 дворами, в Ермолаевской слободе и 11 деревень со 117 дворами, в Колмаковской слободе 14 деревень с 84 дворами. ⁴ Выше мы уже отмечали, что в 1680 г. А. Гилев «заводил» Сулемскую слободу также на ясачных землях.

Естественно, что наряду с нарушениями земельных прав ясачного населения представителями воеводской администрации имели место нарушения этих же прав и частными лицами. В 1659 г. ясачные вогулы Низтуринской волости били челом на тагильского пашенного крестьянина В. Рожина: «ставитца он Василей на нашу сирот ваших вотчину двором своим». ⁵ К захвату ясачных земель стремились и «государевы богомольцы» — сибирские монастыри и тобольский Дом

¹ Ст.б. ВУС, № 214, л. 292.

² Там же, № 60, лл. 124—126.

³ Там же, № 2, лл. 84—87.

⁴ Кн. СП, № 731, лл. 209—216.

⁵ Ст.б. ВУС, № 32, л. 86.

вают русским людям и от того в казну великих государей ясаку и поминков учинился недобор великой». ¹

Нужно сказать, что московская администрация и по этому частному вопросу стремится провести свою общую политику. В 1676 г. в Верхотурской приказной избе разбиралось дело ясачного человека Лялинской волости Л. Огнева, продавшего без указа свой сенной покос стрелецкому сыну Л. Макарову. Огневу не помогла ссылка на то, что свой покос он не продал, а лишь заложил на срок, «нужн своей ради». Огнева было указано бить батогами: «не продавай и не закладывай вотчины и угодья, чтоб вперед ему и иным не повадно было продавать и закладывать». О запрещении было велено кликать бирючу «накрепко». Огнев должен был вернуть деньги, а закладную велено «изолдрать». Вместе с Огневым был бит и площадный подъячий: «не пиши на вогульские земли закладных». Вотчина была возвращена первоначальному владельцу. В своем решении воевода ссылался на приказ: «вогульские земли никому продавать не велено и крепостей на те земли писать заказано ж». ² Почти в тех же словах этот приказ был повторен в памятях, разосланных приказчикам верхотурских слобод в 1689 г. «всяких чинов людям заказать, чтоб они у ясачных людей вотчин... не покупали и в заклад не брали; и писчим дьячком заказать, чтоб они письменных крепостей им ясачным людям на их вотчины не писали». Мы видели выше, что этот крепкий заказ не всегда действовал. Но его сдерживающее влияние несомненно. Последнее исчезает лишь с утратой правительством интереса к ясачной вотчине как объекту взимания пушного тягла.

Таким образом, общие взгляды московского правительства и осуществляемая им практика, при всех отступлениях этой практики от общих взглядов, стремились сохранить в XVII в. право ясачных волостей на их земли.

В описанных условиях отношения московского правительства к ясачному землевладению складывалось в XVII в. крестьянское землепользование. Последнее обуславливалось, как

и в черносошных областях Московского государства, несением тягла: государевой десятинной пашни или оброка хлебного или денежного. И если Москва перенесла свои взгляды на владение землею на ясачные земли, то, естественно, эти же взгляды нашли применение в практике крестьянского землепользования. Пользование землей обуславливалось тяглом, но так как тягло в принципе не должно было прекращаться, то и связь данного участка земли с данным тяглом рассматривалась как постоянная. Непрерывное несение тягла создавало и постоянное владение участком. Вместе с тем не забывалась мысль и о верховном хозяине всех земель — государе. Об этой мысли время от времени напоминали населению, ограничивая в принципе право распоряжения землей. В данную на земельный участок пашенного крестьянина Л. Розшептаева, наряду с утверждением права на землю — «теми землями и санными покосы владеть против десятинного тягла», внесена и оговорка: «а тех ему Лаврушке земель не продать и не заложить и в монастырь и к церквз не отдать». ¹ Но, сохраняясь в силе как общее положение, это ограничение исчезало практически. В первой главе мы имели случай наблюдать одну из форм отчуждения крестьянами их земельных участков — передачу земли с тяглом подрядчикам. Имело место также отчуждение путем заклада-продажи. В 1688 г. верхотурский подгородный пашенный крестьянин С. Воинов заложил свой покос дубровный верхотурскому посадскому человеку С. Белрину. ²

Несколько крестьянских закладных мы находим в записной книге крепостей 1702 г. по Верхотурью и других. ³ Основным объектом крестьянского заклада являлись покосы. Отчуждение пашни, основы крестьянского производства, происходило лишь при полной или частичной ликвидации хозяйства и было затруднено вопросом о передаче тягла. Оно обычно и облакалось в форму сдачи подрядчикам.

Таким образом, в сибирские условия были перенесены

¹ Стлб. ВУС, № 134, л. 1.

² Там же, № 51, лл. 49—52.

¹ Стлб. ВУС, № 210.

² Там же, № 49, л. 119.

³ Кн. СП, № 1322, лл. 152—153, 158—159 и др.

полностью представления о крестьянском землепользовании, сложившиеся ранее на центральной территории Московского государства.

Наиболее распространенными путями получения крестьянами земли были отвод и подписная челобитная. При устройстве, «приборе», приказчиком или слободчиком крестьян в слободу новоприборным одновременно с оформлением вопросов тягла (характер, размеры, льготы) отводилась земля для их личного, «собинного» хозяйства.

Наряду с получением отводной земли шел процесс приискания земель самими крестьянами. В 1670 г. А. Игнатьев был челом в оброчные крестьяне в Невьянскую слободу и подал челобитную на отвод ему покоса умершего крестьянина И. Копырина.¹ В 1672 г. Ф. Лаптев просил отвести земли «в верх по Ирбите реке выше Кирилковы деревни за Ирбитью рекою старое Пятково займище... — а то де место из давних лет лежит впусе и в тягло никому не отдано».² В 1700 г. Якимов и Хомяков просили перевести их в Тамакульскую слободу и устроить их собинными пашенными землями и санными покосами, «где мы заимку себе прищем».³ С аналогичной челобитной обратился в 1698 г. в Верхотурскую приказную избу А. Гаев, просивший перевести в оброчное тягло в Красноярскую слободу и разрешить ему приискать себе пустые пахотные земли и санные покосы.⁴ Все приведенные челобитные были удовлетворены. Воеводская администрация, имея в своих наказах постоянным пунктом требование об увеличении запашки, охотно шла навстречу подобным заявлениям. Постоянно лишь требовалась справка о незанятости данного участка земли. Таким же путем старые крестьяне округляли и свои прежние владения. Так, крестьяне Ленеvской деревни Арамашевской слободы обратились с челобитной об отводе им земель беглых крестьян Дозмуровых, «со всяким

¹ Стлб. ВУС, № 4, лл. 112—113.

² Там же, № 40, лл. 13—14.

³ Там же, № 37, л. 125.

⁴ Там же, № 36, л. 370.

заводом и огродцами», «в добавок» к прежним их «собинным землям».¹

Особенно большой простор для самостоятельного приискания земель был в первые годы освоения той или другой местности. Наличие значительных неиспользованных земель давало возможность для подыскания мест под заимки и деревни. Так, при устройстве Ницинской слободы приказчик С. Молчанов «отделивал» крестьянам землю под собинные пашни, «где кто похотел иным подле твою государеву пашню смежно, а иным дале».² В этот период не подвергались ограничению и размеры крестьянских участков. В конце первой половины столетия в Сибирском приказе утверждали, что в Сибири всякие люди, в том числе и пашенные крестьяне, владеют землею «не по четвертям, а сколько хто сперва русские люди в которых местах земли займовали, много ль хто иль мало тот тем, хто жив, и по ся место владеет».³ В 1625 г. о том же заявляли в своей челобитной жители Верхотурья: «а у иных де у служилых и у посадских людей и у пашенных крестьян и у ямских охотников пашенных земель и санных покосов занято много, не одны заимки, а займовали де те лишние земли те люди в те поры, как было на Верхотурье людей мало, а земель было порозших впусе много». Не все эти захваченные земли обрабатывались. К 1626 г. в руках у названных людей наряду с распаханными землями находились и куски «дикого поля».⁴ Позднее размеры крестьянских заимок ограничиваются в соответствии с размерами отбываемого ими государева тягла. В отношении новоприборных крестьян этот вопрос в таком направлении был решен указом Ю. Я. Сулешева.⁵ Несколько позже он был поставлен и в отношении старых крестьян. Уже в 1626 г. на государя отписывали лишние земли, лежащие впусе.⁶

¹ Стлб. ВУС, № 29, л. 218.

² РИБ, т. VIII, л. 11, XIV.

³ Стлб. СП, № 1673.

⁴ АИ, т. III, № 138.

⁵ Подробнее об указе Сулешева см. в гл. IV и V.

⁶ АИ, т. III, № 138.

Присканные земли укреплялись за владельцами подписными челобитными, отводными данными и, позднее, занесением в переписные книги.

Наряду с легальным занятием новых земель имеет место и захват пустых, а иногда уже и занятых земель, с последующим оформлением или без всякого оформления. В 1684 г. пашенный крестьянин Л. Матвеев просил данную на его собишные пашни, покосы и заложную землю. Челобитная, очевидно, была вызвана тем, что его соседи «взорали сильно» 10 десятин его заложных земель.¹ Выше мы приводили пример крестьян Соколовых, поселившихся на аятских данных землях, «самовольством и озорничеством без тобольских и без верхотурских памятей».² Таким же захватом было поселение на р. Бобровке 9 крестьян во главе с И. Смолой, которые начали пахать пашни мурзинских крестьян «неведомо почему». «А живут на стану разбойною статьею нарядным делом кроме оружия на человека держат по дубине и по две».³ Когда в 1670 г. верхотурский сын боярский И. Несельцев досматривал свободные пашенные места, то он отметил ряд крестьянских семей, захвативших «самовольством» земли по речкам Бобровке и Липовке.⁴ Размеры самовольного захвата установить трудно, так как мы узнаем о них лишь в исключительных случаях встречных исков прежних владельцев; косвенным подтверждением наличия этого явления могут служить указания на подписные челобитные как крепостной документ, которым этот способ занятия земли оформлялся. И еще одним подтверждением может служить сравнительное обилие спорных земельных дел, которые велись в приказных избах. В дошедшей до нас описи дел Верхотурской приказной избы за 1685—1692 гг. числятся 35 вершенных и 35 невершенных дел о пашенных землях и сенных покосах. Почти все дела посвящены или отводу земель по челобитным, или спору о землях. Таким образом, на год приходится по 10 дел. Прини-

¹ Стлб. ВУС, № 15, лл. 113—119.

² Там же, 286, лл. 1—2.

³ Там же, № 214, лл. 32—34.

⁴ Стлб. СП, № 885.

мая во внимание общую величину населения уезда, это количество дел нельзя признать незначительным.¹

Помимо получения земель путем отвода, приискания и захвата, русское население приобретало их и путем покупки. Выше, при обзоре землевладения ясачных людей и отчуждения земель крестьянами, мы приводили примеры скупки земель ясачного населения и покупки земель у русских. Здесь мы отметим лишь, что для XVII в. эта форма приобретения земель среди крестьян не имела большого распространения. В течение всего XVII в. и первой половины XVIII в. существовала широкая возможность приобретения земель иными путями. Непрерывное устройство новых слобод вводило в оборот крестьянского землепользования все новые и новые массивы. Пришлое население устремлялось именно сюда, сюда же переходила и часть крестьян из густо населенных старых слобод. Примером могут служить крестьяне Мурзинской слободы, выселившиеся на земли по речкам Липовке и Бобровке.² Наличие неиспользуемых земель отмечено довольно поздней переписью тобольского дворянина Полозова (1695) по отношению к слободским территориям. По деревне Катайке с населением в 70 дворов числилось по этой переписи «непаханных земель под пашни на 650 десятин», т. е. по 10 десятин на двор сверх возделываемой пашни и покосов. В деревне Панкратьевская Курья в 8 дворов заложных непаханных земель, не расписанных по дворам, было на 350 десятин да покотинной (для выгона скота) на 330 десятин. Если учесть, что собинная пашня этих 8 дворов равнялась 15 десятинам, то становится ясной возможность устройства на этой площади еще нескольких таких деревень. Всего по Катайскому острогу, по данным Полозова, было 269 крестьянских дворов, имевших 494 десятины в поле собиной запашки. По острогу, кроме того, числилось 4320 десятин заложных земель под пашню, 3000 десятин порозших земель, 9280 десятин покотинной земли и 4500 десятин, по всей вероятности, неиспользуемых покосов, так как, кроме этого, указано еще сенных покосов на 42 690

¹ Стлб. ВУС, № 65; лл. 77—102.

² Стлб. СП, № 885.

копен. Последнее измерение (копнами) является обычным для XVII в. определением размеров площадей используемых покосов. Еще интереснее в этом отношении пример Колчеданского острога. При 94 крестьянских дворах с собиной запашкой в 106 десятин в поле по нему числилось заложных земель 2760 десятин, дубровных земель под пашни 6200 десятин и покотинных земель 6300 десятин.¹ Не ранее 1670 г. с Верхотурья выясняли, «где в котором месте годно слободы построить и крестьян на десятинную пашню и на оброчный хлеб поселить на порожнее место». Обыском была установлена возможность поселения у устья Липовки 300 крестьян, найдено вверх по р. Пышме пашенное место «верст на 15 и больше»; над р. Юрмышем, между слободами Пышминской и Белослудской, «верст на 15 вдоль и версты на 4 поперег», — место для поселения 50 семей и несколько мест в Тарском уезде. Во время обыска запрашивались сказки ясачных людей: нет ли на данном месте их промысловых угодий.² Ранее, в 1660 г., воевода Кафтырев указывал, что на Тюмени «от города верстах в 10 и в 20 порозших земель много, а пахать некому».³ Мы привели примеры, свидетельствующие лишь о наличии крупных массивов свободных земель. Наличие отдельных мелких свободных участков, главным образом выморочных или покинутых, устанавливается для всего XVII и начала XVIII в. и по более населенным территориям околородных и крупных слобод.⁴ Это явление, столь понятное в первое столетие заселения, и объясняет слабость среди крестьянства мобилизации земель путем купли-продажи. В таких местах, как Колчеданский и Катайский остроги, она едва ли могла иметь место.

И вместе с тем уже для второй половины XVII в. можно отметить ряд пунктов, плотно заселенных. Таковы местности близ городов Верхотурье, Тюмень и др. и некоторые из слобод, как Ирбитская, Чусовская и др. Сжатые в своем стремлении

¹ Кн. СП, № 1444.

² Стлб. СП, № 885.

³ Там же, № 594, лл. 252—255.

⁴ Подробнее об этом — ниже.

к разуплотнению соседними ясачными волостями или русскими же слободами, они испытывают земельную тесноту, распределив между дворохозяевами весь наличный земельный фонд. Получить путем отвода по челобитной земельной участок в этих местностях не всегда представлялось возможным. Около 1671 г. в Чусовскую слободу были поверстаны в службу 6 беломестных казаков из пашни. В августе 1671 г. они были челом о переводе на хлебный и денежный оклад, так как «пашенных земель в чусовской слободе нет».¹ В 1672 г. трое беломестных казаков Ирбитской слободы были переведены, по их челобитной, в Белослудскую слободу. Их просьба о переводе аргументировалась тем, что «деревнишек нам нигде не отведено и порозших земель в Ирбитской слободе нет и жить нам в Ирбитской слободе не у чьего». Аргументация эта в Верхотурье получила полное доверие, и челобитье было удовлетворено.² В 1678 г. крестьяне Камышенской слободы показывали: в «слободе земель стало мало и для того крестьяне в Камышенской слободе на оброк и не поселяются».³

Разобранность земель возле крупных земледельческих центров, каковыми были пашенные города и старые слободы, обуславливала уже в это время появление аренды земли. Так, в 1687 г. стрелецкий десятник Ф. Бакоряков и житничий дячок Л. Юмин сеяли хлеб в Невьянской слободе на «наемной земле». Значительно ранее, в 1630 г., 9 посадских людей г. Тюмени «на наемных землях присеивали хлеб».⁴

В этих местах чаще всего и возникали земельные спорные дела, здесь же имела место и заклад-продажа и купля земель. В последнем отношении значительную настойчивость проявили сибирские монастыри, округлявшие свои жалованные вотчины. В 1642 г. архимандрит тобольского Знаменского монастыря Варлаам подал в Тобольскую съезжую избу сказку и с крепостей списки. По этим сведениям монастырь владел под

¹ Стлб. ВУС, № 4, л. 129.

² Там же, № 41, лл. 59—61.

³ Там же, № 15, лл. 106—111.

⁴ Там же, № 12, лл. 49—51; РИБ, т. VIII, № 11; LXXVII, 1.

городом землями по 10 вкладным и по 7 купчим, из которых одна хотя и названа данной, но земля по ней передавалась за долг. Среди продавцов земель мы находим и крестьян. В 1630 г. Знаменскому монастырю продал на Куларове озере и на Куларовском кряже свою заимку тобольский пашенный крестьянин С. Рукосуев. В том же году монастырь купил «ропашь и сенные покосы и поскотину со всеми угодьями» у тобольского же крестьянина М. Олесева.¹ Купленными, вымненными и закладными землями владел и тобольский Дом Софии. В 1672 г., например, он получил за 25 руб. земли, пустоши и сенные покосы вверх по Иртышу от Ф. Михалевского, за год перед этим, в 1671 г., — за 30 руб. деревню Я. Бязева. Митрополю деревня Тимофеева на Туре построена на закладной татарской земле и т. д.² Интересы монастырей часто сталкивались с интересами крестьян, и тогда возникала длительная и упорная борьба за землю. В 1678 г. верхотурские крестьяне жаловались, что архимандрит верхотурского Никольского монастыря Варлаам отнял у них «пахотные земли с засеянным хлебом и скотские выпуски и рыбные ловли». ³ Арамашевские крестьяне, отстаивая свое право на сенные покосы от наступления невянского Богоявленского монастыря и не рассчитывая на помощь воеводской администрации, «великого государя указу чинятся ослушны»; явившихся на спорный покос монастырских людей они решили оттеснить иными средствами: «вилы и грабли на стану и кади, и горшки приломали и прибили и присекли». ⁴

Движение земель путем покупки имело место особенно среди служилого и посадского населения, естественно попадавших в условия относительной земельной тесноты. Захватывало это явление и крестьянство, но, как мы указывали выше, в меньшей степени. По отношению к последнему мы имеем обычно лишь прикупку к основной отводной земле, чаще всего сенных покосов или других угодий. Это расширение ос-

новного отводного участка выливалось иногда в форму съема добавочного участка у государства на особый оброк, сверх пашенного тягла. Примером может служить семья Рейтовых в Тагильской слободе, платившая сверх десятинной пашни еще 20 алтын годового оброка, тобольский крестьянин Смагин, снявший землю из оброка, и др.

Полученные теми или иными путями земельные участки укреплялись за их владельцами, помимо указанных выше крепостей, еще и по праву «старины», которая в сибирских условиях была значительно менее старинной, нежели в Европейской России. «Старина» имела преимущественное, решающее значение, являясь часто единственным основанием владения, если отсутствовали крепости. В таких случаях при судебном разборе земельных дел именно ею определялось решение. В 1685 г. тагильские пашенные крестьяне О. Елфимов с товарищами вели судебное дело с ямскими охотниками Г. Подкиным и другими о скотском выпуске. При разборе дела не были предъявлены крепости. Решение основывалось на данных обыска. Большинство обыскных людей показало: «тот де скотцкой выпуск истаре городили Гришка да Пронька Поткины»; часть обыскных это показание уточнила: «почели городить... тому де лет з 20, а чья преж того земля была... того де они не ведают». На этом основании земля, согласно Уложению, была закреплена за Подкиными. ¹ На таком же основании решено аналогичное дело между крестьянами Невьянской слободы Розшптаевым и Ячменовым в 1688 г., по которому земля осталась за Розшптаевым, так как обыскные люди утверждали: «и те де земли ево Лаврушкины, а не Федьки Ячменова, а владел де теми землями нестари отец ево Лаврушкин П. Розшптаев з братьями». ² Но даже и в тех случаях, когда налицо имеются крепости, подтверждающие владение, «старина» остается в качестве добавочного, укрепляющего крепости аргумента. В 1687 г. «бухаретин» Е. Тучкалов по спорному земельному делу представил следующую справку об оспариваемом участке. Первоначально

¹ Кн. СП, № 151, лл. 1—11.

² Там же, № 1086, лл. 54—81.

³ Стлб. ВУС, № 32, лл. 199—212.

⁴ Дела ВУС, опись 6, кн. 9, л. 47.

¹ Стлб. ВУС, № 8, лл. 321—333.

² Там же, № 210, лл. 28—29.

землей владел казак Т. Виляжанин, передавший ее своим детям. От них она перешла по закладной к казаку С. Тепне, который, после трехлетнего владения, по закладной же передал ее Е. Тучкалову. Последний «справил» по челобитью своему и по данной сыну Е. Тучкалову. Вместе со сказкой Е. Тучкалов представил данную, полученную им из приказной избы. В решении по этому делу, оставлявшем землю за Тучкаловыми, в качестве основания приводятся также «старинное владение». ¹ Старина, при наличии крепостей, сыграла решающую роль в спорном земельном деле А. Бехметева и О. Кузнецова (1689). И истец и ответчик представили к разбору подписные челобитные на спорную землю. Дело решено в пользу Бехметева. Среди оснований фигурировало то, что кузнецовская челобитная подписана 12 днями позже. ² Право старины, перенесенное за Урал московскими людьми вместе с их земельными представлениями, приобретало здесь еще и добавочное значение права первого занятия данного участка.

Таким образом, основными путями получения русскими поселенцами земли в XVII в. были отвод земли воеводской администрацией и самостоятельное приискание и занятие участка с последующим оформлением. При этом должны были соблюдаться два момента: земля предоставлялась поселенцу под условием несения тягла и земля должна была быть свободной, т. е. не имевшей перед этим иного владельца. Лишь в местах с более густым населением, где исчезал фонд неиспользуемых земель, уже в XVII в. начинает играть заметную роль купля-продажа и аренда.

Состав владений крестьянского двора отличался значительным разнообразием как по виду земельного владения, так и по форме. Как мы уже отмечали выше, крестьянский участок включал в себя, помимо пашенных земель, размер которых в XVII в. не был ограничиваем и лишь должен был быть оправдан соответствующим ему размером государева тягла, еще и сеньные покосы. Последние находились или «околь

¹ Кн. СП, № 828, лл. 17—34.

² Там же, № 925, лл. 1—67.

поль по закрайкам», или «около поль и по дуброве», часто от полей «дале», по сухим и заливным лугам. Помимо своих основных покосов крестьяне иногда «прикашивали» сено на незанятых, пустующих участках, меняя их и тем самым не вводя в свой участок. Величину собинных пашен и сенокосных участков мы пытаемся определить ниже.

Кроме покоса, в крестьянский же участок включалась заложная и выпашанная земля. В качестве примера приведу описание деревни Кулики Тюменского уезда, данное в книге Л. Поскочина (1686). ¹

В деревне Кулики живут пашенные крестьяне:

П. Пирогов—пашни	2 дес. в поле, заложной и выпашанной земли	15 дес.
Ф. Ярославцев	» 2 »	3 »
С. Чюваров . . .	» 1,5 »	8 »
Г. Шумилов . . .	» 3 »	10 »

Выше мы приводим примеры очень значительных абсолютных размеров поскотинной земли, заимствованные из описания Полозова. В Китайском остроге приходилось на двор по 34 десятины, всего по острогу 9280 десятин. Столь значительные размеры можно поставить в связь лишь со слабою непользованностью свободного земельного фонда, имевшегося по части слобод весь XVII и XVIII в. Эта поскотинная земля служила затем резервом для расширения сеньных покосов и пашен. В малоземельных слободах размеры поскотинных земель уже в XVII в. значительно сократились. Крестьяне малоземельной Ирбитской слободы в поисках поскотинных земель отгородили себе, «неведомо по какому заводу», земля киргинских крестьян, да еще и «их же киргинских крестьян жердьем». ²

Некоторые крестьянские участки включали в себя еще и промысловые угодья. Так, верхотурский оброчный крестьянин Е. Михайлов владел в 1702 г., по закладной 1683 г., «звериною ловлею» ясачного человека Клина Токолмасова; пашенный крестьянин С. Титов в 1683 г. по закладной 1676 г.,

¹ Кн. СП, № 968.

² Стлб. ВУС, № 47, л. 23.

— «лешеным лесом», по закладной 1671 г. — «путиком» и по закладкой 1680 г. — рыбным промыслом; «лешеным промыслом» владел в 1683 г. также пашенный крестьянин В. Черников и т. д.¹

Источники позволяют говорить по крайней мере о двух формах владения: индивидуальной и коллективной. Вышеприведенный материал свидетельствует о владении подворном. Но во многих переписных книгах, в том числе в книгах Л. Поскочина и Полозова, заложная и выпашанная земля показана не по дворам, а по селениям в целом. Таким образом, наряду с индивидуальным земельным участком помечалась земля, числящаяся за деревней в целом. В таком же коллективном пользовании находился и «скотцкий выпуск», или «поскотинная» земля.

Занятие земель, захват их, купля-продажа неизбежно приводили к неравномерности крестьянских участков. Уже в XVII в. эта неравномерность земельных участков обращает на себя внимание крестьян, попавших в худшие земельные условия, а по их челобитьям — и правительства. В 1670 г. ростесские новые оброчные крестьяне К. Гаврилов с товарищами жаловались на отсутствие у них покосов и в своей челобитной указывали, что старые крестьяне «сена ставят по 1000 и по 1500 копен на человека, и от них сверх того их ставленного сена трав на покосах остается много и те остаточные покосы отдают косить из больших кортомов». В 1675 г. подгородный крестьянин Путимцов в своей челобитной также обращал внимание воеводской администрации, что у его двоюродного брата Путимцова ж в деревне на Салде «земель много», и просил передать ему лишнюю землю «из прибыли». В спорном деле 1670 г. невьянский оброчный крестьянин А. Игнатев так аргументировал свой иск о покосе: «а у него Федота сенных покосов много копен 600 и больше», и т. д. Решения приказной избы по этим искам говорят о стремлении привести размеры участка в соответствие пока что с тяглом. В село Ростесы в 1671 г. был выслан сын боярский Лисицын для обмера всех покосов, которые

предписывалось после этого «разделить всем против тягла и оброку, чтобы никто лишние сенные покосы не косил, а иные б без покосов не были». Правда, в этом направлении не решились пойти до конца. Разделу подлежали лишь покосы, на которые у прежних крестьян «никаких крепостей и писем нет». Сенокосы же, на которые были предъявлены крепости, было велено «до указа великого государя не делить». В том же духе дана помета и по челобитной А. Игнатьева: «будет у Федотка покосов опрочь того иных много и тот сенной покос по сыску отдать ему Афоньке». В 1644 г. Б. Поливанов межевал пашни киргинских крестьян с чубаровскими и ирбитскими. В памяти, данной ему по этому поводу с Верхотурья, предписывалось отмежовывать земли киргинским и чубаровским крестьянам против государственной десятинной пашни, а ирбитским против оброчного хлеба. Всю же землю, которая будет в лишке, велено отписать на государя.² Так уже в XVII в. власть пытается ограничить рост крестьянского участка, поставив его в зависимость от размеров тягла. Пока это тягло на двор принципиально не имело границ, до тех пор и земельное ограничение было юридически условным. С изменением в 20-х годах XVIII в. системы разверстки государственной десятинной пашни и установлением твердого оклада на двор тот же самый принцип получил другой смысл, и возник вопрос об уравнивании участков.

Основным местом сосредоточения крестьянских дворов была слобода. Название «слобода» в XVII в. имело двоякий смысл. С одной стороны, это первоначальное поселение на отведенном для заселения участке, которое становилось центром для всех селений данного участка. Здесь находились острог, церковь, двор приказчика, государевы амбары. В слободе жили церковные причетники, судные дьячки, служилые люди (беломестные казаки). Здесь же находилась часть крестьянских дворов. Возле слободы расположены государевы десятины. С другой стороны, слобода — это территория, которая составляется из слободы в узком значении этого слова и всех

¹ Стлб. ВУС, № 64, л. 52 и № 4, лл. 36—39, 114—115

² Стлб. ВУС, № 2, л. 61.

¹ Стлб. СП, № 936, л. 67 и сл.; кн. СП, № 1322, л. 7.

«тянувших» к ней селений (деревень). Общие размеры этой территории обычно устанавливались (хотя и очень приблизительно) при первоначальном устройстве слободы, путем упомянутого выше отвода. Внутри этой территории и возникали деревни слободского присуда. Выселение за пределы этой территории затруднялось, так как наталкивалось на земли соседних слобод или соседних ясачных волостей. Соседние слободы Мурзинская и Краснопольская вели несколько дел по своим земельным спорам. Крестьяне одной слободы бьют челом на крестьян другой, что те за ними «гоняютца», и просят «обороны».¹

С такими же челобитными выступают и ясачные волости при попытке слобод перейти границы их владений.² Возникшие споры приводили к более точному определению слободских границ, к межеваниям и установке граней. Так, в 1644 г. отмежовывались владения Киргинской, Чубаровской и Ирбитской слобод. В 1646 г. размежовывались слободы и волости Туринского уезда от Верхотурского и т. д.³ Установление слободских границ имело двойное значение: оно предотвращало в известной мере беспорядочность в земельном устройстве русского населения, в то же время оно вело к охранению целостности территории ясачных волостей.

Возникновение деревни на слободской территории шло обычно путем образования отдельными крестьянами самостоятельного поселения, называемого заимкой или деревней. Иногда «заимкой», «займищем» назывался участок земли без крестьянского двора. Таковы, очевидно, заимки крестьян Л. Розшептаева и Ф. Ячменова, план которых приложен к их земельному делу.⁴ Деревни-заимки в один двор отмечены писцовыми и переписными книгами XVII в. В один двор были в 1680 г. деревни Тунгуйская, Турытинская Тагильской слободы, деревня Бобровская Ницинской слободы и др. Эти однодворные деревни-заимки разрастались путем увеличения и

¹ Стлб. ВУС, № 48, л. 95. О столкновении мурзинских крестьян с арташевскими см. № 214, лл. 44—45, ирбитских и киргинских — № 47, л. 25.

² Стлб. ВУС, № 2, лл. 84—87 и др.

³ Там же, лл. 50—51; кн. СП, № 731, лл. 209—216.

⁴ Стлб. ВУС, № 210, л. 35.

разделов крестьянской семьи. В деревне Анисимовой над р. Тагилом, в деревне Ципилевой по 2 двора, в которых живут братья. Трехдворные деревни Толмачеву и Чусовскую населяют — первую Толмачевы, вторую Чусовские и т. д. В деревне Топорковой 8 дворов, из них 7 принадлежат крестьянам Топорковым, и т. д.¹ Иногда в население этих малых деревень вводились сторонние лица путем сдачи тягла подрядчикам, привлечения половников, поставленников.² Первые вместе с тяглом получали «жеребей» сдавшего целиком или в какой-либо его части. Чаще всего — это половина или половина половины. Так деревня делилась на доли, принадлежавшие разным лицам. Возникало явление, близкое к тому, которое Ефименко для русского Севера назвала долевым владением. Несомненно, что наряду с описанным путем возникновения деревень существовал и другой: поселение нескольких сразу прибранных чуждых друг другу семей. Так возникали деревни с разнофамильным населением и почти всегда — слободы. Уже в XVII в. отдельные деревни достигают значительных размеров. В деревне Шипициной Тагильской слободы Л. Поскочин в 1680 г. описал 19 крестьянских дворов, в деревне Шогринской Невьянской слободы — 26 дворов, в деревне Ключевской Ницинской слободы — 22 двора, в деревне Черноречской Белослудской слободы — 24 двора; в деревне Черемисской Катайского острога в 1695 г. было 42 двора, а в Катайской деревне 70 дворов и т. д. Подобные деревни кладут начало многодворным сибирским селам позднейшего времени. Отдельные из них были расположены на значительном расстоянии от своего центра — слободы, где находилась государева десятинная пашня. Как мы увидим ниже, это создавало не мало неудобств при обработке ее крестьянами удаленных деревень.

В описанных условиях землепользования в течение XVII в. создавались крестьянские слободы и деревни и одновременно сохранялись и существовали ясачные волости. Обилие земель на протяжении всего века способствовало сосуществованию

¹ Кн. СП, № 697, лл. 157—232.

² См. об этом в гл. I.

волостей с пашенными слободами. Отдельные столкновения и противоречия, описанные нами выше, достигали в некоторых местностях значительной силы. Иногда столкновения, возникавшие на отмеченной почве, совпадали с общим движением народов, угнетаемых военно-служилой бюрократией и торгово-промышленными людьми. Тогда они приобретали особую остроту. Впрочем, крестьянство в последних случаях иногда шло с местным населением, а не с русской верхушкой. Все же в целом противоречия эти не уничтожали ясачных вотчин. По существу, русский крестьянин и ясачный человек в отношении земельных прав были поставлены в одинаковое положение. И тот и другой, прежде всего, был тяглом, и этим определялось его земельное положение. Правительство добивалось сохранения и увеличения тяглой земли, пашенной и ясачной, но не за счет одна другой.

Одним из ярких примеров стремления сохранить ясачную землю было существование русских ясачных людей. Оседание на ясачную землю влекло за собой и поверстание ясаком. Около 1696 г. Н. и Е. Филимоновы били челом «на пустовую вогульскую землю». Получив последнюю, они были записаны в ясак.¹ В 1687 г. в ясак был записан житель верхотурской Чусовской слободы Родион Волегов, бывший челом на место умершего ясачного человека и просивший ясачную вотчину под условие «с чусовскими с верховыми вогульчи тянуть».² Федор Коптяев, верхотурец, показывал в 1698 г., что он купил по р. Лобве часть ясачной вотчины, получил на нее данную, «и с той полудеревни сын его Федькин платит поминков да ясаку по 2 лисицы, соболь рублевой», и т. д.³

Фактическое сосуществование развивающихся слобод с волостями показывают и данные о численности слобод и волостей и их населения за XVII и начало XVIII в. по самому крупному по числу слобод и волостей Тобольскому уезду. По данным переписи 1710 г. в Тобольском уезде были следующие слободы:

¹ Стлб. ВУС, № 32, лл. 195—198.

² Там же, № 44, л. 182.

³ Стлб. СП, № 359, л. 28.

Название слободы	Общее количество населения	В том числе крестьян
Абатская	478	115
Архангельская	Сведений нет	
Ашлицкая	152	143
Барневская	1407	1145
Белозерская	732	447
Белоярская	805	685
Беляковская	1276	1172
Бешкильская	Сведений нет	
Благовещенская	»	
Буткинская	610	526
Верхненичинская	1145	1081
Воскресенского монастыря	350	329
Емуртинская	458	328
Знаменского монастыря	133	94
Знаменского ж монастыря	1489	1409
Ингалинская	Сведений нет	
Исетская	»	
Калиновская	972	716
Катайская	Сведений нет	
Киргинская	»	
Коркина	776	246
Красногорская	Сведений нет	
Краснолуцкая	»	
Красномысская	802	575
Крутининская	702	581
Куларовская	77	69
Куирская	979	869
Ламитская	447	109
Маслянская	2944	2011
Мехонская	Сведений нет	
Миасская	»	
Нижненичинская	2570	2379
Новоышиминская	1251	1072
Окуневская	809	744
Ольховская	743	633
Орлово городище	783	314
Подгородная вверх по Иртышу	1731	1283
Подгородная вниз по Иртышу	1676	619
Подгородная по Тоболу	2494	1782
Покровская	440	397
Салтасарайская	137	87
Софийского дома	942	853

Название слободы	Продолжение	
	Общее количество населения	В том числе крестьян
Сверская	679	271
Тавдинская	505	496
Тебенцкая	470	313
Теряцкая	Сведения нет	
Туринская	620	583
Угецкая	221	183
Успенского монастыря	718	410
Усть Миасская	742	577
Усть Суерская	622	487
Утяцкая	388	315
Царево Городище	974	523
Чубаровская	Сведения нет	
Чумляцкая	57	42
Шаларинская	2821	1919
Юрмыцкая	469	422
Ялуторовская	Сведения нет	
Всего	41 437	29 423 ¹

Эти многочисленные слободы с рассыпанными по ним еще более многочисленными деревнями жили в окружении огромных территорий ясачных волостей. Впрочем, к концу века в центре изучаемого нами крестьянского массива ясачные волости сами попадали в окружение русских слобод. Территориально очень значительные, они невелики по своему населению. Ниже мы приводим таблицу с перечнем ясачных волостей Тобольского уезда и с указанием их населения по данным 1629, 1652, 1674 и 1700 гг. Таблица эта аналогична вышеприведенной таблице крестьянских слобод. В той и другой показаны жизнеспособность и рост населения различных подат-

ных территорий. В первой мы ограничились лишь одним годом, так как начальная величина крестьянского населения равнялась нулю. В отношении волостей взят период с 1629 г., т. е. время усиленного роста крестьянского населения и его землепользования.

Ясачное население Тобольского уезда

Волость	Количество населения				Примечание
	1629 г.	1652 г.	1674 г.	1700 г.	
Алмаметко Баргулин	2	1	—	—	
Аремзин	17	19	30	29	
Ашлы	20	17	27	62	
Бабасанские 1-я и 2-я	26	38	57	90	
Белогорская	—	—	5	2	
Битурмас, Конгуртас и Уват	43	50	81	104	
Вачнер	18	9	16	18	
В. Демьянка Григорова	9	10	13	13	Не упоминается с 1693 г.
В. Демьянка Миткина	5	7	5	—	
Демьянский городок	37	45	68	96	
Индерь	14	13	9	23	
Кайканинская	6	8	8	12	
Карбона	28	25	31	36	
Кылыма	10	17	30	46	
Конда меньшая	41	53	73	116	
Колдинская	—	—	87	146	Переведена в 1654 г. на Пельымского у.
Кошуки	73	91	131	152	
Кречатники	11	9	10	9	
Колпуколская	—	6	7	5	В 1629 г. была за Алачевым
Лабутан	1	2	9	9	
Лайма	11	14	20	43	
Леушинская	—	—	13	20	В 1629 и 1652 гг. была в Пельымском у.
Надцов	56	58	76	106	
Назым	69	57	79	117	
Нарым	55	64	101	129	
Салинская	—	—	7	17	
Салымская	—	—	—	42	
Супра	5	3	2	2	
Темличеевская	—	—	62	94	В 1629 и 1652 гг. была в Сургутском у.
Торкан	33	37	49	87	
Уват	13	32	35	43	
Цыгги	3	5	10	16	
Яконда	46	64	65	89	

¹ Кн. СП, № 1523, 1524, 1525, 1526, 1320, 1613, 1493. Не все книги этой переписи сохранились. Этим объясняется отсутствие сведений по ряду слобод. Итог общего количества населения несколько больше фактически приведенных цифр, так как в него включено население Самаровского, Демьянского яма и Коцкого монастыря, не имевших крестьян и поэтому не упомянутых в списке.

Продолжение

Волость	Количество населения				Примечание
	1629 г.	1652 г.	1674 г.	1700 г.	
Ясколбы	54	83	137	199	В 1629, 1652 и 1674 гг. были в Березовском у.
Кодские городки . . .	—	—	—	834	
По всему уезду . . .	698	835	1352	2793	

(Из них в старых тобольских волостях 1639, в перешедших из других уездов 1160)

Сопоставление этих двух таблиц говорит нам, что, при наличии быстрого роста крестьянского населения и, следовательно, освоения им земельных пространств, ясачные волости Тобольского уезда сохраняются в своем числе, с одновременным увеличением их населения. Нет нужды доказывать, что сопоставлять темпы роста населения слободы и волости не приходится. В одном случае мы имеем лишь естественный прирост, в другом, главным образом, прилив населения извне. Но самое наличие этого естественного прироста, с одновременным сохранением количества волостных единиц, говорит о том, что в установившихся в XVII в. условиях землепользования ясачная волость сохраняла свою жизнеспособность. И только в местах особой концентрации русского населения (пригородные районы), как указывалось выше, наблюдались редкие случаи исчезновения ясачных волостей. Но, несомненно, близкое соседство земледельческих слобод с их трехпольным полеводством не могло не влиять на хозяйственный строй промысловых волостей. Жалобы на уменьшение «зверя» и «опромышление» ясачных угодий, столь характерные для челобитных ясачных людей второй половины века, рост недоимки по ясаку, перевод от натурального обложения ясачных людей к обложению денежному нельзя не поставить в связь с оседанием русского крестьянского населения среди ясачных волостей. Жизнь волости менялась, шла к новому хозяйственному строю. В немногих еще для XVII в. признаках этих изменений усматриваются следствия взаимодействия сосуществующих новых слобод с их пришлым русским крестьянским населением и старых ясачных волостей.

Глава III

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИБИРСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Заселяя земли Верхотурского, Тюменского, Туринского и, частично, Тобольского и Пелымского уездов, русское крестьянство осваивало территорию, лишь в слабой степени знавшую земледелие. Вопрос о существовании дорусской пашни в Зауралье был решен положительно еще Г. Ф. Миллером.¹ В этом же направлении его решает в отношении вогулов и сибирских татар С. В. Бахрушин в своих последних работах.² Но, несмотря на существование более чем полуторавековой научной традиции, вопрос все же не получил достаточно ясного и полного освещения. Одной из причин этого положения, несомненно, является скудость наших сведений в этом отношении. Актовый и летописный материалы дают по этому вопросу отрывочные и скудные показания. Археологические обследования Западной Сибири с этой точки зрения к настоящему моменту еще не дали опоры для сколько-нибудь прочных суждений.

Указания В. Я. Пигнатти о находках в Искере серпов и сошников,³ без точной датировки и без исчерпывающего выяснения вопроса о позднейших русских поселениях в этой местности, едва ли возможно использовать в качестве подоб-

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, стр. 222, 227, 253, М.—Л., 1937.

² Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в., «Исторические записки», т. I, стр. 56; Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935.

³ «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. XXVI.

ной опоры. Поэтому пока что, при рассмотрении вопроса о дорусской пашне в Западной Сибири, неизбежно ограничение свидетельствами летописей и актового материала.

В своем исследовании Г. Ф. Миллер почти исключительно руководствовался летописным рассказом. Между тем внимательное чтение сибирских летописей обнаруживает необходимость тщательной проверки их показаний на другом материале. Постараемся это показать. Из всех сибирских летописей о дорусском земледелии говорит лишь одна летопись, Ремезовская. О сибирской дорусской пашне, вернее, хлебе, Ремезовская летопись упоминает пять раз, в статьях 29, 52, 62, 70 и 73. В 29-й статье автор летописи, повествуя о пребывании Ермака в «Чингиде», указывает: «благодариша бога, яко рыб сухих и ячменя и полбы множество обретоша». В 52-й статье мы читаем: «возвратишася вниз по Тавде октября 4 день, собирающе хлеб в ясак... И тот збор первое ясачный хлеб в Тобольску, и донные хлеб и денги и куны то вместе Ермакову прибору». В 62-й статье: «И паки возвращаяся в Атинский городок, размыслиюще яко зима бе и потребы ясти себе непромыслиша точию мало ячмени и полбы и овса». О местном хлебе говорится также в статьях 70 и 73-й. В 70-й: «Егда же видоша в град в Сибирь и видев оставшего имения и богатства множество и хлеба». В 73-й указывается на взятие Б. Брязгой в Демьянских и Назымских городках «ясака и запаса хлеба».¹

Таким образом, согласно этим показаниям Ремезовской летописи, повторенным Миллером в его работе, отряд Ермака находил значительные хлебные запасы на большом пространстве от «Чингиды» до Демьянских городков. Свидетельства эти в сибирской летописной литературе одиноки. Ни одного из этих пяти указаний не знают ни Строгановская, ни Есиповская летописи.

В Есиповской и Строгановской летописях нет упоминания о хлебных запасах и земледелии не только в текстах, парал-

¹ Сибирские летописи. Издание Археографической комиссии, стр. 321, 326, 330, 332, 333, СПб., 1907.

лельных приведенным выше статьям летописи Ремезовской. Их нет вообще, нет в таких рассказах, где всего естественнее их было бы ожидать. К последним следует отнести повествование о естественных богатствах новой страны. Мы находим здесь указания на зверей различных: «ови подобнии на снедение человеком овни же на украшение и на одеяние риз», на множество «сладкопесневых» птиц, на красоту «травных цветов», на реки «пространные и прекрасные зело», с водою «сладчайшею» и множеством рыб, на «скотом питательную удолию» и на пригодную для хлебопашества землю — «дебрь плодovitую на жатву». Впрочем, в Румянцевском списке Есиповской летописи последней фразы нет.¹ В этом перечислении отсутствуют хлебные поля.

Хотя одно умолчание Строгановской и Есиповской летописей о дорусском хлебе, обращающее на себя внимание, не может определить окончательно нашего отношения к сообщениям летописи Ремезовской, один предварительный вывод напрашивается сам собою: дорусский хлеб в Сибири не мог быть значительным явлением, если из трех повествователей двое его не заметили. При разборе этого вопроса необходимо обратить внимание также и на то, что свидетельства Ремезовской летописи о наличии хлебных запасов от «Чингиды» до Демьянских городков не всегда согласуются с ее собственным повествованием. Наряду с утверждениями о хлебных запасах летопись умалчивает о земледелии и его продуктах при перечислении занятий и предметов питания зауральского населения. При описании зимовки Ермака на Вую городище летописец замечает: «и кормилися Вогуличи птицею, рыбою и зверем, якож и ови».² Ниже он добавляет: «живут Татары, ездят на лотках и на конях... живут Остяки и Самодеды, ездят на оленях и собаках и кормятся рыбами; а по степи Калмыки и Мунгалы и Казачья Орда, ездят на вельбудах, а кормятся скотом».³ Земледелие с его продуктами,

¹ Сибирские летописи, стр. 59—60, 109—110, 177—178, 261, СПб., 1907.

² Сибирские летописи, стр. 314.

³ Там же, стр. 316.

если оно и существовало, не было, очевидно, столь ярко выражено, чтобы обратить на себя внимание повествователя. Нет указаний на хлеб и в перечислении запасов, полученных отрядом Ермака от окрестного населения после его зимовки в Искере. И здесь имеется некоторое отличие от Строгановской летописи:

Ремезовская

«весне же приспевше, татары и остяки от новин своих рыбы и овощи и запасы принесли и казаки от гладу насытились».

Строгановская

Татаровя и остяки и вогуличи привожаку им запасы от зверей и от птиц и рыб и от скот велии множество».¹

Под овощами Ремезовской летописи, если это не просто риторический прием, нельзя разуметь продукты земледелия ни в виде хлеба, ни в виде овощей в нашем понимании. То и другое весной не могло быть «от новин». По всей вероятности, это были травы и корни, о пищевом значении которых гозорит летопись.²

Предположение о наличии значительных хлебных запасов у населения плохо согласуется с фактом отсутствия их в дани, собранной отрядом после сильного голода. Оно плохо согласуется и со свидетельством о самом голоде. В 8-й статье Ремезовская летопись подробно сообщает о запасах, взятых Ермаком в поход: на человека по 3 пуда муки, по пуду сухарей, по 2 пуда круп и толокна.³ В пути эти запасы постоянно пополнялись мясом, рыбой, о чем мы имеем неоднократные упоминания всех летописей, и хлебом (по свидетельству Ремезовской). Этот значительный запас говорит о том, что в строгановских городках, несомненно имевших хорошую осведомленность о сибирском юрте, мало рассчитывали на сибирский хлеб. Действительность показала основательность опасений организаторов экспедиции. Сравнительно небольшие отряды Ермака и Болховского перенесли жестокий голод. К моменту прихода в Сибирь воевод князя Семена Болховско-

¹ Сибирские летописи, стр. 31, 339.

² Сибирские летописи, стр. 242 «Траву и кореня ядаху». Употребление в пищу корней (сараны) и травы (черемша) имело место и в значительно более позднее время.

³ Там же, стр. 316.

го и Ивана Глухова «бысть во граде Сибири глад крепок, да егда приидоша воинстии людие, наипаче гладу обдержашу, мнози же гладом умроша».¹

Изложенное выше позволяет высказать предположение, что утверждения Ремезовской летописи о наличии хлебных запасов на всем протяжении Сибирского юрта требуют некоторого ограничения, позволяет также поставить вопрос, не являются ли они в какой-то доле позднейшими наслоениями на первоначальный рассказ о событиях. При описании взятия Искера Ремезовская летопись наряду с упоминанием о захвате «богатства множества и хлеба» говорит также об услышанном победителями «велии звоне, яко [во] время светлого христово воскресенья».² Составителем переносились поздние представления и впечатления на ранние времена. Иногда с этим соединялась попытка подобным приемом осмыслить и объяснить происхождение некоторых явлений, близких по времени составителю. Иллюстрацией к этому положению может служить упомянутая выше 52-я статья. В ее тексте мы читаем: «собирающе хлеб в ясак... И тот збор первое ясачный хлеб в Тоболску, и доныне хлеб и денги и куны то вместе Ермакову прибору». Автор в ней изложил свое представление о происхождении различных форм ясака, приписав установление их Ермаку. В отношении одной из этих форм, денежной, мы можем сказать с несомненностью, что она возникла значительно позднее описываемого времени. В данном случае автор произвольно возводит привычное для него явление к первым дням существования московской власти в Сибири, пытаясь таким образом осмыслить его возникновение. Подобный же прием в известной мере применен им, можно думать, и в вопросе о земледелии.

Отсутствие соответствующих мест в других летописях затрудняет разрешение вопроса о том, какие же из показаний Ремезова необходимо отнести за счет позднейшей литературной обработки первоначальных сведений и какие основаны на достоверных свидетельствах современников. Таким образом, летописные данные не дают нам возможности только на их

¹ Сибирские летописи, стр. 142.

² Там же, стр. 25—26.

основании решить вопрос о дорусском земледелии. Но один вывод они все же позволяют сделать: это земледелие не могло быть столь значительным, как может казаться при простом сложении всех показаний Ремезовской летописи.

В связи с умолчанием Строгановской и Есиловской летописей о местном земледелии следует поставить и умолчание о нем или прямое отрицание его в большинстве иностранных свидетельств о Сибири до половины XVII в. Об отсутствии в Сибири хлебопашества говорят Петрей, И. Масса, Олеарий, Мейербер и др. И даже Шильтбергер, сказав: «в этой стране сеют только просо», — добавляет: «хлеба не едят вовсе». Прямые свидетельства иностранцев о распространении земледелия среди местного населения относятся к более позднему времени (*Beschreibung der Reise auf Siberien*),¹ когда оно, несомненно, было развито. Это обстоятельство не может не обратить на себя внимания.

Другим доступным нам источником по вопросу о дорусском земледелии в Зауралье является актовый материал. В нем мы находим несколько свидетельств о существовании этого земледелия. Почти все они собраны в указанных выше работах С. В. Бахрушина² и почти все относятся к «вогульской пашне». В основном они сводятся к свидетельствам о наличии дорусской пашни на части территории будущего Туринского уезда (юрт Еланчи), Пелымского уезда (Пелым, Табары) и у Оби.

О существовании пашни на территории Туринского уезда С. В. Бахрушин пишет: «В некоторых районах было распространено земледелие. В Туринском уезде еще до прибытия русских у вогуличей, которые жили с Епанчей, были пашенные земли, которые впоследствии были заняты под острог; в начале XVII в. в окрестностях города из 14 вогульских

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, Иркутск, 1941.

² Архив Историко-археологического института, отъезд 1928, № 5, 16, 19; ЦГАДА. Портфели Миллера, 478, № 2, 3; стлб. СП, № 37; юн. СП, № 5, 19; Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, стр. 364; АИ, т. II, № 1.

юртов было 12 пашенных». ¹ В подтверждение этого положения приводится ссылка на грамоту Бориса Годунова в Туринск голове Ф. Фофанову от 12 марта 1601 г., в которой мы читаем: «И те деи остяки Епанчин брат Тувонга Кувандыков и в товарищей своих место 50 человек, которые жили с Епанчей, нам быют челом: которые де у них земли пашенные были и те их земли заняты под острог и под нашу пашню». И ниже: «А только деи с тех остяков, которые живут около острогу до Тагильского устья и по устье Ницы реки, нашего собольного ясаку имать не велеть, а велеть тех остяков вводить пахать на нас пашню, а семена велеть им дати из наших житниц, и в тех де местах нам в пашне будет прибыльнее, потому что земли хлебородны». И наконец: «А в чертеже написано: пашенных мест от Верхотурья к острогу: юрт Байгирин, юрт Колмак, юрт Илясов, юрт Ургунчин, юрт Кокузов, от острогу к Тюмени юрт Ебарков, от острогу верст с 5, поле десятин с 50, юрт Нагаев, юрт Оккана, юрт Неболсин... и всего пашенных 12 юртов, да 2 юрта непашенных, и обоего 14 юртов». ² Если принять это место в толковании С. В. Бахрушина, то несомненно наличие очень значительного дорусского земледелия. И именно эти размеры наталкивают на мысль о необходимости иного чтения данных отрывков. К отрывку, приведенному мною последним, примыкает непосредственно следующее примечание: «И которые юрты от Верхотурья к новому острогу близко, и в тех юртах написано ясачных людей 18 человек; а которые юрты написаны от острогу к Тюмени, и в тех юртах ясачных людей не написано». От острога к Верхотурью в перечне указано 5 юртов. Из них все они могли считаться близкими к острогу, и во всяком случае последних не могло быть менее двух («юрты написаны» — множественное число). При общем населении близких юртов в 18 чел. население одного юрта могло составлять от 3 до 9 чел. Девять — это максимальная цифра. Если принять такое же население и

¹ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., стр. 18, Л., 1935.

² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, прилож. № 41.

для юртов, расположенных в сторону Тюмени, мы будем иметь следующее положение. На один Ебарков юрт приходилось пашни 50 десятин, т. е. по 5 десятин на человека. Между тем подобная и притом сплошная пашня была редким явлением в среде русского крестьянства даже к концу века. Поэтому естественна мысль, что в данном случае имеется в виду площадь, пригодная для пашни, а не самая пашня. Тем более, что для вспаханного поля русский приказной человек знал другое выражение: «пашня паханая». И в таком случае весь присланный в Москву чертеж будет понят нами как смета пригодных для пашни мест («пашенных мест» по тексту грамоты). Такие чертежи и росписи часто составлялись в позднейшее время при подготовке к заведению в том или ином месте государственной десятинной пашни. Вполне естественна была посылка в Москву этих материалов при предложении завести государеву пашню силами «вогуличей». Местная администрация считала возможным превратить 12 юртов в пашенные юрты, т. е. в юрты, отбывающие повинность на государственной десятинной пашне, так как для этого имелось население и пригодные для пашни земли. В этом понимании всего отрывка естественно звучат и слова: «в в а д и т ь пахать на нас пашню, а семена велеть им дати из наших житниц». Население еще нужно было приучить (ввадить) пахать и для начала выдать ему семена, которых оно у себя на руках не имело. Последняя мысль еще раз подчеркивается в конце грамоты: «и семена им п е р в ы е до нови дал».

Вместе с тем мы имеем как будто бы несомненное указание на существование пашни у местного населения этих краев. Годом ранее грамоты Ф. Фофанову правительством Бориса Годунова была дана грамота на Тюмень голове Ф. Янову об устройстве острога и яма в Епанчином юрту.² Ф. Янову предлагалось, между прочим, «роздати» пашню пашенным людям и ямским охотникам, «высмотря места у крепости». При этом была сделана оговорка: «а татарские

пашни, которую пашню пащут татарове, пашенным людям и ямским охотником не давать». Мы не видим противоречия между этим свидетельством и нашим толкованием грамоты Ф. Фофанову. Земледелие, очевидно, не было занятием всего населения. Последнее в целом и нужно было «ввадить» пахать. Как мы увидим ниже, земледелие не было и основным занятием для тех, кто им занимался. Небольшие участки обрабатываемой земли занимали незначительное пространство. Поэтому так легко было подыскать возле острога необработанные пашенные поля. Эти соображения находят подтверждение в другом свидетельстве о развитии земледелия среди местного населения в эту эпоху, относящемся к южной части Пельмского уезда. Свидетельство это по своему тексту не вызывает никакого сомнения: «Пашнишка пахали... на себя до Пельмского города лет за 40 и за 50».¹ Это сообщение подтверждается также характером повинности части местного населения Пельмского уезда в XVII в.: табаринские вогулы в XVII в. вместо уплаты ясака обрабатывали государеву десятинную пашню. Но едва ли это «пашенное» население не склонно было рассматривать себя, в первую очередь, как население промысловое. Пашенные табаринцы в самом конце XVI в. дважды били челом о тяжести для них пашенного тягла. По их словам они, «государеву пашню пащучи, лошади покупали, животишка свои и достальные истощали... одеженко все придрали, и женишка и детишка испроели». В целях облегчения своей участи они просили разрешения жить по старым юртам и вместо обработки государственной пашни платить ясак соболями, т. е. вернуться к привычному, и потому более легкому, промысловому хозяйству.² В свете этой челобитной приведенное выше свидетельство о дорусской пельмской пашне нами воспринимается как указание на наличие примитивного земледелия, играющего подсобную роль в основном, промысловом хозяйстве. И, наконец,

¹ ЦГАДА. Портфели Миллера, 478, № 2; см. также Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, прилож. № 11; Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., стр. 18. Л., 1935 (цитата дана по последней работе).

² РИБ, т. II, № 58, № 64, 2.

¹ См. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.

² РИБ, т. II, № 47.

отчетливо о дорусской татарской пашне говорится в отписке тарского воеводы Андрея Воейкова в Москву от 4 сентября 1598 г.: «пшол деи Кучюм царь с Черных вод на Обь реку, с детьми и со всеми своими людьми, где у него хлеб сеен».¹ И в данном случае едва ли земледелие могло играть решающую роль в хозяйстве кучумова кочевья.

Для выяснения поставленного вопроса дополнительный материал дают сведения о сборе ясака хлебом, особенно в первые годы московской власти. Голод при Ермаке, острые продовольственные затруднения в годы польско-шведской интервенции² и позже, несомненно, не могли не вызвать у московского правительства и у сибирской администрации стремление к использованию местных хлебных ресурсов в виде натурального податного обложения. Наказ Петру Горчакову 1592 г. и цитированная выше грамота Ф. Фофанову³ ясно говорят об этом стремлении даже в относительно благополучное время. И все же ясак хлебом был редким явлением. В первой четверти XVII в. вносили ясак хлебом Искинская и Иленская волости Тюменского уезда, табаринские вогуличи Пельмского уезда и Кошуки. Поступления с этих местностей были крайне незначительны. Так, с 23 чел. Искинской волости в 1627 г. было взято всего 73 чети всякого хлеба. Это, по скромным расчетам, вдвое меньше среднего взноса того же количества русских крестьян. Табаринская вогульская пахота дала в 1622 г. Пельму всего 92 чети ржи и, по всей вероятности, столько же овса. Эта крайняя незначительность хлебных поступлений с ясачных волостей приводила к тому, что

¹ АИ, т. II, № 1, стр. 2.

² О продовольственном положении Сибири в 1610 г. тобольские воеводы писали следующее: «И в Тобольске, и по всем сибирским городам и у служилых и у торговых людей и у пашенных крестьян хлеба мы переписывать посылали и у служилых людей хлеба ни у кого нет, а что в Тобольску у торговых людей и у пашенных крестьян хлеба не от велика, и то у них все взято и роздано служилым людям, а досталось им по одной чети... Многие служилые люди пометав жены и дети, из Сибирских городов от голоду разбежались на Русь, мимо Березова через Камень». ААЭ, т. II, № 146.

³ РИБ, т. II, № 56; Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, прилож. № 11, 41.

сибирская администрация еще в годы полной неразрешенности в Сибири продовольственного вопроса шла на замену хлебного ясака иным сбором, иногда, как мы видели выше, по инициативе самого ясачного населения. Так, население Ленского городка в 1624 г. было переведено на ямскую гоньбу, а выложенное в 1629 г. из ямской гоньбы перешло на уплату мягкой рухлядью.¹

Данные начала XVII в. говорят, таким образом, следующее: 1. Ясак хлебом был явлением незначительным. 2. Эту незначительность необходимо поставить в прямую связь с неразвитостью дорусского земледелия в стране. Только этим можно объяснить голод при Ермаке и острый продовольственный кризис в годы польско-шведской интервенции. Воеводская администрация не могла бы не пойти в эти годы на сбор ясака хлебом, если бы к этому имелась малейшая возможность. 3. Но и в тех пунктах, где наличие местного земледелия устанавливается нами с несомненностью, это земледелие имело очень незначительные размеры, что видно и по числу занятых им лиц и по размеру вносимого ясака. 4. Земледелие ясачного населения указанных пунктов являлось дополнением к охоте и рыбному промыслу. О последнем говорит пример с Ленским городком, население которого непосредственно перешло от уплаты ясака хлебом к уплате мехами, и пример с табаринскими пашенными людьми.

Все изложенное позволяет нам высказать мысль о необходимости уточнения показаний Ремезовской летописи, склонной представить дорусское земледелие в более широких размерах, нежели оно было в действительности («ячменя и полбы множество обретоша»).

Естественно, что в таких условиях техника земледелия была низка. Земледелие было полукочевым, пашню пахали «наездом». Кучум, кочевавший у Черных вод, пошел со своим кочевьем в 1598 г. на Обь, «где у него хлеб сеен».² Опираясь на показания Ремезовской летописи, С. В. Бахрушин в цити-

¹ Кв. СП, № 467; РИБ, т. VIII, № 11 (XIV); стлб. СП, № 65, л. 337; № 19, л. 19; № 9, л. 253; № 1673, л. 19.

² АИ, т. II, № 1.

рованной статье пишет: «естественно, что сеялись быстро зреющие злаки, не требующие длительной обработки земли: ячмень, полба и овес». Это указание находит подтверждение в характере хлебных поступлений в период власти московского царя. Полба и ячмень, обычно отсутствующие в чисто русских поселениях, появляются почти всегда в местах, о которых мы имели прямые указания на татарский посев. Это легко устанавливается сметными и пометными списками. Выбор культур и слабая обработка поля, неизбежная при пахоте «наездом», приводила и к низкой урожайности. Последнее видно из приведенного выше сравнения поступлений с Искинской волости с поступлениями от русских крестьян. Специфичность сортов и примитивная послеуборочная обработка приводили к тому, что «татарский хлеб» считался у русского населения низким по качеству. Уже в XVII в., при полном расходе хлебных запасов, «татарский хлеб» лежал иногда нетронутым в государственных житницах.

Таким образом, рассмотренный материал, не опровергая общего положения, утвердившегося в литературе со времени работ Г. Миллера, о наличии в Сибири земледелия до прихода русских, дает нам возможность, при внимательном его прочтении, несколько уточнить представление о характере этого земледелия. Оно было не только примитивным по своему техническому уровню (состав хлебов и техника возделывания), — оно было примитивным и по своему хозяйственному значению, являясь лишь подспорьем в промысловом, основном хозяйстве. Но и в таком виде оно существовало далеко не повсеместно. Мы наблюдаем его лишь в очень немногих пунктах. Оно встречалось значительно реже, нежели это высказано в летописи Ремезова и некоторых позднейших исследованиях.

Вышеизложенное делает также понятным и то, почему русское население и московское правительство, несмотря на наличие в наших руках указаний на дорусскую пашню, ставило вопрос о земледелии в Сибири заново. Ставило его с первых же шагов своей деятельности, ставило упорно и не останавливалось перед затратами и усилиями. А до удовлетворительного разрешения этого вопроса снабжало население

привозным с Руси хлебом. В общем хлебном балансе «татарский» хлеб сколько-нибудь существенной роли не играл. Некоторое значение, и то узко местное, имел лишь «вогульский хлеб» для Пельымского уезда.

Не оказало большого значения дорусское земледелие на последующее развитие пашни и в техническом отношении. Русское крестьянство пришло за Урал с более высокими земледельческими навыками. Влияние на него дорусских земледельческих традиций можно усмотреть лишь в ассортименте хлебов. Дорусские посевы полбы не только сохранили свое место в татарской пашне, но, правда в незначительной степени, перешли и на участки русских крестьян.

С приходом русских в Сибирь в ней устанавливается обычный для центральной и северной части русского государства список сельскохозяйственных культур. Это, прежде всего, рожь и овес. Эти культуры были единственными, возделываемыми на государевой десятинной пашне. Состав культур на собиных запашках шире. Здесь наряду с рожью и овсом мы встречаем пшеницу, ячмень, полбу, гречу, горох.¹ Но и на собиных пашнях господствующими культурами оставались рожь и овес. Третьей по размерам посева была культура ячменя. Об удельном весе культур на собиных пашнях мы можем судить по составу выделных хлебов. По Верхотурскому сметному списку 1628 г. поступило 1088 четей ржи, 727 четей овса, 115 четей ячменя и 42 чети пшеницы. По Тюменскому пометному списку того же года рассчитывали собрать всего более 10 000 четей ржи, около 6 500 четей овса, 1 348 четей ячменя и т. д.² Остальные хлеба в государственных поступлениях играли незначительную роль.

В XVII же веке начинают внедряться и посевы технических культур. В 1668 г., по распоряжению П. И. Годунова, в Сибири был введен посев конопли на государя. Слободы тобольского уезда должны были из расчета величины государевой десятинной пашни вспахать 30 десятин и засеять их

¹ Стб. СП, № 9, лл. 38, 40—45 и др.; № 19, лл. 169—173; кн. СП, № 1235, лл. 125—139 и др.

² Стб. СП, № 9, лл. 46—81; № 19, лл. 319—330.

коноплей. Мероприятие проводилось в целях экономии средств по покупке веревок, приобретаемых ранее, за отсутствием их в Сибири, на Руси. Введение новой культуры встретило, очевидно, затруднения, так как через год сочтено было необходимым дать подробные указания по агротехнике конопли. Знатком этого дела в Тобольске оказался человек П. И. Годунова П. Дементьев, у которого в июле в 1669 г. была взята соответствующая сказка, легшая в основу агротехнических указаний Тобольской приказной избы.¹ Несомненно, что посевы конопли к этому времени в Сибири уже имелись. В том же 1669 г. тобольский пашенный крестьянин Федор Щадрин, рассчитываясь со своим поставленником Осипом Назарьевым, дал ему кобылу работную, по четверику ржи, ярицы и ячменя и по полчетверику гороха и семени конопляного.² В 1656 г. Ост. Васильев, поряжаясь в оброчные крестьяне Невьянской пустыни, брал на себя обязательство: «а жене моей прясти на монастырский обиход по 2 десятка конопля».³

Введение коноплеводства П. И. Годунов аргументировал необходимостью развития канатного производства. Но наряду с ним сибирское судоходство не менее настойчиво требовало

¹ «Сеют де коноплю до Троицка дни, за два и за три и за неделю. И заговев Петров мясоед в Оспожии пост после Спасова дни первого спуста дни 3 и 4 и неделю емлют посконь и вяжут ту посконь в ручки, а конопля стоят в те поры и не емлют. И как будут морозы после Семена дни спуста неделю и ден 10 емлют пеньку и вяжут в ручки и ставят ручки тут же в кучах. И как всю пеньку выбрав в ручки срезывать головки, которые с семенем и обрезав те головки на овни сушити, а засуша измолотить. И с тех головок конопля будет. А пеньку вязать в пуки, ручки по 4. И, связав пуки, положить пеньку в воду в озеро или пруд. И в той де воде мякнет будет: вода тепла недели 3, а будет студена мякнет недели 4. И выняв из воды поставить в пуках тут же возле воды. И стоит в пуках недели 3 и 4 для того что гораздно вымерзало. И стронуть пеньку как вымерзнет гораздно. Те пуки, выняв из воды, сушити на овне и засуша мять мянцкою и вымнее выбирать повесма треплом. А трепло дощечка с рукою широкою на 2 вершка. И вытревав треплом те повесма вязать по товарному в большие пуды». Кн. СП, № 535, лл. 81—90.

² Кн. СП, № 535, л. 858.

³ Стлб. ВУС, № 14, лл. 37—40.

и холстины на паруса. Значительная часть слобод Верхотурского уезда была обложена поставкой холста. Так, в 70-х годах подгородные крестьяне должны были давать 284 арш. холста, тагильские — 316, невяньские — 900, нишинские — 194, арамашевские — 158, ирбитские — 340. Усть-Ирбитская и Белослудская слободы холст не поставляли. Всего уезд давал более 2000 арш. в год.¹ Крестьяне Тобольского уезда продавали на ирбитской ярмарке мелкие партии льна.²

Наряду с полевым земледелием упоминаются огородцы, на которых возделывались овощи. В 1641 г. вятчане Бушмелев и Широковых, снявшие полдесятины государевой пашни с тагильского крестьянина Рычкова, взяли в подмогу, вместе с половиною рычковских пашенных земель, покосов, двора, подворных построек, и половину «в огородах». Такие же огородцы «позади дворов» упоминаются по Верхотурью и другим местам.³ В расходных монастырских книгах мы находим указания на покупки, наряду с семенами конопляными, семени морковного, лука, чеснока, семени репного, семени рассадного и т. д.⁴

Таким образом, в отношении состава культур сибирское земледелие XVII в. по сравнению с дорусским земледелием обладало в несколько раз большим ассортиментом, доводя его до размеров, обычных для центральной и северной Руси. В то же время коренным образом изменилось и соотношение культур, известных Сибири и до прихода русских. Ячмень и полба быстро уступили свое преимущественное положение ржи, а последняя и пшенице.

Сибирское земледелие XVII в. напоминает среднерусское и северорусское земледелие не только по составу полевых культур, но и по пестроте приемов полеводства. Постоянная формула переписных книг сибирских уездов XVII в., применяемая для определения размеров земельных площадей:

¹ Стлб. ВУС, № 22, л. 170; № 160, л. 37.

² Кн. СП, № 1190.

³ Стлб. ВУС, № 20, лл. 5—7; № 51, л. 2; АИ, т. IV, № 22.

⁴ Кн. СП, № 1191, лл. 245—257; см. расходные книги верхотурского Никольского монастыря, невяньского Богоявленского монастыря, кн. СП, № 1235.

«...в поле, а в дву потому ж», создавала лишь видимость однообразия, скрывая за собой пестроту этих приемов. По отношению к центральным и южным областям русского государства было уже убедительно показано, что от этой формулы нельзя делать заключения ни к геометрической точности трех полей, ни к определенной системе полеводства.¹ Это наблюдение вполне подтверждается и сибирским материалом. Мы имеем случаи точного соответствия площадей высева озимого и ярового. Так, в 1667 г. в Ницинской слободе сеяли на 36 десятинах рожь и на 36 десятинах овес. Примеры подобного соотношения можно было бы умножить. Но наряду с этим легко наблюдаются, при наличии все той же трехпольной формулы измерения, и отклонения от этого соответствия. В том же году в Невьянской слободе рожь была посеяна на 176 десятинах, а овес на 185. В Туринске озимое сеяли в 1627 г. на 171 десятине, а яровое на 176; в 1629 г. — озимое на 182, а яровое на 188 десятинах. Еще более интересен пример по Тагильской слободе, где при 62 десятинах посеянной ржи овес сеяли лишь на 8 десятинах.² Мы не располагаем сведениями о площадях пара. Но можно думать, что и на них распространяется это наблюдение.

Не означала для Сибири формула «...в поле, а в дву потому ж» и обязательного наличия трехполья. Наиболее показательным в этом отношении, быть может, служит трехпольное измерение перелога: «а перелогу... (столько-то) в поле, а в дву потому ж». Трехпольное измерение применено здесь к необрабатываемым в данный момент землям.³ Большие незанятые земельные площади, особенно в первые десятилетия русского земледелия, создавали условия для более примитивных систем полеводства,⁴ нежели трехполье, утвер-

¹ Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта московского государства, ч. I (Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в.), стр. 39, М., 1894; Готье Ю. В. Замосковский край XVII в., стр. 297, М., 1937.

² Стлб. ВУС, № 12, лл. 47—48, 53—55, 59—62; стлб. СП, № 102, лл. 308—317.

³ Кн. СП, № 3, 697, 1144 и др.

⁴ Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 60, М., 1899.

дившееся к XVI в. в центре государства. Не без основания в Москве в 40-х годах еще считали, что в Сибири пашут пашню «не против русского обычая». Этим русским обычаем для Москвы было трехполье, которое московский приказной человек не всегда находил в Сибири: «да и поля в Невьянском остроге и в иных слободах устроены не против русского обычая, полями не разгорожены и хлеб, рожь и ярь, по вся годы сеют во всех трех полях». То же утверждали и верхотурские поеводы: «крестьяне пашут государевы десятины смесно, а не в 3 поля, как в дворцовых селах московских городов». Еще в конце XVII в. крестьянин Невьянской слободы Ст. Зенков показывал в Сибирском приказе, что «де под государевой десятинной пашней у них две займки и те займки пашут они с перелогом лет по 10 и больше». ¹ Таким образом, на государевых десятинных полях, при неизменной трехпольной формуле измерения, мы наблюдаем переложную систему полеводства. Сказанное в отношении к государевой десятинной пашне еще в большей степени применимо к крестьянской, собиной запашке. При обширных земельных просторах, при отсутствии необходимости сберечь ее плодородие — земля выпашивалась, а затем бросалась. «А выпашные худые земли сибирские пашенные люди мечют, а займут под пашни себе новые земли, где хто обыщет». ² Границей для таких «обысков» были границы чужой слободы или ясачной волости, иногда довольно удаленные и от слободы и от крупных деревень. Там занимались земли, ставились займки, куда наезжали лишь на страдное время. Так, в 1676 г., по словам приказчика Невьянской слободы, нельзя было на жителей слободы доправить 20 руб., так как «время страдное крестьяне разошались на отъезжие свои займки». ³ В Тарском уезде в 1624 г. тарские служилые люди имели 30 деревень, починок, 6 займищ и 77 наезжих пашен. ⁴ Бухарцы того же уезда имели 31 деревню, починок, 6 займищ и 97 наезжих пашен. ⁵

¹ Стлб. СП, № 1673, 359, л. 314.

² Стлб. СП, № 1873.

³ Стлб. ВУС, № 11, л. 55.

⁴ Кн. СП, № 5, лл. 299—344.

⁵ Там же.

С наличием пашни наездом согласуется и наличие заложной земли. Последнюю можно отметить по большинству селений. Приведу примеры.

По переписным книгам Л. М. Поскочина 80-х годов XVII в., отмечены следующие размеры заложных непаханных и выпашанных земель:

Слобода	Деревня	Собинной пашни	Перелога
		(десятина)	
Невьянская	Пердунова	43.75	45 *
"	Бобровка	28.25	25
"	Куликова	23.50	25
"	Нижний Яр	17.00	15
"	Сизикова	17.25	20
"	Борчанинова	14.75	15
"	Лопатовская	43.00	50
"	Верхний Яр	36.25	45
"	Бучина	25.25	30
"	Городищенская	34.00	35
"	Останинская	20.50	20
"	Кобакова	23.00	25
"	Путилова	20.25	25
"	Кекурская	20.75	20
"	Быкова	7.00	35
"	Толмачевская	30.50	35
"	Глазунова	10.00	16
"	Михалева	27.25	30
"	Бункова	18.25	20
"	Голубчиков погост	38.50	35
"	Манкова	7.50	20
"	Ключевская	16.75	34
"	Рошентаева	4.50	9
"	Медведева	7.75	15
"	Ячменевская	18.25	18
"	Фомина	13.00	15
"	Костина	53.50	50
"	Пердунова	28.00	28
"	Кочнева	20.75	20
"	Клевакина	15.50	15
"	Ветлугина	7.75	10

* Размеры собинной пашни и размеры перелога даны в книгах Поскочина по обычной формуле: «... в поле, а в два потому ж».

Продолжение

Слобода	Деревня	Собинной пашни	Перелога
		(десятина)	
Невьянская	Костромская	20.25	20
"	Ярославская	29.00	32
"	Елунина	34.00	35
"	Маслыкова	8.00	12
"	Лиханова	28.75	30
"	Меженская	10.75	42
"	Бутакова	23.25	25
"	Кекурская	13.75	15
"	Молокова	5.75	6
"	Шогринская	64.25	90
"	Мостовая	12.00	14
"	Писанская	40.25	50
"	Осинцева	21.25	25
"	Бобровская	21.50	20
"	Шмакова	36.25	40
"	Клевакина	30.00	26
"	Леневская	12.50	15
"	Арамашка	27.75	39
Арамашевская	Подоселническая	6.50	15
"	Борисова	5.00	10
"	Деева	16.5	25
"	Кулига	11.25	20
"	Кочнева	9.00	12
"	Засыпкина }	17.50	30
"	Голендухина }		
"	Глинская }	23.75	55
"	Ощенкова }		
"	Сухарева }		
"	Жукова	23.25	50
"	Миронова	23.25	50
"	Бучина }	17.75	35
"	Гостькова }		
"	Роскатищенская	22.50	30
"	Ячменевская }	23.75	35
"	Косиковская }		
"	Катшинская }	26.25	45
"	Исакова }		
"	Табарская	18.50	30
"	Котеловская	17.00	36

Продолжение

Слобода	Деревня	Собинной	Перелого
		пашни	
		(десятины)	
Арамашевская	Мамина	13.75	25
Ницинская-Ощепкова	Слобода	39.75	90
" "	Чусовская	5.50	15
" "	Еремья	45.75	95
" "	Ключевская	55.00	50
" "	Девятковская	11.25	15
" "	Удимцева	7.50	11
" "	Филинская	20.00	21
" "	Кривая	15.50	18
" "	Пенежская }	49.50	55
" "	Бобровская }		
Камышенская	Темная }	17.75	20
" "	Карелина }		
" "	Поволошная }	11.50	20
" "	Родионова }		
" "	Обухова	12.50	—
" "	Шипицина	12.00	40
Катайский острог	Острог	117.50	560
" "	Катайка	122.25	650
" "	Филинская	22.00	340
" "	Панкратьевская курья	15.00	350
" "	Микитина	26.50	400
" "	Синарские две	10.00	150
" "	Трестовка	14.00	260
" "	Гавриловская	55.25	360
" "	Вябина	13.50	250
" "	Мартюшева	28.00	300
" "	Черемисская	77.00	700*

Таким образом, по Невьянской слободе в целом заложенные земли немногим превышали собинную крестьянскую пашню: последняя занимала 1134 десятины в поле, первые 1336. Большой удельный вес заложенные земли имели по слободам

* Сведения по слободам Невьянской, Арамашевской, Ницинской даны на основании подсчетов полворного описания Л. Поскочина см. кн. СП, № 697, лл. 259—570. Для Катайского острога подсчет сделан по переписной книге И. Полозова 1695 г.; см. кн. СП, № 1144, лл. 72—168.

Ницинской, Ощепковой и Камышенской. По первой слободе на 250 десятин собинной пашни приходилось 370 десятин заложных земель; по второй на 54 десятины — 80 десятин. Примером очень значительной абсолютно и относительно территории заложных земель может служить Катайский острог. При 501 десятинах крестьянской запашки в деревнях острога считалось 4320 десятин «заложных непаханных земель под пашню». Заложная земля при этом не исчерпывала всей необрабатываемой, но пригодной для пашни земли. Иногда писец, кроме заложной земли, отмечает порозшие земли. Так, в описании двух Синарских деревень мы читаем: «у двух Синарских деревень заложной земли 150 десятин, покотинной земли 108 десятин, порозших земель под пашню для селидьбы 3000 десятин, сенных покосов 4500 десятин». В таких случаях удельный вес обрабатываемой земли по отношению ко всей снижался еще сильнее. Наличие в таком количестве заложных земель несомненно, как нам кажется, говорит о существовании и на собинных крестьянских полях перелого как системы полеводства, так же как это мы отметили и в отношении к полям государевым. Но это не означает ни в коей мере того, что эта система для XVII в. была единственной.

Для государевой пашни мы привели выше примеры точного соответствия озимых и яровых полей. Стремление к установлению в государевом хозяйстве трехполья для XVII в. несомненно. Это вызывалось и хозяйственной традицией, которую принесли за Урал русские, в частности представители администрации. Это вызывалось хозяйственными указаниями центра, мыслившего обычными для среднерусского человека представлениями. Это вызывалось, наконец, и местными условиями, складывавшимися уже в XVII в. Прimitивные способы ведения хозяйства довольно быстро вызвали истощение земель. К половине XVII в. выпашанность государевых полей ощущалась достаточно сильно. В 1659 г. тобольскому воеводе Хилкову «ведомо учинилось, что Тобольского уезду во всех слободах пашенные крестьяне десятинную пашню пахали на старых на выпашанных землях... и хлеб ро-

дился плохо». ¹ Сибирскому приказу это было известно лет на 20 раньше. Еще в 30-х годах XVII в. в Приказе высказывали обобщенное положение: «в тех слободах, которые строены давно и пашня выпахалася... учал хлеб родитца меньше». Речь шла о слободах Невьянской, Ощепковой, Ирбитской, Киргинской, Чубаровской, Верхнищинской и Нижненищинской. ² Где было можно, борьбу с этой выпашанностью вели по линии наименьшего сопротивления — путем переноса государевых полей на новое место. Но возможность эта в XVII в. была уже не везде. Государевы поля, требующие относительно значительного сплошного земельного массива, обычно занимали большую часть удобных земель, расположенных возле самой слободы. Перенос государевой десятинной пашни на новое место был поэтому затруднителен: «а государеву десятинную пашню пашут без перемены, потому что близко у слобод, а под новые десятины близко слобод столько земли нет». ³ Это заставляло стремиться к сохранению плодородия почвы и придерживаться наиболее рационального, с точки зрения московского человека XVII в., трехполья. Именно трехпольную пашню имел в виду Годунов, организуя государеву запашку под Тобольском. В июне 1667 г. пашенный крестьянин Киргинской слободы Л. Плеханов нанялся за крестьянина той же слободы С. Игнатьева на тобольской десятинной пашне «взорать» одну десятину и засеять ее рожью, а также «взорать другую перемену под пар». Наличие ярового, озимого и парового поля на только что заведенной тобольской пашне, таким образом, несомненно. ⁴ Уже в 1635 г. Сибирский приказ указывал на необходимость разверстать государевы пашенные земли на три поля. Ужинные списки этих лет ясно свидетельствуют о тенденции выполнить это указание и привести поля в точное соответствие. Это соответствие можно наблюдать по слободам Подгородной, Тагильской, Невьянской и др. ⁵ По утверждению П. Н. Бу-

¹ Стлб. СП, № 594, лл. 334—335.

² Стлб. СП, № 1673.

³ Там же.

⁴ Кн. СП, № 367, лл. 792—896.

⁵ Стлб. СП, № 19, л. 342 и сл.

цинского эта разверстка была закончена к 1640 г. ¹ Это положение можно принять, правда, без излишней категоричности. Соответствие полей местами существовало и до 1635 г., а несоответствие оставалось, местами же, до конца века. Примеры того и другого мы приводили выше.

Вместе с разверсткой государевой пашни на три поля воеводская администрация начинает проявлять интерес и к делу удобрения полей. Первые десятилетия сибирская пашня не знала удобрений. «А навозов... не возят, что государева скота нет. Да тово в Сибири и не повелось в слободах и на свои пашни крестьяне навозов не возят же. А где на выпашную землю навоз и вывезут и на той земле хлеб родитца плохо,— побивает травой. А где навоз положат больши, на том месте хлеб не устоит, потому что толоки у них не бывает и на паренину скота пуцают мало». ² В сущности о том же самом явлении говорят и сторонние наблюдатели. Автор «*Historia de Sibiria*» писал по этому поводу: «*Clima est frugum ferax et agricultura in eo facillima: Solum enim nulla indiget fimi impinguatione*». ³ То же замечание сделал в свое время Ad. Brand: «*Le terroir de la Sibirie est si bon pour le blé que les habitants n'ont pas besoin de fumer les terres*». ⁴ Это положение, верное в общем, однако, знало и свои исключения. Туринские пашенные крестьяне уже в 1632 г. объясняли причину недостатка хлеба против опытного умолота тем, что пока они, по распоряжению воеводы, на государевы десятины возили навоз, «хлеб на гумнах мышь в кладех погрызла». ⁵ Но, очевидно, общей практикой унавоживание полей не было до середины века. Так, в 1659 г. тобольский воевода Хилков распорядился навозить пока что, «для опыту», назьму по десятине в слободе. «Опыт» дал положительные результаты. По донесениям слободских приказчиков, с «опытных десятин»

¹ Бувицкий П. Н. Цит. соч., стр. 57; стлб. СП, № 88, лл. 516 и 519; Портфели Миллера, № 184; стлб. СП, № 19, л. 42 и сл.

² Стлб. СП, № 1673.

³ Титов А. Сибирь в XVII в., стр. 125. М., 1890.

⁴ «*Relation du voyage de M-r E. Isbrand... par le Sieur Adam Brand*». Amsterdam, MDCXCIX.

⁵ Стлб. СП, № 84, лл. 1—6.

хлеб родился по сравнению с остальной пашней «вдвое и больше». В 1661 г. было решено повторить этот опыт в более широком масштабе. Во всех слободах было велено унавозить по 5 десятин. Отдать распоряжение об унавоживании всей государевой пашни Хилков не решился, боясь, по его признанию, чтоб это не было пашенным крестьянам «в тягость».¹ Но и это распоряжение не было выполнено в первый год полностью. По Верхотурскому уезду, например, в Тагильской слободе унавозили вместо 5 десятин лишь 2 десятины с полчетью, а в Ницинской слободе — лишь одну десятину с четью. В Тобольске объяснили этот недовоз приказчиным «воровством и поноровкою и посулом». Хилков писал по этому поводу верхотурскому воеводе Камынину: «и в таком государеве деле мощно было и самому тебе над приказащики смотреть». Распоряжение об унавоживании при этом было вновь подтверждено.² Камынин после этого разослал специальные памяти всем слободским приказчикам. Из Верхотурья были посланы сын боярский И. Широков с подьячим С. Савиным с целью проверки выполнения данного распоряжения. Результаты на этот раз были более удовлетворительны. Все же на Тагиле назем не возили, «потому что тагильские пашенные крестьяне против тех 5 десятин подняли обложной доброй земли под рожь 5 десятин».³ Не возили его в Тагиле и в конце века.⁴ Улучшение приемов полеводства наталкивалось, как мы видим, на самый строй отношений сибирской деревни XVII в. В унавоживании полей крестьянство видело лишь новое увеличение государева тягла и стремилось от него уклониться. Мы встречаем здесь лишнюю иллюстрацию к общему положению, что при крепостническом строе «земледелие было в России господским делом, барской затеей для одних.

¹ Стлб. СП, № 594, лл. 334—335.

² Стлб. ВУС, № 214, лл. 51—52.

³ Там же, № 15, лл. 34—49.

⁴ Тагильский крестьянин Л. Балакин показывая в 1698 г.: «взыску на государеву десятищную пашню не возят для того, что взять негде». Стлб. СП, № 1359, л. 315.

обязанностью, тяглом — для других, поэтому оно и не могло вестись иначе, как по вековой рутине»...¹

Отмеченная выше выпханность полей не ограничивалась государевым хозяйством. Ее мы наблюдаем и на собинных крестьянских пашнях. При росте крестьянского населения и сокращении свободных земельных площадей, которое мы отмечали выше для ряда уездов,² занимать новые пашни внутри своей слободы становилось труднее. Это приводило к задержке на старой пашне, что при переложном хозяйстве в свою очередь вело к уменьшению плодородия земли, к падению урожайности. Жалобы на выпханность земель раздаются все чаще и чаще. Прежде всего идут они из наиболее рано возникших и наиболее населенных слобод. В 1684 г. пашенный крестьянин Ницинской слободы Л. Карпов указывал в своей челобитной, что его собинная пашня «выпахалась и хлеба не родитца и сызу быть нечем».³ Ф. Лаптев, крестьянин Ирбитской слободы с 1642 г., писал в 1672 г., что «которые де земли даны были им под пашню и те земли ото многих лет выпахались, хлеба не родят. И людей де в той старой отца их заимке умножилось и пашнею гораздо стало скудно».⁴ Борьба с выпханностью земель и здесь шла по линии занятия новых земель и заброса выпханных, путем выселения из старых слобод в новые, малонаселенные. Так, в 1699 г. приказчик Белоярской слободы И. Алабычев отводил землю у себя в слободе крестьянину невьянской деревни Михалева Т. Евдокимову, у которого в родной деревне «земли выпахались и хлеб на тех землях не родитца».⁵ В 1699 г. из Невьянской же слободы выведены казанские переведенцы Савины, так как, по их челобитной, у них на полях «хлеб... родитца плох».⁶ В 1700 г. была удовлетворена челобитная пышминских оброчных крестьян Ем. Якимова и Мих. Хомякова, про-

¹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Собр. Соч. т. III, стр. 239.

² См. об этом в гл. II.

³ Стлб. ВУС, № 15, лл. 113—118.

⁴ Там же, № 40, лл. 13—14.

⁵ Стлб. ВУС, № 16, лл. 136—137.

⁶ Там же, № 13, лл. 170—175.

сивших перевести их в Тамакульскую слободу из-за выпашанности земель и «великой хлебной скудости». ¹ В 1698 г. переведен в Красноярскую слободу ирбитский оброчный крестьянин по той же причине: земли в той деревне у нас выпашались, пощца и кормитца стало нечем». ² В 1672 г. из той же Ирбитской слободы переведены в Камышенскую слободу братья Шипицыны, так как и их пашни больше «хлеба не родят». ³ В 1700 г. крестьяне Чусовской и Сулемской слобод, жалуясь на неурожай, указывали: «наша братия крестьянишка уволоклся в Тобольские слободы для хлебной скудости работать черную работу». ⁴ Но выселение на новые места, как бы оно ни было распространено, было всегда мерою экстраординарною и требующею коренной ломки крестьянского хозяйства. Поэтому и на частных землях мы встречаем те же попытки борьбы с падением плодородия, что и на государственных десятинах. Это переход к более высокой системе полеводства: к трехполью с применением удобрений. Его наличие мы можем отметить прежде всего на монастырской пашне. Г. Холкин и Н. Корнильев, порядившись в 1666 г. во крестьяне в тарский Спасский монастырь, давали в своей порядной обязательство пахать в монастырской деревне на Нижнем Изюке озимое и яровое да «два дни на поле назьму возить на монастырский обиход». ⁵ Крестьяне невянского Богоявленского монастыря в 1694 г. в своей челобитной, перечисляя свои крестьянские повинности, заявляли: «и косим на них всеми головами дни по 2 в неделю з женшками и з детишками своими и снимаем их собинной сев и возим к ним всякий хлеб и жнем и молотим и дрова на их монастырский расход и в замки их готовим и крупы и толокно делаем и на з мы и о з и м». В расходных книгах этого монастыря мы не находим записи о выдаче денег за возку назьма. ⁶ Мы распола-

¹ Там же, № 37, л. 125.

² Стлб. ВУС, № 36, л. 360.

³ Там же, № 40, лл. 39—40.

⁴ Там же, № 6, л. 142.

⁵ Кн. СП, № 535, лл. 916—920.

⁶ Стлб. ВУС, № 23, лл. 161—162; кн. СП, № 1236, лл. 99—124.

гаём скудными сведениями о хозяйствовании крестьян на их собинных пашнях. Но в приведенном выше отрывке из выписи в доклад по Сибирскому приказу, как кажется нам, кроется указание на тенденцию к применению удобрений и на крестьянских пашнях. ¹ Это наблюдение находит подтверждение и в показании тагильского крестьянина Л. Балакина, сделанном им в 1698 г. в Сибирском приказе: «а на свои пашни назьму возят по небольшому». ² Применение удобрений на частной земле не наталкивалось и на то затруднение, которое имелось на государевых десятинах, — отсутствие навоза.

О наличии крестьянского животноводства мы можем судить как по прямым указаниям источников, так и по размерам сенокосных угодий. Так, из 158 крестьян Тагильской слободы в 70-х годах XVII в. не было ни одного, не владевшего покосами. Общие размеры угодий по слободе исчислялись приблизительно в 27 000 копен. При этом наименьшим был покос в 12,5 копны, а наибольшим — в 500. Между этими крайними цифрами расположились покосы самых разнообразных величин. О наиболее частых размерах покосов мы можем судить по следующей таблице:

Размер покоса (копен)	Количество случаев	Размер покоса (копен)	Количество случаев	Размер покоса (копен)	Количество случаев
Тагильская слобода *					
12.5	1	60	1	200	49
15	1	70	1	250	3
20	1	80	4	300	16
25	2	90	1	350	1
35	1	100	34	400	4
45	1	120	2	500	3
50	26	150	14	—	—

¹ «Да того в Сибири не повелось в слободах, и на свои пашни крестьяне навозов не возят же. А где на выпашную землю навоз и вывезут...»

² Стлб. СП, № 1359, л. 315.

* Кн. СП, № 697, лл. 132—157.

Продолжение

Размер покоса (копен)	Количество случаев	Размер покоса (копен)	Количество случаев	Размер покоса (копен)	Количество случаев
Слобода Катайского острога **					
20	1	150	49	330	1
50	8	160	1	350	1
60	1	170	1	400	4
80	2	180	1	500	3
100	98	200	66	Примечание. Бобыль Б. Овдокимов не имел совсем покоса, но он не имел и пашни	
120	5	250	12		
130	2	300	13		
Слобода Колчеданского острога ***					
20	3	70	1	200	4
30	7	80	5	300	1
40	1	100	39	—	—
50	23	150	4	—	—

Таким образом (с некоторыми колебаниями по различным слободам) наиболее часто встречались крестьянские покосы размером от 50 до 200 копен. Отклонения в ту и другую сторону были не часты. Впрочем, необходимо указать, что этих отклонений больше в сторону увеличенных покосов, нежели уменьшенных. Это можно отметить и по другим слободам. У Тобольских пашенных крестьян, живущих от Тобольска вниз по Иртышу, на двор приходилось в 1624 г. в среднем по 260 копен покосов.¹ В верхотурских слободах в том же году в среднем на двор приходилось у подгородных крестьян 162 копы, у невьянских — 127, у тагильских — 135.² Это и было базой крестьянского животноводства. В Москве несколько скептически относились к сибирскому сенокосению: «и покосы в Сибири не против русского обычая: на которых лугах сено летом косяти на тех местех на другое лето трава бывает худая; а инде трава и не живет несколько, и в то место

** Кв. СП, № 1444, лл. 72—168.

*** Там же, лл. 169—214.

¹ Кв. СП, № 5, лл. 147—148.

² Там же, лл. 257—263.

сена накосят на иных лугах и по дубровам».¹ Явление, отмеченное Сибирским приказом, по всей вероятности, существовало в первое время освоения сибирских сенокосных угодий. Позднее сенокосные угодья, несомненно, закрепляются для систематического использования. Наличие значительного количества судебных дел о «сенных покосах», частые случаи купли-продажи их, отмеченные нами выше, говорят о стремлении закрепить постоянное пользование определенным сенокосным участком. Летом «для скотинного выпуска» во всех слободах отводились «особые покотинные луга», на которых и пасся скот. В пределах покотинны, иногда очень значительной, скот предоставлялся сам себе: «и скот ходит в Сибири oprичь городов в слободах и в деревнях о себе, а не в пазбе». Иногда, вместо устройства покотинны для скота, делали изгороди вокруг полей, а скоту предоставлялось остальное «дубравное» место. Указание на это мы находим в крестьянских порядных, по которым подрядчики обязывались «огород около пашен городить». На плохое огораживание государевых полей жаловались в 1648 г. верхотурские ямские охотники, так как вследствие этого их скот заходит на государеву пашню, «и тот де скот загоняют на гостиный двор и морят многое время, а их ямских охотников сажают за то в тюрьму и бьют батоги, да на них же правят протравы, со всякой скотины по полуполтине».²

Подобно тому как колеблются размеры сенокосов на двор, изменяется и подворное количество голов скота. Судя по обеспеченности крестьянских дворов сенными участками, скот обычно имел каждый двор. Развиваясь на основе дорусского животноводства с одной стороны, и приведенной из-за Урала «животины»,³ с другой, сибирское скотоводство в XVII в. стало, как правило, принадлежностью каждого крестьянского двора. Но обеспеченность дворов скотом была неодинаковой.

¹ Стлб. СП, № 1673.

² Стлб. ВУС, № 14, лл. 11—13 и др.; АИ, т. IV, № 22.

³ «...а которые московские воеводы, 9 человек, из Каргополя послали, и тем указать, чтоб они из Перми с собою взяли и лошади и животины». Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, прилож. № 11, стр. 349.

Наряду с многолошадными и многокоровными дворами имелись безлошадные и бескоровные. Тагильский пашенный крестьянин Г. Варачев передал в 1627 г. своему поставленнику лошадь, 3 коров, 5 телят-подкормков, свинью и вепря. В 1657 г. верхотурский пашенный крестьянин С. Тиханов в таком же случае передал лошадь, 2 коров, 2 овец. М. Литовский, верхотурский же пашенный крестьянин, отдал поставленнику 2 лошадей, корову, телицу, овцу. Подгородный же пашенный крестьянин Иван Торговый в 1645 г. дал Трифону и Василию Подивановым, снявшим с него полдесятины с полу-четвертью государевой десятинной пашни, 2 мерянов, кобылу и 6 коров. Крестьянин И. Курбатов получил в 1666 г. со вдовы верхотурского подгородного крестьянина Смолянинова «лошадь, кобылу вороную, да два жеребенка лоншинки кобылки рыжие, да две коровы, да два теленка, три овцы». ¹ В 1669 г. в Бергамаковой слободе у крестьянина М. Грязного было 3 лошади, 3 коровы, 2 теленка; у Ал. Шипули — 3 лошади и 3 коровы; у Я. Чермного — бык, 2 коровы, 2 нетели; у 3 крестьян — по лошади и по корове; у 5 — только по одной лошади: двое крестьян имели одну лошадь сообща; у одиннадцати не было ничего. Среди последних и крестьянин Иван Суздалев, у которого «два сына... да 3 дочери... а иных статков и животных нет». ²

Бергамакова слобода была новой слободой; еще не все поселенцы сумели сколотить хозяйства. Но примеры малой обеспеченности крестьянского двора скотом, можно привести и по старым слободам. В 1642 г. пелымские пашенные крестьяне, околгородные, гаринские и табаринские, просили об отсрочке уплаты ссуд и подмоги, полученных ими в 1635 г., так как «лошадьми опали», «у реткова какова лошаденка для твоей государевой пашни осталась». ³ В 1669 г. в Катайском остроге у 22 старых оброчных крестьян было 27 лошадей, 22 коровы и 14 овец; а у 8 крестьян, бывших в 1669 г.

¹ Стлб. ВУС, № 25, лл. 65—67, 95—97, 102—103, 108—109; № 14 лл. 42—43.

² Кн. СП, № 535, лл. 924—928.

³ Стлб. СП, № 66, лл. 4—9.

еще на льготе, — 6 лошадей и 6 коров. Таким образом, по крайней мере 2 двора были безлошадными или бескоровными. ¹ В 1661 г. 13 невьянских пашенных крестьян не смогли вспахать государеву десятинную пашню «за бедностью и за одиночеством и за безлошадством». ² Среди туринских крестьян в 30-х годах также отмечен ряд крестьян, у которых лошадей «и никакой животины» нет. Часть из них жила в наймах у туринских жилацких людей и пахала государеву пашню «тем наймом, что выработают». ³ Туринские же пашенные крестьяне жаловались в 1639 г. на безлошадность, указывая, что они потеряли часть лошадей во время возки «в середость и в кутерги и в морозы люты» леса на городовое дело. ⁴

Таким образом за некоторыми исключениями каждый крестьянский двор обладал каким-то количеством лошадей, крупного рогатого и мелкого скота. Это давало возможность приступить к вывозке навоза на десятинные поля, начать унаваживать собиные поля и использовать скот на толоке. Правда, в 30-х годах в Сибирском приказе утверждали, что в Сибири «толоки не бывает и на паренину скот пушают мало». Но самая формулировка говорит об использовании, хотя и в слабо развитой форме, временного содержания скота на паровом поле в целях удобрения.

Таким образом, трехполье с применением удобрений мы, наряду с перелогом, наблюдаем и на крестьянских полях. Оно легко выявляется в наиболее заселенных слободах. Об этом можно заключить и по отсутствию указаний по данным слободам в более позднее время на пашни наездом и по сравнительно небольшим размерам заложных земель. Пашня наездом в таких слободах уступает место другим приемам земледелия довольно рано. Уже в 1624 г. по Верхотурскому уезду (околгородные деревни, Тагильская и Невьянская слободы) из 107 деревень пашня наездом дозорной книгой была отмечена лишь в 3 деревнях и 2 починок. ⁵ Уменьше-

¹ Кн. СП, № 635, лл. 1006—1046.

² Стлб. ВУС, № 214, лл. 64—68.

³ Стлб. СП, № 60, лл. 68—87.

⁴ Там же, № 34, лл. 1—6.

⁵ Кн. СП, № 4, лл. 47—48.

ние заложных земель особенно ясно видно при просмотре владений по отдельным деревням. В приведенной выше таблице¹ по большинству селений Невьянской слободы размеры заложных земель не превосходили размеров пашен, очень немногим превышая их по слободе в целом. За 56 лет, прошедших с дозора Тюхина до описания Поскочина, Невьянская слобода в этом отношении пережила значительные изменения. В 1624 г. дозор отметил в ней при 699 четях собинных крестьянских пашен 2230 четей перелога, а в 1680 г. собинных пашен считали 1134 десятины при 1136 десятинах перелога. В первом случае мы имеем отношение 1:3,4, а во втором 1:1.²

Мы можем привести длинный ряд примеров, когда это соотношение изменялось в сторону увеличения пахотных земель. В деревне Пылаевой Пышминской слободы в то же время на 27 десятин собинных пашен приходилось 13 десятин заложных земель. В 1623 г. в деревнях, расположенных близ Тобольска, вверх по Иртышу, устанавливали такое соотношение между пахотными землями и перелогом.³

Пашенных земель	Перелога	Пашенных земель	Перелога	Пашенных земель	Перелога
в четях в поле					
148	76	221	107	315	50
49	33	93	28	284	29

По ряду селений наличия заложных земель не отмечено совсем. Таковы деревни Невьянской слободы Бабинова, Яланская, Левина, Чичюлина, Ямовская, деревня Клепакина Арамашевской слободы и др.

¹ См. стр. 114.

² Даже такие слободы, как Китайская, в этом отношении много уступали ряду уездов центра. По подсчетам Готье Ю. В. в последних по отдельным местностям процент обработанной земли падал (с. 52).

³ Кн. СП, № 3, лл. 1—181.

Итак, на территории Западной Сибири в XVI—XVII вв. мы наблюдаем различные формы полеводства — от пашни наездом, от перелога до правильного трехполья с применением удобрений. При этом рассмотренный нами материал дает право утверждать, что мы имеем дело не только с пестротой форм, но с движением сибирского полеводства от пашни наездом к правильному трехполью, т. е. со значительным земледельческим прогрессом. Необходимо лишь отметить, что этот прогресс происходил в различных частях Западной Сибири не одновременно и не с одинаковой быстротой и тормозился общими условиями хозяйственной жизни крепостнического государства.

Одним из показателей состояния земледельческой культуры является урожайность полей. Определение урожайности сибирских полей наталкивается на ряд трудностей. В нашем распоряжении имеется по этому вопросу не столь значительный материал, как этого можно было бы ожидать при наличии умолотных и ужинных книг. Последние, хотя и не всегда, дают возможность точно выяснить соотношение сбора, площади и высева, однако лишь в отношении к государевым десятинам. Об урожайности на собинных полях мы имеем только отрывочные свидетельства. Между тем у нас нет оснований ставить в этом отношении между государевым и крестьянским полем знак равенства. В дальнейшем изложении мы принуждены все же пользоваться данными, главным образом, по десятинной пашне, приводя лишь в качестве дополнения материал по собинной.

Обычная норма высева на десятину, принятая в Сибири, приближалась по величине к норме, имевшей место в центре государства. Это было около 4 четвертей овса и около 2 четвертей ржи на десятину.¹ В наказной памяти невяянскому приказчику именно 4 четверти овса и были признаны нормой высева на десятину в нормальных условиях.² В 1698 г. крестьянин Белослудской слободы показывал, что он высевает на десятину по четверти с полуосьминой ржи и по 4 четверти

¹ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в., стр. 316, М., 1937.

² Стб. СП, № 65, лл. 158—159.

³ В. И. Шунков

овса. В том же году невьянец Зенков указывал, что ржи сеет на десятину по 10 и по 9 четвериков, а овса вдвое.¹ Некоторые колебания в норме высева находились в зависимости от качества семенного материала. В 1640 г. в невьянских житницах семенной овес по качеству был ниже нормального: в одной житнице проросло два жеребья из трех, а в другой овес пророс лишь «вполю». По этому поводу из Верхотурья невьянскому приказчику указывали сеять лучший овес, но и тот «перед прежним с прибавкой».² Ужин с десятины, при различии в почвенных и климатических условиях разных местностей Западной Сибири, не был одинаков по различным слободам. Он не был стойким и во времени. При этом колебания были значительны даже внутри одного и того же уезда. Эта нестойкость и пестрота урожайности, характерные для отсталой с нашей точки зрения земледельческой техники, могут быть иллюстрированы следующими примерами. Так, по трем слободам Верхотурского уезда за один и тот же год были следующие сборы с десятины:

Слобода	Рожь	Овес	Источники
	(четей)		
	В 1629 г.		
Подгородная	18.4	32.3	Слб. ВУС, № 12. лл. 47—48, 53—55, 59—61
Тагильская	23.4	30.3	
Невьянская	20.5	31.7	
	В 1667 г.		
Невьянская	8.2	5.5	Слб. СП, № 19. лл. 342—347
Тагильская	6.4	8.2	
Ницинская	10.1	14.2	

Различие в урожае между подгородной и тагильской слободой в Сибирском приказе объясняли тем, что «подгородная земля перед тагильской средняя». Еще большие колебания обнаруживаются при сравнении урожайности по раз-

¹ Там же, № 1359, лл. 314, 316.

² Там же, № 65, лл. 158—159.

личным уездам. Устойчивость этого различия была подмечена воеводской администрацией и стала причиной различия величины хлебного оброка по разным уездам.¹ Сравнение урожайности по 1628 и 1667 гг. дает возможность судить о ее колебании во времени. Об этом же говорят следующие данные по Туринскому уезду:²

Год	Снято ржи с десятины (четей)	Год	Снято ржи с десятины (четей)	Год	Снято ржи с десятины (четей)
1623	8.3	1629	11.6	1635	9.6
1624	11.0	1630	12.7	1637	14.0
1625	7.7	1633	10.1	1638	6.5
1627	13.6	1634	10.1	1639	7.8
1628	16.2	1635	15.0	—	—

Для выявления средних сборов с десятины воспользуемся представлениями о них сибирской администрации и самих крестьян того времени. В 1631 г. подгородные, тагильские, белослудские и ирбитские пашенные крестьяне были переведены с государевой десятинной пашни на хлебный оброк. При этом был установлен, «по их крестьянскому уговору», следующий расчет перевода: 1) для подгородных крестьян на 2 десятины государевой пашни по 35 четей ржи и 65 четей овса, 2) для тагильских — по 55 четей ржи и 51 чети овса, 3) для белослудских и ирбитских — по 40 четей ржи и 50 четей овса.³ Впрочем в 1632 г. посоп, как кажется, был определен для всех верхотурских слобод в 20 четей ржи и 25 четей овса на десятину.⁴ Урожайность эта совпадает и с показателями, приведенными выше по 1628 г.⁵ Последняя же не была экстраординарной. Пометный список 1628 г., составленный на основе данных 1627 г., почти полностью совпадает с ито-

¹ См. об этом ниже, в гл. V.

² Слб. СП, № 102, лл. 308—317.

³ Кв. СП, № 387.

⁴ Там же, № 1673, лл. 102, 308—317.

⁵ См. табл. на стр. 130.

говыми данными 1628 г.¹ Принимая в основу расчета вышеприведенную норму высева в 2 чети ржи и 4 чети овса на десятину, мы будем иметь для этих лет средний урожай по Верхотурскому уезду сам-десять. Таким же образом урожайность была определена и государевой администрацией, рассчитывавшей перевод обработки десятины пашни на оброк на основе средней урожайности и выразившей последнюю следующим образом: «в умолоте вдесятеро». Но к 1641 г. положение изменилось. Верхотурские крестьяне, несмотря на то, что вышеприведенный расчет был принят «по их крестьянскому уговору», указанного склада сполна «не ведомо зачем не выплачивали». В этом году возник вопрос о замене десятинной пашни оброком для части крестьян Туринского уезда. Туринскому воеводе верхотурский расчет 1631 г. казался преувеличенным, не соответствующим урожайности государевой пашни. Поэтому был выдвинут проект уменьшенного обложения: «против верхотурского вполы, 3 десятины по 10 чети ржи и по 12 чети с осминою овса». Последний расчет аргументировался средней урожайностью: «и перед прошлыми годами туринской десятинной пашни в ьных годах перед тем хлеба было в умолоте больше, а в ином году и меньше». Утверждение туринского воеводы вполне подтверждается таблицей урожайности по Туринску в 1623—1639 гг.² Средний урожай, согласно этой таблице, за все годы равен 11 четвертям. Урожай в Тобольском уезде так же был меньше, чем в Верхотурском. Взятый в качестве примера оброк «семьянистова и прожиточнова» крестьянина С. Емельянова был установлен из расчета «против верхотурских крестьян з десятины по 10 чети ржи... в умолоть впятеро, а не в десятеро». Объяснялось это тем, что тобольские земли хуже верхотурских. Туринская земля также считалась, по сравнению с верхотурской, «мало хуже ж».³ Таким образом, для первой половины века по Турин-

¹ Стлб. СП, № 102, лл. 308—317.

² Стлб. СП, № 9, лл. 38—45. По пометному списку было предположено взять в 1628 г. 4970 четей ржи и 6930 четей овса; по ужинному списку 1628 г. фактически взято 4489 четей ржи и 6950 четей овса.

³ См. табл. на стр. 131.

скому и Тобольскому уездам нормальным урожаем ржи считался урожай сам-пять. В основном приведенные выше данные совпадают с данными П. Н. Буцинского, полученными им путем подсчета по сметным и ужинным спискам первой половины XVII столетия.¹

Урожайность периода первых десятилетий русского земледелия в Сибири, только что нами определенная, не удержалась во втором полустолетии на том же уровне. Мы привели уже пример с верхотурскими крестьянами, которые в 1641 г. не выплачивали полностью оброка, рассчитанного на основе урожайности 1631 г. Мы привели также выше немалочисленные примеры крестьянских жалоб на выпханность полей и на уменьшение в связи с этим сбора хлебов с десятины. Эти явления отразились и в представлении современника. Во второй половине века он уже по-иному определяет среднюю урожайность. В 1667 г. в Верхотурье так оценили урожай на различных полях Ницинской слободы, земли которой считались хорошими:²

Название культуры	Урожай (четей)		
	хороший	средний	плохой
Рожь	13.6	9.8	4.6
Овес	19.1	14.0	9.0

Таким образом, даже хороший, по оценке слободской и уездной администрации, урожай 1667 г. был значительно ниже

Уезд	Урожай	
	Ржи	Овса
Верхотурский	сам-10	сам-12
Туринский	» 6	» 6
Тюменский	» 8—9	» 7—8
Тобольский	» 4—5	» 3

¹ Буцинский П. Н. Цит. соч. Сведения, сообщаемые в данной работе, можно свести к следующему:

² Стлб. ВУС, № 12, лл. 39—51.

среднего урожая 20-х годов. Средний же урожай был менее последнего в 2 раза. Крестьянин Белослудской слободы, для которого в 1631 г. урожай был определен по ржи в 20 четей (100 пуд.) и по овсу в 25 четей (125 пуд.), в конце века считал, что в среднем он снимает с десятины по 7 четвертей с осьминою ржи (60 пуд.) и по 9 четвертей (72 пуд.) овса; в то же время крестьянин Невьянской слободы показывал, что у него бывает в умолоте четвертей по 6 (48 пуд.) ржи и по 9 (72 пуд.) овса.¹ В своих показаниях крестьяне имели в виду восьмипудовую четверть. В официальных сведениях по Ницинской слободе измерения даны в казенной 5-пудовой четверти. Таким образом, в пудах средние урожаи по всем трем слободам показаны приблизительно в равных размерах: около 50 пуд. для ржи и 70 для овса. А так как норма высева в конце века была той же, что и в начале, то, следовательно, мы имеем урожай в данном случае сам-шесть вместо сам-десять.²

Как мы указывали выше, урожайность была неустойчивой. Годы среднего и высокого урожая чередовались с годами сильных неурожаев. Указания на последние находятся как в челобитных крестьян, так и в делах воеводских приказных изб.

В 1625 г. не уродилась рожь в Ницинской и Чубаровой слободах. В 1627 г. уменьшение хлебных поступлений тобольский воевода объяснял тем, что весной хлеб «топило», а летом была засуха.³ В 1629 г. в Тюменском уезде не уродились рожь, пшеница, горох. Рожь не уродилась, так как «с осени иные ржи не сходили, была засуха», а горох и пшеница «по-

зябли».⁴ В 1642 г. позяб хлеб на полях Пельымского уезда;⁵ в 1648 г. в части слобод Верхотурского уезда озими «выел червь».⁶ Большой неурожай по всему Верхотурскому уезду был в 1658 г.: «учинился хлебу недород, во многих местех ржи и семян не будет, а инде и жать было нечево».⁷ Недород на полях Верхотурского уезда повторился в 1665 г.⁸ В 1699 г. неурожай был настолько силен, что «многие крестьяне те зяблые хлебы на собинных своих полях не жали, потому что ядра нисколько нет».⁹ В запросе о причинах неурожая 1658 г. тобольский воевода Буйносов-Ростовский так формулировал обычные причины сибирских неурожаев: «недопашкою или недосевом или с мокра вылегли и истекли или з жару высохли или ржею подавило или прикащичьим и крестьянским нерадением».¹⁰ Наряду с общими причинами неурожаев феодально-крепостнической эпохи (в формулировке Буйносова: недопашка, недосев, приказчиье и крестьянское нерадение) мы ясно наблюдаем в этом перечислении и в приведенных выше примерах явления недостаточной приспособленности нового земледелия к мало изученным условиям. Ссылки на подморинные места, на зябь, жар и т. д. говорят, как будто бы за то, что ни люди, ни растения не приспособились в должной мере к требованиям недавно освоенной или, вернее, еще только осваиваемой местности.

Общее же падение урожайности, отмеченное выше, явилось следствием крепостнических отношений, установившихся в сибирской деревне, с одной стороны, и истощения полей, — с другой. Высокие урожаи на только что распаханной целине не могли долго удержаться без улучшения приемов земледелия. Для этого же требовалось длительное время.

Сравнение изложенных выше приемов сибирского земледелия с приемами, имевшими в XVII в. место в центральной

¹ Стлб. СП, № 1359, лл. 314, 316.

² Низкую урожайность, особенно на государственных полях, мы наблюдаем и в XVIII в. На казенных пашнях в Верхнеиртышских крепостях в 1746 и 1747 гг. урожай только по Омской крепости в 1747 г. в среднем по всем хлебам достиг уровня только что отмеченного урожая конца XVII в. По крепостям Устькаменогорской, Семипалатинской, Ямышевской, Железинской и Ялуторовскому дистрикту урожай колебался в пределах от сам = 4.2 до сам = 2.1. См. «Чтения Общества истории и древностей российских», т. I, стр. 196, 1887 г.

³ Стлб. СП, № 158, лл. 69—105.

⁴ РИБ, т. VIII, № 11, LXXVI.

⁵ Стлб. СП, № 65, лл. 4, 6, 9.

⁶ Стлб. ВУС, № 63, л. 43.

⁷ Там же, № 3, л. 93; № 35, лл. 1—10.

⁸ Там же, № 24, лл. 37—38.

⁹ Там же, № 15, лл. 146, 165.

¹⁰ Стлб. ВУС, № 3, л. 93.

и северной частях государства, дает основание заключить, что в этом отношении сибирское земледелие изучаемых мест быстро приближалось к земледелию центра России. И если в первые десятилетия XVII столетия в Москве утверждали, что в Сибири пашут «не против русского обычая», разумея под последним трехполье, то в течение века, при всей простоте форм полеводства, сибирские поселенцы успешно осваивали этот «обычай». По сравнению же с дорусским земледелием в Сибири мы за XVII в. наблюдаем огромный шаг вперед, что выразилось в появлении в Сибири неведомых ей ранее культур, а также в появлении неизвестных Сибири, передовых для того времени, форм полеводства. Русское крестьянство, принеся с собой свои навыки к труду, свой производственный опыт, создавало в стране новое земледелие.

Глава VI

ХЛЕБНАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ СИБИРИ И ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ

Переселение крестьян за Урал и создание сибирской пашни началось с первых же шагов организационной деятельности русской администрации. Как мы старались показать в первой главе, эта деятельность по переселению крестьян (перевод крестьян из Европейской России, устройство на пашню ссыльных) не приобрела широких размахов и ограничилась первыми десятилетиями. В основном практика воеводской администрации свелась к использованию крестьянского потока, шедшего из-за Урала вне зависимости от воздействия сибирских воевод, а иногда вопреки их желанию. Этот поток определял собою размеры и успех воеводской деятельности и в области устройства государевой десятинной пашни и в области сбора оброчного хлеба, т. е. определял собою величину хлебных податных поступлений. Условия приема на пашню вольных, гулящих людей, будучи выработаны в начале века, оставались стандартными и даже, как мы это видели выше, обнаруживали тенденцию к ухудшению (уменьшение подмоги и ссуды и льготных лет). Но так как население продолжало приливать из-за Урала в возрастающем количестве, то и прилив на пашню продолжал существовать, соответственно усиливаясь. Основное внимание воеводской мысли было главным образом устремлено на более четкую и правильную, с точки зрения воеводской администрации, организацию обложения оседавшего населения. При принятой, основной форме обложения в виде го-

сударевой десятинной пашни это принимало характер заботы об увеличении пашенной площади. При этом главная часть пашни, собишная, либо вовсе оставалась вне внимания воевод, либо интересовала их лишь со стороны обложения. Подобное положение вещей делало равномерным рост сибирского земледелия в целом, не ставя его в прямую зависимость от деятельности отдельных воевод. В гораздо большей степени последняя влияла на величину хлебных поступлений. Усиливая налоговое обложение или подгоняя его к выросшим собишным запашкам, сибирские воеводы действительно добивались «сударевой прибыли», т. е. увеличения податных хлебных сборов. Обычно этому предшествовал сплошной пересмотр крестьянского населения и его собишных пашен, имевший целью уловить ускользнувших в той или иной степени от обложения. И каждый раз такой итоговый пересмотр показывал, что неведомо для сударевой администрации сибирская пашня вырастала и давала повод к дополнительному обложению. Поэтому изучение только воеводской деятельности по устройству сударевой пашни и сбору податного хлеба не выясняет причин роста сибирского земледелия. Зато результаты этой деятельности служат хорошим показателем этого роста и позволяют выяснить вопрос о степени разрешенности хлебного вопроса как для Западной Сибири, так и для Сибири в целом.

В 1624—1625 гг. была сделана первая попытка подвести итоги в этом направлении, дать оценку достигнутому положению вещей. Она связана с именем Ю. Я. Сулешева. Деятельность последнего пользовалась в свое время громкой известностью. Она получила одобрение Москвы. Сам Сулешев за «сибирскую службу» получил прибавку к жалованью.¹ Это одобрение центра, по всей вероятности, было причиной постоянных ссылок позднейших воевод на его установления. В литературе эта деятельность получила название реформ. Шумный успех Сулешева в значительной мере

объяснялся его широко известным донесением в Москву о том, что сошных запасов из поморских городов «посылать ненадобно для того, что по его боярина князя Юрьи Яншевича высмотру, в Сибири всякие денежные доходы и хлебные запасы учели собиратца болши прежних годов, и хлебными запасы мочно в сибирских городех пронытца и без присылки поморских городов».¹ В этом заявлении видели итог деятельности самого Сулешева по развитию сибирского земледелия, с одной стороны, и характеристику состояния этого земледелия на конец первой четверти XVII в. — с другой. Действительность была иной. Это заявление не совсем точно определяло деятельность самого Сулешева и не совсем верно характеризовало состояние земледелия.

В основе всей деятельности знаменитого воеводы лежали, как это было обычно, интересы фиска. В центре его внимания — не хозяйство, но поступления с него. В своих мероприятиях в области хлебного вопроса он стремился максимально сжать хлебные дачи и увеличить хлебный приход, не затрагивая или, вернее, мало затрагивая самую основу прихода — сибирскую пашню. В отношении первого он решительно пошел по пути отнятия хлебных окладов у служилых людей, имевших собственную запашку: «и боярин князь Юрьи Яншевич Сулишев, по своему высмэтру, в сибирских городех за которыми за служилыми людьми объявилась пашня, и теми пашнями велел владеть им по прежнему, а хлебного жалованья давати им не велел для того, что они теми пашнями владели даром». Эта мера вызвала резкое недовольство сибирских служилых людей. С. В. Бахрушин в своей работе о воеводах Тобольского разряда привел примеры этого недовольства, относящиеся к 1627 и к 1629 гг.² Оно продолжалось и позже. В 1638 г. в Томске приходили «с шумом» к съезжей избе пятидесятник Андрей Губа с товарищами и говорили, «что им с пашен своих без сударева хлебного жалованья не служивать и с Томского бежать

¹ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. Ученые записки Института истории РАН ИОН, т. II, стр. 191, М., 1927: Акты Московского государства, I, № 682

¹ РИБ, т. VIII, № 11, VII, столб. 357.

² Бахрушин С. В. Цит. соч., стр. 191; РИБ, т. VIII, № 11, XXV, и VIII.

всем». Дальнейшие события разыгрались в связи с приходом из Тобольска каравана судов с государевым хлебом. Служилые люди потребовали у томского воеводы Ромодановского раздачу хлеба в жалованье тут же, на берегу и отказались перевозить его в государевы житницы. При попытке Ромодановского ударить батоном десятника И. Матвеева, говорившего воеводе «невежливые слова», воеводу окружили в круг, а дьяка Анисима грозили убить. В результате столкновения часть бунтовавших пятидесятников была посажена в тюрьму. За ними последовали более сотни рядовых казаков «своим насильством и сели в тюрьму собою». При попытке переписать имена самовольных тюремных сидельцев последние «учинились сильны... и их князя Ивана с товарищи ляли и говорили, что де они приговорят войском тому делу так и быть. А государева хлеба им не важивати и с пашен своих без хлебного жалованья не служивать». Позже А. Губа с товарищами выполнили свое обещание: «побежали на низ Томью рекою». ¹ Вызывая резкое недовольство служилых людей, данная мера Сулешева, несомненно уменьшая расходы казенного хлеба, не увеличивала хлебных ресурсов области в целом. Сам по себе указ о службе за хлебный оклад с пашни полностью или с зачетом не стимулировал увеличения служилой пашни. Томские события 1638 г. дают основание думать обратное. Во всяком случае и после Сулешева пашня служилых людей в Сибири не стала значительной, а расходы на хлебное жалованье имели место и по западным уездам вплоть до XVIII в.

По линии уменьшения расходов государева хлеба шло еще одно мероприятие Сулешева. Им была отменена посылка хлебных запасов в оклады служилым людям в Мангазею и вместо этого введен сбор десятой пошлины с торговых людей. Новая практика не оказалась прочной. Распоряжение это позднее было отменено, и хлеб в Мангазею посылался вновь из Тобольска и Енисейска. ²

¹ Стлб. СП, № 1673; Оглоблин Н. Н. Томский бунт 1637—1638 гг., «Исторический вестник» т. LXXV, стр. 229—250, 1901.

² РИБ, т. VIII, № 12, стлб. 837—838.

В отношении увеличения хлебных поступлений заслуги Сулешева, по мнению Приказа Казанского дворца, сводились к следующему: 1) по его высмотру (переписи) прибыли пашенные крестьяне сверх прежнего и государева десятинная пашня прибыла «многая ж»; 2) им был правильно организован сбор выдельного хлеба: «посылая выделяти детей боярских, да с ними подьячих и целовальников, приведчи к крестному целованью, и сам над теми выдельщиками высматривал, чтоб они тем не корыстовались»; 3) он организовал перевод на уплату выдельного хлеба тюменских ямских охотников, передав ямскую гоньбу татарам.

Не все эти мероприятия привились и не все имели одинаковое значение. Так, ленские татары, заменившие тюменских ямских охотников, очень скоро были выложены из ямской гоньбы. Проект получения хлебного выдела этим путем явно не удался. Более четкая организация сбора выдельного хлеба, по всей вероятности, дала некоторое увеличение его поступления. Но она ни в какой степени не затрагивала самого земледелия. Нет основания предполагать, что она имела существенное значение и для размеров податных хлебных поступлений. Выдельный хлеб в целом и после Сулешева не был значительным. По пометному списку 1629 г., т. е. через 3 или 4 года после отъезда Сулешева, выдельный хлеб по Верхотурскому уезду составлял всего 14% общих хлебных поступлений, по Туринскому также 14% и лишь по Тюмени процент этот был выше. ¹ Колебания в поступлении выдельного хлеба, таким образом, едва ли могли сильно влиять на общее состояние хлебных поступлений. Населением же сулешевская организация выдела едва ли была встречена положительно. Через несколько лет после отъезда Сулешева из Тобольска в Сибирском приказе признавали, что «от выделу в Сибири всякие люди скучают».

К перечню мероприятий Сулешева, составленному Приказом, нужно прибавить введение вытного письма. Незадолго до назначения Сулешева составитель дозорных книг по Верхотурскому уезду Ф. Тараканов отмечал, что по Сибири «в

¹ Стлб. СП, № 19, лл. 169—173.

выть крестьяне не положены». ¹ Все последующие указания опираются на выть, введенную Сулешевым. Между тем введение вытного письма не обратило на себя внимания Казанского дворца и не отмечено им среди мероприятий, увеличивших хлебные поступления. Очевидно, размеры обложения при введении выти в основном были оставлены прежними и поэтому не изменили картины хлебного прихода. Но именно в силу изложенного эта мера не могла иметь значения в деле развития земледелия. Сохранение прежних податных норм не тормозило, но и не стимулировало развитие хлебопашества. Но несмотря на это, данное мероприятие, оформив в общем указе податные нормы, сыграло большую роль в последующей налоговой практике. Оно тесно связало размеры собинной и государевой пашни, поставив их в прямую зависимость друг от друга. В этом смысле сулешевские выти современники справедливо называли «первым окладом» в Сибири. Разумеется, этот оклад не был и не мог быть первым в прямом смысле этого слова. Здесь, как и в сборе выдельного хлеба, Сулешеву удалось построить определенную систему обложения. Проведение большой переписи вместе с проверкой только что узаконенного соотношения государевой и собинной пашен позволило добиваться увеличения государевой пашни в связи с увеличением крестьянской. Именно со времен Сулешева государева пашня стала «гнаться» за собинной. Сравнение данных дозоров Тараканова 1621 г. и Тюхина 1624 г. показало рост государевой пашни в связи с ростом пашни собинной». ²

Все рассмотренные выше мероприятия Сулешева, таким образом, свелись либо к экономии в расходовании государева хлеба, либо к упорядочению организации податных хлебных сборов. В отношении же расширения самой базы подат-

¹ Дмитриев А. Верхотурский край в XVII в., «Пермская старина», вып. VII, прилож. № 1., Пермь, 1897.

² По дозору Тараканова по Подгородной, Тагильской и Невьянской слободам числилось собинной пашни 1049,5 чети, а государевой 69 чети; по дозору Тюхина собинной было 2047 чети, а государевой 125. См. Дмитриев А. Верхотурский край в XVII в., «Пермская старина», вып. VII, стр. 55, Пермь, 1897.

ного обложения результаты деятельности Сулешева далеко не столь значительны. Во время его более чем двухлетнего воеводства устроены две слободы: Красная и Чубаровская. ¹ Если принять во внимание, что за XVII в. в Западной Сибири (Тобольский разряд) возникло более 70 слобод, то строительную деятельность Сулешева нельзя считать превосходящей обычные темпы, тем более что Чубаровская слобода была заселена тюменскими и тобольскими переведенцами. Слобода Красная строилась привычным путем призыва на пашню вольных, гулящих людей.

Следовательно, особая «государева прибыль» Сулешева была следствием усиления податного нажима, с одной стороны, и экономии — с другой. Это усиление, не сопровождавшееся столь же усиленным расширением самого земледелия (площадей собинных пашен), которое шло само по себе обычными темпами, не создавало твердой базы для столь же быстрого роста хлебных поступлений в будущем. Расчеты Сулешева на экономию были расчетами сегодняшнего дня. Быстрый рост численности сибирского служилого люда, не сопровождавшийся столь же быстрым ростом служилой пашни, увеличивал потребность в хлебе на хлебные оклады. Это меняло все расчеты. Хлебные запасы Верхотурского, Тюменского и Туринского уездов сами по себе во времена Сулешева и непосредственно после него были значительны. Поместный список 1628/1629 г. предусматривал на конец года следующие остатки: ²

Уезд	Рожь	Овес	Ячмень	Уезд	Рожь	Овес	Ячмень
	(четей)				(четей)		
Верхотурский . .	15 260	12 514	691	Тюменский	17 860	11 658	2 364
Туринский	8 665	93 08	668	Тобольский (без посылки)	7 903	2 878	1 577

¹ Бахрушин С. В. Цит. соч., стр. 189; Буцинский П. Н. Цит. соч., стр. 71, 73; РИБ, т. VIII, № 11, VII и XIV.

² Стлб. СП, № 19, лл. 1—106.

Зато в том же году Тобольск должен был выслать хлеб в следующие непашенные или малопашенные города: Тара, Березов, Сургут, Нарым, Кецк, Томск, Енисейск, Кузнецк. В 1657 г. тобольский воевода А. Буйносов-Ростовский писал в Москву, что из Тобольска «опричь пашенных городов Верхотурья, Пелыми, Туринского, Тюмени довелось... в города послать и в Ленский отпуск 35 967 четей ржи, 16 176 четей овса». ¹ Перед задачей снабжения Сибири вплоть до Якутска верхотурские, тюменские и туринские запасы теряли свою значительность. Все это опрокинуло расчеты государева промышленника. Своим хлебом Сибирь не обошлась. В 1636 г. тобольский воевода Темкин-Ростовский писал в Москву: «а наперед сего в прошлом в 131 (1623), 132 (1624), 133 (1625), 134 (1626) г.г. в Тобольску при Ю. Я. Сулешеве с тех мест как не учили твоих государевых хлебных запасов ис поморских городов возить... служилым людям стало в оклад и на неокладные расходы ржи не доставать». ² В 1642/1643 г. по Тобольской сметной росписи считалось в приходе 20 154 чети ржи, расход же требовал 36 650 четей. На один год нехватало 16 496 четей. ³ Буйносов-Ростовский писал в Москву: «и только не будет с Руси ис поморских городов присыльного сошного хлеба и в нынешнем 166 (1658) году на верхотурской винокурне на кружечный двор и в Тобольский отпуск вина купить будет не ис чево и нашим служилым людям хлеба давать и на наших десятинах сеять будет нечем». ⁴ Особенно остро недостаток хлеба чувствовался, когда какой-либо из указанных уездов постигал неурожай. В 1666 г. верхотурский воевода И. Колтовский, ссылаясь на хлебный недород, предусмотрительно писал в Москву: «а ис поморских городов ...сошных запасов воеводы сполна не пришлют и в Тобольск с Верхотурья запасов отпустить будет нечево и нам бы, холопом твоим, от тебя

¹ Стлб. ВУС, № 35, лл. 1—10.

² Стлб. СП, № 60, лл. 245—259.

³ Там же, № 150, лл. 286—288.

⁴ Стлб. ВУС, № 35, лл. 1—10.

великого государя в опале не быть». ¹ Еще более чем полу-столетие поморские уезды принуждены были поставлять сошные запасы. ² Оценка состояния сибирского земледелия на конец первой четверти XVII в. была явно преувеличенной. Но вместе с тем пересмотр Сулешевым сибирской пашни показал, что уже к этому времени Верхотурский, Туринский и Тобольский уезды не только жили своим хлебом, но и имели значительные излишки для снабжения малопашенных и непашенных городов.

Увеличение количества пашенных крестьян и хлебных сборов шло и после Ю. Я. Сулешева, при сменившем его на тобольском воеводстве Хованском. За 1625—1628 гг. в крестьяне было прибрано более 100 чел. Учет пашен всяких людей — «смотреть за ними в государеве и в их пашнях велено гораздо» — позволил увеличить хлебные сборы. Сравнительные данные об этих сборах за 1624—1627 гг., приведенные в деле о прибылях Хованского, действительно свидетельствуют о росте поступлений. ³

Рост крестьянского населения Сибири, не прекращавшийся и после Хованского, имел своим следствием дальнейшее увеличение запашки. Это дало почву к возврату к сулешевской оценке сибирского земледелия. Она была повторена через сорок с лишним лет и примерно в тех же выражениях: «в Тобольск и Тобольского разряду и в Томской и Томского разряду в города хлебных запасов будет сибирские пахоты

¹ Стлб. ВУС, № 24, л. 60.

² Согласно выписи в доклад по Сибирскому приказу от 1647 г. отмена возки сошных запасов в 1624 г. сразу же вызвала высылку на Верхотурье денег за хлебные запасы (более 6000 руб. в год). В 1637 г. была восстановлена возка хлеба, который поставляли по 1645 г. В 1646 г., по челобитью устюжан, пермичей, соликамцев и чердымцев, было разрешено, в порядке исключения, заменить поставку хлеба деньгами на один год, а «впредь велено возить сошные запасы». Подобные замены, полные или частичные, практиковались и позже, вплоть до окончательной отмены натуральной повинности. Стлб. СП, № 147, лл. 96—97.

³ Стлб. СП, № 158, лл. 69—105. Согласно этой книге приход хлеба по 4 уездам равнялся в 1624 г. 25 640 четям всякого хлеба, в 1625 г. — 26 299 и в 1626 г. — 30 603 четям.

без присылки из поморских городов хлебных запасов». ¹ На этот раз она принадлежала другому, но, быть может, не менее известному тобольскому воеводе — П. И. Годунову. Последний действительно занимался вопросом об увеличении сибирских доходов. С целью «прибыльные» дела «в совершенне» привести Годунов создал даже специальный «прибылой стол». В результате, по его расчету, им была учинена крупная «государева прибыль». В очень многом деятельность П. И. Годунова напоминает меры Ю. Я. Сулешева, на авторитет которого он неоднократно ссылается. Основное внимание Годунова также устремлено было в область налоговизмания и строгой экономии хлебных расходов. Проведенный в этом направлении пересмотр пашенных земель и населения, исправление окладов и резкое уменьшение хлебных дач в жалованье и были основой его прибылей. Но в то же время в его мероприятиях мы наблюдаем новые моменты. Если урезка хлебных окладов служилым людям во времена Сулешева преследовала цель не допустить существования не обложенных в той или иной форме пашен, то при Годунове явно наблюдается желание добиться этим путем не только экономии, но и расширения пахотных площадей. Годунова интересует не только то, что служилые люди, получая хлебные оклады, имеют в то же время собственную запашку. Он осуждает и тех, кто не пашет на себя вообще или пашет мало: «а за иными (служилыми людьми) есть в дачах многие земли, а пашут за обленкою тех земель мало, а донимают ис казны хлебное жалованье». ² С этим положением он не желает примириться и добивается увеличения служилой запашки. «И хто верстан (в служилые люди) из гулящих людей и ис пашенных крестьян с хлебным жалованьем и подные умерших оклады, а на себя хлеба пахать лентяца и у тех людей велел я взять скаски будет они похотят служить в тех же чинах... без хлебного жалованья, и они б присылали к нам в Тобольск принскав под пашню землю

челобитные». ¹ Развертывание служилой пашни Годунов считал обеспеченным земельными фондами: «а земли вновь при мне холопе вашем принсканы многие и роздать за хлебное жалованье есть что». При недостатке земель Годунов предпочитал раздачу их служилым людям иному использованию. Так, были розданы в оклады земли под Тобольском, предполагавшиеся к использованию под государеву пашню. Общая судьба годуновских постановлений по хлебным окладам не дала возможности развиваться указанной стороне дела. Как и при Сулешеве, попытка изменить оклады вызвала резкое сопротивление служилых людей. Москва не поддержала Годунова. Его решения были признаны «налогами и утеснением», а им учиненная прибыль не «крепкостоятельной». 5 октября 1676 г. эти решения в отношении служилых людей царским указом и боярским приговором были отменены. ²

Из других мероприятий Годунова, которым сам он придавал наибольшее значение, следует отметить устройство под Тобольском подгородной государевой пашни и организацию новых слобод. Первое было всецело делом Годунова. В 1668 г. уже было засеяно 50 десятин рожью, 50 десятин вспахано под яровое, и такое же поле оставлено до следующего года. Но устроенная пашня не была обеспечена рабочими руками. Ее пахали «пашенные крестьяне Тобольского уезда всех слобод взгоном». Слободским крестьянам, выделенным на тобольскую подгородную пашню, за дальностью поездки (иногда более 300 верст) была «великая тягость и разорение». В очень многих случаях крестьяне вместо себя высылали на государеву подгородную пашню наймитов. Так, киргинский крестьянин Самойла Игнатьев с товарищами нанял крестьянина той же слободы Л. Плеханова за 40 алтын «взорать и посеять рожью и заборонить их жеребей — десятину и взорать другую перемену под пар и заборонить их же жеребья десятина». ³ Не обеспеченная рабочей силой пашня просуществовала недолго. Она была «отставлена» по двум высказан-

¹ Кн. СП, № 535, лл. 248—258.

² Кн. СП, № 535, лл. 258—259.

¹ Кн. СП, лл. 248—252.

² Бахрушин С. В. Цит. соч., стр. 218.

³ Кн. СП, № 511, лл. 67—101; № 368, лл. 792—895

ным соображениям: 1) место, занятое слишком близко к городу, необходимо было отдать под выгон; 2) из-за «налоги» крестьянству дальних слобод.

С именем П. И. Годунова связывается основание ряд слобод в Западной Сибири. С. В. Бахрушин в цитируемой работе дает следующий перечень слобод, устроенных Годуновым: 1) слобода на р. Бешкиле в Тобольском уезде; 2) в Тобольском же уезде на р. Ашлыке; 3) на р. Утке; 4) на р. Исети, 5 и 6) слободы в окрестностях Ишимского острога; 7) в Вверхогурском уезде на Терсяцком озере; 8) в Тарском уезде в полутора днях от тарского устоя; 9) Агитская слобода для кречатых помытчиков. Кроме того, был организован перевод на новое место тарских крестьян из-за выпаханности старых земель. Этот перечень заключается общей оценкой: «В таком широком масштабе определяется колонизационная деятельность Годунова». При внимательном рассмотрении этой деятельности обнаруживается одна любопытная подробность: Бешкильская слобода была построена тюменским казачьим сыном Г. Егреевым и оброчным крестьянином С. Косачевым. Не позднее 25 мая 1668 г. они били челом с просьбой разрешить «завести вновь государеву слободу в Тобольском уезде на нижнюю сторону речки Нижнего Бешкуля... и на то место... крестьянин призывать и поселить». Разрешение ими было получено в мае того же года. На следующий год по новой слободе имелось не менее 16 поручных записей, из них не менее 6 по крестьянам.¹ В 1668 г., 12 сентября, в Тобольскую приказную избу подали челобитную тобольского литовского списка казак Д. Шукин и конный казак Я. Плотников о разрешении завести слободу в Тобольском уезде по Ашлыку. В том же месяце они получили разрешение и наказ. Тут же, в Тобольске, провели они и прибор первых жителей новой слободы, взяв по ним поручные записи.² В 1668 г., по инициативе пашенных крестьян во главе со старостой С. Росторгуевым, были переведены на новое место вблизи Бергамакова городка 22 старых крестьянских семьи. К ним

¹ Кн. СП, № 535, лл. 94—124.

² Там же, лл. 124—129.

в первый же год было прибрано еще десять. Так было положено основание Бергамаковой слободе. С. Росторгуев по справедливости считался ее слободчиком.³ В 1667 г. бил челом приказчик Исетской слободы Д. Андреев о разрешении завести Н. Терсяцкую слободу. Д. Андреев получил разрешение и прибрал 18 чел.⁴ Несмотря на сомнительную репутацию, получил разрешение на строительство новой слободы шадринский слободчик С. Малечкин.⁵ Слобода основывалась на месте заимки С. Малечкина.⁶ Слобода в Тарском уезде была основана и устроена по челобитной рейтарского строя тарского города жителя С. Фирсова от января 1668 г. Вместе с ним слободу устраивал тарский сын боярский Ив. Горбунов, бывший челом о разрешении «строить новую слободу, которую слободу заводит слободчик С. Фирсов».⁷ В 1668 же году тобольскому сыну боярскому Боровскому было разрешено, по его челобитью, основать слободу у устья Черной речки на Вагае. В 1669 г. в ней жили беломестные казаки и крестьяне.⁸ По аналогичному поводу в 1669 г. были поданы еще две челобитные. В феврале бил челом Ел. Гилев об устройстве слободы на Тоболе, на урочище Остане-городище, а в марте — драгун Кондр. Замятин и н. ницинский пашенный крестьянин о заведении слободы подле Пышмы реки. Разрешение было дано в обоих случаях.⁹ Приведенный материал показывает, что устройство новых слобод во время воеводства П. И. Годунова производилось почти исключительно по частной инициативе. За 45 лет, истекших с воеводства Сулешева, наплыв крестьян в Сибирь заметно усилился. Это значительно повысило и темпы слободского строительства. Сибирская воеводская администрация в лице Годунова лишь санкционировала то, что шло помимо нее. Поэтому приходится говорить не столько о «колонизационной деятельности»

¹ Кн. СП, № 535, лл. 707—853.

² Там же, лл. 972—997.

³ Там же, лл. 998—1006.

⁴ Там же, лл. 998—1006.

⁵ Там же, лл. 932—971.

⁶ Там же, лл. 222—237.

⁷ Там же, лл. 1053—1060.

самого Годунова, сколько о сильной колонизационной волне, имевшей место во время его воеводства. Крестьяне его времени имели по этому вопросу свою точку зрения, высказанную ими в челобитной, поданной тобольскими пашенными и оброчными крестьянами во время сыска по годуновскому делу. Они считали, что усиление при Годунове налогового пресса, его «налоги» и «тягости» уменьшали прилив переселенцев за Урал и, следовательно, тормозили развитие земледелия.¹ Перенапряжение налоговых сборов вызывало недонмки и уменьшало предположенные размеры сборов. Таким образом, хлебные прибыли Годунова крестьянство «спорило» не только в челобитных, но и в более реальных формах.

Неудача Годунова с уменьшением расходов на хлебные оклады служилым людям, с подгородной тобольской пашней, преувеличенное представление о возможности сильно повысить налоговое бремя было причиной невыполнения им основного обязательства. Повторенное им утверждение, что «и хлебные запасы мочно в сибирских городех проиятца и без присылки поморских городов», вновь оказалось неосуществленным. Сошные запасы в Сибири продолжали везти и после годуновского заявления, так же как их везли и после заявления Сулешева. Не разрешив основного вопроса о хлебной независимости Сибири от Европейской России, Годунов вновь, как это было и при Сулешеве, пересмотрел состояние сибирского земледелия. И этот пересмотр показал, что последнее за 50 лет сделало большой шаг вперед. В 1674 г. в пашенных уездах Тобольского разряда было собрано 49 968 четей всякого хлеба, т. е. в 2 раза больше сбора 1624 г. Но на уездах Тобольского разряда попрежнему лежала обязанность снабжать хлебом непашенные города. Число же последних росло. Запашка более восточных уездов все еще оставалась незначительной. Наиболее хлебный из них, Томский, вместе с Кузнецким и Нарымским в 1674 г. дал всего 4702 чети всякого хлеба, т. е. в 10 раз меньше, чем Тобольский.² Поэтому естественна была тревога томских

воевод при вести о заявлении Годунова об отмене возки хлеба. В тот же год ими было заявлено, что без тобольской присылки хлебных запасов в Томске «отнюдь быть нельзя». Москвой была по этому поводу дана грамота в Тобольск о высылке хлеба.¹

Лишь к концу XVII в. окончательно сочли сибирскую пашню достигшей такого состояния, которое позволяло данную задачу считать разрешенной. В 1685 г. с поморских городов была окончательно снята повинность поставлять в Сибирь сошные запасы.² Сибирь с этого года должна была обходиться своим хлебом. Однако напряженность продовольственного положения Сибири в целом была далеко еще не изжита. Каждый год проходил с большой недодачей хлебных окладов. В 1702 г. по указу Петра в Сибирском приказе, на основании сметных списков 1697/1698, 1698/1699, 1699/1700 и 1701 гг., были сделаны ведомости «в графах» о приходах и расходах ясачных, десятинных, денежных, хлебных и соляных по всем сибирским городам. В нашем распоряжении находятся две ведомости за 1698/1699 г., несколько отличающиеся друг от друга.³ Однако же эти расхождения не изменяют общего впечатления. И та и другая ведомости рисуют одинаковую картину состояния хлебного дела. Согласно этим ведомостям в 1698/1699 г. было предположено собрать окладных и неокладных хлебных доходов по всем сибирским городам и уездам 24 965 четей ржи, 24 542 чети овса, 28 четей пшеницы и 308 четей ячменя. Всякого хлеба, таким образом, было намечено к сбору 49 843 чети (48 279 четей по другой ведомости). Окладной и неокладной расход на тот же год требовал 46 762 чети ржи, 35 305 четей овса, 8 четей пшеницы и 27 четей ячменя, а по совокупности всякого хлеба 82 102 чети (71 989 четей по другому варианту). Таким образом, через 14 лет после отмены возки поморского хлеба хлебный бюджет Сибири сводился с огромным дефицитом в 32 259 четей всякого хлеба (23 710 четей по другой ве-

¹ Исторические акты XVII ст., № 16.

² Веселовский С. Б. Сошное письмо, т. I, стр. 133, М., 1915; АИ, т. V, № 120.

³ Кн. СП, № 1354, лл. 219—406; РИБ, т. VIII, № 12.

¹ Слб. СП, № 865.

² Слб. СП, № 885.

мости). 1698/1699 г. не был исключительным. За предшествующие годы за государевой казной числилось недоданное служилым людям хлебное жалование в размере 30 218 четей ржи и 21 892 четей овса. В Тобольске объясняли, что та «недодача жалования служилым людям учинилась за скудностью в Сибири». На общесибирском фоне выгодно выделялась часть Западной Сибири, составлявшая территорию Тобольского разряда. По тем же сводным ведомостям 1698/1699 г. продовольственный вопрос в ней представлялся в следующем виде:¹

Город.	Приход (четей)		Расход (четей)		
	по кн. СП, № 1354	по РИБ, т. VIII, № 12	по кн. СП, 1354	по РИБ, т. VIII, № 12	
				фактический расход	расход по окладу
Тобольск . . .	13 862	14 092	38 668 *	11 173	18 358
Тюмень . . .	4 745	4 851	3 745	3 336	3 438
Верхотурье . .	9 181	9 180	6 464	6 434	6 645
Туринск . . .	4 735	3 878	2 927	3 249	3 209
Пелым . . .	636	745	390	588	624
Тара . . .	433	456	3 394	3 332	3 389
Березов . . .	—	—	2 117	1 859	2 331
Сургут . . .	—	—	1 201	1 299	12 01

¹ Ведомость, опубликованная в РИБ, в расходной части имеет два варианта: 1) «Всего в расходе». Под этим заголовком дается итог расходных статей с указанием фактически сделанных выдач. В таблице эти сведения даны в графе «фактический расход». 2) «А будет дать полный оклад». Под этим заголовком указаны лишь возможный хлебный остаток или вероятная недостача запасов, в случае если бы в 1698/1699 г. служилым людям окладной хлеб был выдан полностью. Путем дополнительной обработки материала в таблице, в последней графе («расход по окладу»), и дан этот вариант полной выдачи окладных расходов плюс фактически сделанные неокладные расходы. Несовпадение цифр в двух ведомостях объясняется тем, что в руках их составителей материалы были фактически не за одни и те же годы. В этом нас убеждает сравнение полных окладов обеих ведомостей. Так, в кн. СП, № 1354, оклад служилым людям, ружникам и оброчникам по Тобольску определен в 10 144 чети ржи и 7 454 чети овса; по книге РИБ, т. VIII, № 12, — 9 570 четей ржи и 6 877 четей овса. В годовом сметном списке, который служил источником для ведомости, не могло быть указано два различных ок-

Согласно обеим ведомостям уезды Верхотурский, Тюменский, Туринский имели хлебные излишки. Значение этих излишков станет понятным полностью, если принять во внимание то обстоятельство, что в расходной графе этих уездов учтен отпуск хлеба для беспашенных или малопашенных городов. Так, по Верхотурскому уезду в 1698/1699 г. в Тобольск отпущено 2 400 четей ржи и 1 828 четей овса. Таким образом, при приходе в 9 180 четей всякого хлеба расход собственно Верхотурского уезда составил 2 206 четей всякого хлеба. Иными словами, казенный расход хлеба по Верхотурскому уезду в 1698/1699 г. составил лишь 24% хлебных поступлений. Из Туринска в Тобольск отпущено 838 четей ржи и 1 454 чети овса, всякого хлеба 2 292 чети, при общем расходе в 3 249 четей. По Туринску, следовательно, из 3 878 заприходованных четей (из 4 735 по другому варианту) на местные нужды было израсходовано лишь 1 586 четей, т. е. 41%. Излишки имел и малопашенный Пелым. Фактический расход хлеба был меньше прихода и по Тобольску (более чем на 2 500 четей). При этом по уездам Тюменскому, Верхотурскому, Тарскому, Пелымскому фактическая выдача хлеба была лишь незначительно меньше окладной. В этих местностях служилые люди, ружники и оброчники получали свои хлебные оклады, за немногими исключениями, полностью. По уездам Сургутскому и Туринскому фактический расход несколько даже превышал окладной. И лишь по Тобольскому

уезду. Поэтому естественно предположение, что либо составителями ведомостей были использованы сметы за разные годы, либо в одном из случаев в основание ведомости вместо сметных списков легли пометные.

* Цифра 38 668 является необычной. По всей вероятности, в нее включены предположенные посылки в города других разрядов и, быть может, задолженность по старым годам. Обычный тобольский расход, включая снабжение непашенных городов Тобольского разряда, был равен приблизительно 18 000 четей. См. кн. СП, № 1376, л. 383 и сл.; № 1434, лл. 359—393; № 1467, л. 280 и сл.; № 1473, лл. 220—268; № 1239, лл. 1—142. Это подтверждается и самой ведомостью 1698/1699 г. (кн. СП, № 1354). Расходы Тобольска она определяет так: «всего тобольским и уездным ружником и всякого чина служилым людям и оброчником 3 323 человеком по сметным спискам 1697/1698 и 1698/1699 гг. ржи и муки ржаной 10 144 чети, овса 7 454 чети». Ср. с этим также сведения РИБ, т. VIII, № 12, графа «расход по окладу».

уезду он отставал от оклада. Иную картину давали города других разрядов. По ним недодача хлеба в оклады была явлением постоянным и значительным. Недодача по этим городам и составляла в основном тот огромный хлебный дефицит по Сибири в целом, который был отмечен нами выше.¹

Сравнение величины хлебных податных поступлений по Тобольскому разряду в 1698/1699 г. с приведенными выше данными 1678/1679 г. показывает, что абсолютная величина поступлений казенного хлеба почти не изменилась. В 1678/1679 г. в сборе по разряду было 49 968 четей всякого хлеба, в 1698/1699 г. помечено взять 49 843 чети. Таким образом, последняя четверть XVII в. для разряда не принесла изменений. Впрочем, это положение можно отнести лишь к казенным хлебным поступлениям. Оно не отражает состояния земледелия в целом. Последнее мы можем оценить, если учтем следующее обстоятельство. Сохранение прежней величины поступлений податного хлеба шло одновременно с уменьшением удельного веса хлебооброчного и пашенного крестьянства. По ряду мест мы можем наблюдать даже сильное сокращение абсолютного числа последнего. Так, верхотурская подгородная пашня к концу века давала менее 1 000 четей всякого хлеба; в 1628 г. с нее умолачивали 5 500 четей.² Зато в это время численно возрастали категории крестьян, которые не обрабатывали государственной пашни и не вносили оброчного хлеба. К концу XVII в. на территории Тобольского разряда значительно выросло число денежнооброчных крестьян. Удельный вес их к началу XVIII в. составлял примерно около 34% по отношению к государственному крестьянству. Значительная доля крестьянского населения Верхотурского уезда, а именно 8 слобод с общим населением около 2 000 дворохозяев, была приписана к заводам. Ряд слобод (Краснопольская, Аятская, Белозерская) был отдан частным лицам.

¹ В Якутске в 1698/1699 г. было недодано в оклад 2577 четей, в Енисейске 650 четей; громадные недодачи отмечены ведомостью по Кузнецку, Томску и др.

² Стлб. ВНС, № 18, дл. 74—85; стлб., СП, № 19, дл. 342—347.

Таким образом, к концу XVII в. состояние сибирского земледелия позволяло разрядной администрации идти на освобождение значительной части крестьянского населения от обязанностей по обработке государственной пашни и по взносу оброчного хлеба. При одинаковом уровне казенных хлебных поступлений на конец третьей и на конец четвертой четверти столетия, с задачами хлебоснабжения Тобольский разряд справился в конце последней четверти века легче, нежели в ее начале. Это нужно поставить в связь с понижением удельного веса тобольского казенного хлеба в общесибирском. Если в 1674 г. Тобольский разряд давал более 90% всего сибирского казенного хлебного сбора, то в 1699 г., при той же абсолютной величине тобольских поступлений, этот процент упал до 65. С этим фактом необходимо связать отмену возки поморского хлеба. И если хлебный вопрос, в частности десятинная пашня и оброчный хлеб, не был снят в Тобольске с повестки дня ни в конце XVII в., ни много позднее, то это нужно объяснить сравнительно небольшой территорией сибирской хлебной житницы XVII в. Все же более половины казенного хлеба всей Сибири, от Урала до Великого океана, давали всего четыре уезда: Верхотурский, Тюменский, Туринский, Тобольский, что не могло не влиять на положение хлебного вопроса в них самих. При этом на территории этих уездов возникали явления, вызывавшие новые требования на хлеб. Продвижение на юг, начавшееся в XVIII в., привело к созданию южных укрепленных линий, нуждавшихся на первое время в дополнительных хлебных отпусках.

При рассмотрении результатов сибирской пашни на начало XVIII в. мы оставались до сих пор в кругу вопросов, связанных с поступлением податного хлеба, состоявшего из хлеба, собранного с государственной десятинной пашни, оброчного и выдельного. Поступление податного хлеба, однако же, не является единственным показателем по данному вопросу. Его значительно дополняет другой измеритель — хлебный рынок.

В конце XVI и начале XVII в. хлеб на сибирский рынок поступал в малом количестве и был дорог: «в сибирских го-

родех хлеб всякой, рожь и овес и ячмень, купят меж себя всякие люди дорого». Разрешение правительства В. Шуйского на отправку в Сибирь хлеба на продажу, данное пермичам, едва ли могло разрядить остроту этого положения.¹ Но через полтора десятка лет после грамоты Шуйского на сибирских рынках появился уже в значительных количествах не привозной, а собственный сибирский хлеб. Так, в 1626 г. в Тагильской слободе было продано крестьянами не менее 4 000 четей хлеба.² Это позволило организовать закупку хлеба для казенных надобностей в самой Сибири. И эти закупки служили серьезным дополнением к податным сборам. С именем упомянутого выше Ю. Я. Сулешева связана организация первых таких закупок. Отмена поставки хлебных запасов из поморских городов вызвала сразу затруднения с казенными выдачами хлеба. В первый же год этой отмены стало нехватать ржи на окладные и неокладные расходы. Недостаток решили покрыть покупкою ржи «торговою рядовою ценою» в уездах Верхотурском, Туринском и Тюменском. При Сулешеве эти закупки производились ежегодно, в 1623, 1624, 1625 и 1626 гг.³ Размеры казенных закупок уже в первом полу столетии были значительны. В 1636 г., по распоряжению тобольского воеводы Темкина-Ростовского, в этих уездах закупалось 5 000 четей ржи.⁴ В 1637 г. на Тюмени, в Туринске и Верхотурье купили 3 560 четей, «а больше де того не добыли». В 1638 г. в Сибири купили 1575 четей ржи и 1018 четей овса. В 1642 г. в сибирских городах было куплено 13 112 четей, в 1643 г. 10 340 четей.⁶

Закупка хлеба на сибирском рынке первое время шла параллельно с закупкой хлеба для Сибири на рынках Европейской России. По распоряжению правительства Михаила Романова «для сибирского хлебного недороду» поручалось

«купчинам и иных сотен торговым людям» покупать хлеб в поморских и южных городах. Закупка хлеба шла как в годы отмены возки сошных запасов, так и одновременно с их поставкой. В 1637 г. купчине гостинной сотни Ревакину было поручено купить на Устюге Великом у Соли Вычегодской 7 000 четей. В том же году на Вятке, и в вятских пригородах, и в Соли Камской покупали также 7 000 четей купчина суконной сотни Н. Наумов и крестьянин Новодевичьего монастыря Вас. Синев. Поручение закупщиками было выполнено неполностью. Ревакин купил лишь 1182 чети, а Наумов и Синев 1287. Невыполнение поручений в полной мере объяснялось тем, что «больше того не добыли и подводье ж были дороги». В 1638 г. для Сибири в поморских городах покупали хлеб торговые люди гостинной сотни Степан Грудцин и Алексей Паломошный, приобретшие 2 604 чети и 41 куницу.¹ В том же году и с тою же целью в Казани и казанских пригородах закупал хлеб москвитин Т. Ладин, купивший на Алабуге и в Сарапуле 500 четей в местную меру, вчетверо большую усольской. В 1638 г. «уговорились» в Сибирском приказе на поставку хлеба для Верхотурья гость Семен Светешников и крестьянин Заяузской волости И. Вахутин по 2 000 семипудных четей и гость Онникой Чистый с ярославцами Тим. Студиным, Ив. Третьяковым и казанцем Гер. Конищевым по 1 000 четей. В 1639 г. в качестве подрядчиков выступили гость Гр. Никитников, взявшийся поставить 2 000 семипудных четей, гость С. Светешников — тоже 2 000 четей, гостинной сотни торговые люди Б. Цветной и Я. Паточкин — по 1 500 четей и ярославец Лаптев — 3 000 четей. В 1641 г. Гр. Никитников и гостинной сотни Аф. Балезин порядились поставить по 5 000 четей семипудных. Последние покупали рожь и в 1642 г.

Закупка хлеба для Сибири как путем правительственного поручения (закупки Грудцина, Паломошного и Ладина), так и путем сдачи на подряд (Светешников, Чистый и др.) «ставилась дорогою ценою». Купленный Ст. Грудциным в 1638 г. хлеб обошелся с доставкой по 3 руб. 6 алтын 5 де

¹ Куница — объемная мера, употреблявшаяся в Вятском крае. В Сибирском приказе считали 41 куницу равной 112 четям.

¹ ААЭ, т. II, № 141.

² Дмитриев А. Верхотурский край в XVII в., «Пермская старина», вып. VII, стр. 60, Пермь, 1897.

³ Стлб. СП, № 60, лл. 245—259.

⁴ Там же.

⁵ Там же, № 150, лл. 219—252.

⁶ Там же.

нег за усольскую четь (5 пуд. 4 гривенки). Хлеб Ладина с привозом стал по 1 руб. 17 алтын 3 деньги. В 1638 г. Сибирский приказ сдал подряды на поставку хлеба из расчета по 2 руб. 20 алтын за семипудную четь, а в сибирскую казенную меру (4 пуда с четью) — по 1 руб. 20 алтын. В следующем (1639) году подряды сдавались по уменьшенной цене, а именно по 1 руб. 11 алтын за казенную четь. Эта высокая расценка в большей своей части объясняется дальним и дорогим провозом. Ст. Грудцин купил на Устюге Великом 525 четей (по 7 пуд. с четью) по 30 алтын, 30 алтын 2 деньги, 32 алтына и дорожке, заплатив за весь хлеб 517 руб. 16 алтын 2 деньги. В среднем четь Грудцину обшлась в 32 алтына 5 денег. За перевозку от Устюга до Верхотурья он платил от 7 руб. до 10 руб. 25 алтын от воза, «а на возу сыпано по 3 чети». Следовательно, при стоимости на устюжском рынке чети в 32 алтына 2 деньги, ее провоз обходился от 2 руб. 11 алтын до 3 руб. 19 алтын.¹

Это обстоятельство не могло не чувствоваться живо Сибирским приказом. Материалы, поступающие из Тобольска по сибирским закупкам, показывали ясно, что в «Сибири покупной хлеб перед уговором гостей и торговых людей в покупке ставится дешевле». Поэтому Приказ стремится сосредоточить свою закупочную деятельность непосредственно в Сибири. Уже в 1639 г. ярославец А. Лаптев, учинивший «в хлебном уговоре перед иными уговорщиками прибыль», получил право покупать «уговорный» хлеб и в сибирских городах. Позднее Приказ всецело ориентируется на сибирский рынок, поручая операции специальным «хлебным закупщикам». В 1644 г. в качестве такого хлебного купчины выступает гостинной сотни торговый человек Федор Горохов. Ему было поручено в Верхотурье, Туринске и Тюмени с уездами и в пашенных слободах Тобольского уезда покупать хлеб на государя «с осени рано и во всю зиму». Купленную рожь крестьяне и «всякие люди» должны были за тем же уговором отвозить на Верхотурье, в Туринск и в Тюмень и сдавать в государевы житницы, беря у воевод и приказчиков

¹ Стлб. СП, № 150, лл. 210—212, 219—252.

отписи. Слободская администрация должна была оказать содействие «купчине» и его целовальникам путем дачи подвод, «на чем им мочно поднятца», своевременного приема купленного хлеба, дачи выписей из таможенных книг о примерных хлебных ценах, свеч, чернил, бумаги и т. д. Самые же закупочные операции производились Гороховым и его помощниками непосредственно. Всего в 1644 г. им было куплено 13 509 четей, на что было израсходовано 4 173 руб. 4 деньги.¹ В 1645 г. для хлебной покупки был послан из Москвы «купчина» — патриарший крестьянин Яким Ящуров с целовальниками, одним устюжским и одним вятским. Ему было поручено закупить хлеба на 8 000 руб. Как и в 1644 г., в слободах в помощь закупщику выбирали целовальников и кликали бирючи не по один день, «чтоб пашенные крестьяне и всякие люди у себя ржи не таяли продавали ему купчине прямою сибирскою ценою». 22 июня 1645 г. Ящуров закончил свои операции в Тюменском уезде и представил тюменскому воеводе И. Бобрисцеву-Пушкину росписи своей покупки. В самой Тюмени было куплено ржи 2 668 четей, в Киргинской слободе 1 983 чети, в Чубаровской 776, в В. Ницинской 776 четей и в Н. Ницинской 1 162 четь.

К 1646 г. из Москвы было выслано в Сибирь для хлебной покупки два правительственных агента. 15 ноября 1645 г. из Сибирского приказа была выдана память А. Чернавину с наказом купить хлеба на 6 000 руб. А 30 августа аналогичную память получил К. Боровитинов с поручением произвести закупку на 7 000 руб. А. Чернавин выполнил наказ почти полностью, купив на 5 714 руб. более 9 000 четей ржи в таможенную меру.² К. Боровитинов из отпущенных ему 7 000 руб. успел издержать лишь 2 244 руб. Остальные 4 756 руб. у него отобрал тобольский воевода И. Салтыков и роздал их в жалованье служилым людям. И. Салтыков мотивировал свой поступок тем, что и без закупок Боровити-

¹ Стлб. СП, № 147, лл. 147—149; № 150, лл. 26—42; стлб. ВУС, № 2, лл. 20, 45; № 17, лл. 13—14.

² По отписям приказчиков Чернавин купил на Тюмени 5570 четей, в Киргинской слободе 1005 четей, в Чубаровской 400, в В. Ницинской 684 и в Н. Ницинской 1679.

нова «тутошные пахоты и прежнюю покупою хлеба сибирским служилым людям и на неокладные расходы на нынешний 1647 год и вперед на 1648 год на оба розряды Тобольский и Томский будет». ¹ Помимо этой причины, как мы увидим ниже, была еще и другая.

Одновременно с деятельностью правительственных агентов — «купчин» — в сибирских слободах в меньших, чем у первых, размерах продолжалась покупка хлеба местными властями. В 1641 г. сибирские приказчики или служилые люди должны были закупить ржи в Верхотурском уезде на 500 руб., в Туринском на 500 руб., в Тюменском на 1 500 руб. и в Тобольском на 2 500 руб. ² 29 ноября 1643 г. из Верхотурья разослали памяти по слободам об оказании содействия закупицу Фед. Горохову. И почти одновременно с этим, на третий день (2 декабря), ирбитскому приказчику Вас. Муравьеву было поручено взять из специально отпущенных денег 100 руб. и покупать на них на государя хлеб. ³ В 1642 г. А. Чернавин покупал хлеб в Тобольском уезде и других; куплен был им хлеб и в В. Ницинской и Н. Ницинской слободах. В том же году в обеих этих слободах, по поручению тобольского воеводы, тобольским сыном боярским К. Павлоцким было куплено 1 250 четей ржи в таможенную меру. В октябре 1642 г. тюменский воевода Барятинский доносил о покупке им на Тюмени на государя 2 243 четей. ⁴ Одновременная деятельность представителей центральной власти и местной администрации на одном и том же участке, несомненно, раздражала последнюю. В 1647 г. Салтыков указывал Москве, что покупки А. Чернавина были для кзны убыточны и что на отпущенные ему 6 000 руб. местный житель Павлоцкий сумел бы купить хлеба в полтора раза больше. Обобщая этот пример, Салтыков высказал в своей отписке общее соображение: «и только вперед будут для хлебные покупки в сибирские города купчины с Москвы и в

твоем государеве покупном хлебе от тех купчин будет твоей государевой казне большая убыль». ¹ Представления воеводы в Москве были приняты. Сибирский приказ предоставил разрешение этого вопроса самому Тобольску. В грамоте от 21 марта 1647 г. тобольскому воеводе давалось право передавать закупку хлеба детям боярским и приказчикам по выбору, если «будет чае нашей казне прибыли, а сибирским всяким людям оттого никакого оскорбленья не будет». ²

Размеры покупного хлеба сравнительно с податными поступлениями значительны. В 1646 г. по Тобольскому разряду поступало 12 053 четей ржи. В этом же году воевода Темкин-Ростовский прикупил на расходы в уездах разряда 5 000 четей ржи. ³ Закупки 1646 г. не были максимальны. Как мы уже указывали, в отдельные годы они превышали 13 000 четей (1642, 1644 и др.). В Тюменском уезде в 1642 г. приход ржи состоял из 1 351 чети с государевой десятинной пашни и 3 347 четей выделной ржи. В 1645 г. Ящурову удалось закупить в Тюмени 2 668 четей, т. е. в 2 раза более урожая десятинной пашни; в следующем году Чернавин купил там же 5 570 четей. ⁴ Тот же Чернавин купил в 1646 г. в Верхней и Нижней Ницинских слободах 2 363 чети ржи. В тех же слободах в этом же году Павлоцкий, по заданию тобольского воеводы, купил 1 250 четей ржи. Государевы поля этих слобод в эти годы в среднем давали едва ли больше 1 500 четей. Выдел по этим слободам был крайне незначителен. В начале второй четверти века он не помечался совсем, а в третьей четверти составлял не более 20% общего прихода. ⁵ Таким образом, хлебные возможности рассматриваемых уездов уже в половине XVII в. далеко не исчерпывались размерами отчуждаемого в виде податей и потребляемого самим населением хлеба.

В связи с правительственными закупками нужно поставить покупки хлеба, главным образом в Верхотурском уезде.

¹ Стлб. СП, № 147, лл. 191—196; № 150, лл. 26—42; стлб. ВУС, № 17, лл. 15—17.

² АИ, т. III, № 215.

³ Стлб. ВУС, № 2, лл. 7 и 29.

⁴ Стлб. СП, № 150, лл. 213—215, 229—309.

¹ Стлб. СП, № 150, лл. 299—309.

² Там же, лл. 289—294.

³ Там же, № 60, лл. 245—255.

⁴ Там же, № 1673, л. 47 и сл.; № 147, лл. 191—196.

⁵ Там же, № 147, лл. 1—3; № 150, лл. 299—309.

представителями поморских уездов, сдававших в Верхотурье сошные запасы. Поморские таможенные головы не всегда поставляли на Верхотурье сошные запасы полностью. За недобранный в поморских уездах хлеб с населения собирали деньги, на которые закупали недостающие чети в Верхотурском уезде. Правительство решительно выступило против этих закупок, конкурирующих с его собственными мероприятиями. В наказных памятях своим торговым агентам Приказ предписывал «беречь накрепко», чтоб на Верхотурье вместо сошных запасов хлеба не покупали и тем «хлеба не вздоразживали». О том же писалось и верхотурским воеводам, которые должны были следить, чтобы от «хлебных подрядчиков» и «закупщиков» не было на Верхотурье «хлебные скудости». Это же запрещение было подтверждено в 1645 г. и в памяти Сибирского приказа в Новгородскую четь. В данном вопросе правительство удовлетворяло и просьбы верхотурского населения, бывшего челом на своих таможенных голов, которые «учали у сошных людей запасы принимать неполна, за достальной хлеб, чево не довезут, учали имать деньгами и покупать своею куплею». Спекулянт с сошным хлебом, по словам челобитчиков, приводили к тому, что на Верхотурье «хлеба стало купить негде». Однако то обстоятельство, что еще в 1665 г. Сибирский приказ напоминал об этом запрещении, дает основание считать данное явление стойким.¹

Верхотурский, Тюменский и Туринский уезды, расположенные на главном и очень оживленном пути из Руси в малопашенные или непашенные промысловые районы, были естественным местом закупки продовольственных припасов для торговых и промышленных людей, следующих на восток. Торговые и промышленные люди, организуя в Верхотурье свои экспедиции, получали из приказной избы отпускные памяти для поездки по слободам «хлеба себе купить». Поездки эти происходили обычно осенью, когда заключались сделки с крестьянами на поставку хлеба «к внешнему судовому от-

¹ Стлб. ВУС, № 35, лл. 1—10; стлб. СП, № 147, лл. 278—284, 270—271, 147—159; ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1644, № 19

пуску». Закупки достигали значительных размеров. Сталкиваясь друг с другом и боясь остаться к «полой воде» без хлеба, промышленники скрепляли свои осенние договоры выдачей задатков. Эти операции довольно рано обратили на себя внимание Москвы. По поводу жалоб служилых людей Тобольска на взвинчивание хлебных цен вследствие этих закупок в Москве в 1622 г. заявляли: «нам то ведомо и без их челобитья, что ездят из поморских городов в Сибирь торговые и промышленные люди и закупают на Верхотурье многие хлебные запасы в отвоз, на продажу и тем богатеют». ¹ Первоначально правительство шло по пути ограничения этих закупок и запрещало покупку хлеба в «закуп и отвоз, oprичь своих нужд». Позднее правительство, борясь с закупкой хлеба «сошными» людьми, признавало такую законной в отношении торговых и промышленных людей. В грамоте 1646 г. верхотурскому воеводе Дворенинову оно указывало: торговым бы и промышленным людям хлеба «на сибирские их промыслы купить не заповедывали, чтоб у них промыслы их не стали». ² Таможенным же головам давалась инструкция о сборах десятых, отъезжих пошлин, протаможья и т. д. с русских людей, которые «учнут на Верхотурье для своего прокормления и для низового походу покупать хлебные запасы муку ржаную и крупы и толокно и мясо свиное и рыбу и масло коровье и хмель или для торговли своей кожи сырье и дубленые». ³

При этом власть заботилась только о том, чтобы эти закупки не сталкивались с правительственными. В наказной памяти Чернавину последнего предупреждали о необходимости произвести казенные закупки «с осени рано», до съезда с Руси торговых и промышленных людей, и тем предупредить их конкуренцию.

В качестве закупщиков выступали и служилые люди, следовавшие с Руси к месту службы в далекие украинные города. Так, в 1644 г. К. Супонев и П. Стеншин, назначенные — первый воеводою, второй дьяком на Лену, проездом через

¹ АИ, т. III, № 107.

² Стлб. СП, № 147, лл. 15—19.

³ Стлб. ВУС, № 3, лл. 18—23.

Верхотурский уезд, получив из невьянских житниц «для государева жалования» хлебные запасы, купили на Невье же своих хлебных запасов по судну.¹ Наличие значительных закупок в данных местностях знали и в Сибирском приказе. В последнем утверждали, что жить в слободах указанных уездов «прибыльнее», так как торговые люди покупают хлеб «дорогою ценою» и делают для его сплава суда, а крестьяне «от дела цену емлют большую».²

Во второй половине века уезды Тобольского разряда начинают привлекать внимание жителей западных уездов уже не в качестве места сбыта их продовольственной продукции, но в качестве места закупок этих продуктов. В 1684 г. в Москве отмечали, что из Сибири вывозят хлеб строгановские приказчики и крестьяне. В 1683 г. верхотурский воевода Лопухин в памяти ирбитскому приказчику Ф. Каменскому говорит о том же: «приезжают де от Соли Камской и с Чусовой верхотурского уезда в слободы всяких чинов люди и, закупа хлеб в закуп, провозят в русские города». Особенно бойким центром скупки сибирских продовольственных товаров в конце века становится Ирбитская ярмарка. Верхотурские жители заявляли, что «приезжают де в Ирбитскую слободу с Кунгура... и выкупают убойную скотину себе и на продажу дорогою ценою». О том же говорит царская грамота 1695 г., утверждавшая, что от Соли Камской «люди едут верхотурского уезда в слободы для покупки скота и рыбы и всякого съестного запаса». При этом грамота подчеркивает особую роль Ирбитской ярмарки, на которой сибирские крестьяне «исторговываются». Наплыв покупателей вызывал подъем цен и жалобы на это жителей Верхотурья.

¹ Стлб. ВУС, № 2, л. 44.

² Фед. Телятеский, тобольский воевода, писал в 1633 г. об этих местах: «тагильские и невьянские и туринские пашенные крестьяне прожиточны и семьянисты и промышленяют всякими промыслами, которые торговые и промышленные люди приезжают в Сибирь и ходят в Мангазею и в Енисейский острог для соболиных промыслов и те все торговые и промышленные люди покупают у тех тагильских и у невьянских и у туринских у пашенных крестьян хлеб дорогою ценою, четверть муки по рублю и по полтора и по два, потому что у них земля хлебородна и пашут на себя пашню не малую». Стлб. С.П., № 34, лл. 7—64

Поэтому правительство приняло ряд мероприятий по ограничению этой торговли. В 1684, 1695 и других годах верхотурским воеводам предписывалось в русские города «хлеба из Сибири пропускать не велеть».¹ Этот наплыв можно объяснить лишь тем, что уровень цен на продовольственные запасы в это время в Верхотурском уезде становился ниже, нежели в Чусовских городках и у Соли Камской.

Мы остановились на той стороне хлебных операций, которая имела свою основную целью либо переброску хлеба, транзитом через Тобольский разряд, из поморских и Казанского уездов в более восточные области, либо вывоз верхотурского, тюменского, туринского и тобольского хлеба за пределы разряда. Этот материал показывает, как Сибирь включалась во всероссийский хлебный рынок в тот момент, когда, по словам В. И. Ленина, этот рынок складывался. «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... «и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок».²

Кроме описанных выше хлебных операций, в Тобольском разряде шла торговля хлебом, которая имела целью переброску хлеба внутри самого разряда или внутри одного и того же уезда или слободы. Верхотурские воеводы отмечали в своих отписках приезд на Верхотурье служилых людей из непашенных и из пашенных городов разряда, «где хлеб недородитца», для покупки хлеба «про свою нужу, а не на продажу», небольшими партиями, четвертей по 5 или по 6».³ Сибирский губернатор М. О. Долгорукий отмечал в 20-х годах XVIII в., что «обыватели в тобольском хлебу никто сами не пашут... а покупают всегда в торгу».⁴ Автор «Прав-

¹ Стлб. ВУС, № 16, л. 83; АИ, т. V, № 103, 113, 232, II.

² Ленин В. И. Собр. соч., т. I, стр. 73.

³ Стлб. ВУС, № 10, лл. 83—91.

⁴ «Северный архив», ч. 18, 1825.

дивого описания путешествия из Москвы через г. Тобольск» писал в 60-х годах XVII в. о Тюмени: «в общем это очень приятное место, где в изобилии продаются всякие съестные припасы и прежде всего всякое зерно, мука и прочее». Он же заметил о Тобольске: «русские промышляют здесь главным образом ловлею рыбы... различным зерном, продавая и перепродавая его, и другим барышничеством».¹

Крестьяне Ирбитской слободы в 1673 г. показывали, что зимою, после окончания сезона больших закупок, «для нужд меж собою покупают и продают не по многу по пудно».²

Местный хлебный рынок, помимо мелких, выдвигал и фигуры довольно значительных продавцов, закупщиков и перекупщиков хлеба. В 1698 г. приказчик Камышенской слободы Ст. Головков досматривал в деревнях Темной и Обухове хлебные запасы скупщиков, приехавших из Тобольска и других мест. По его досмотру оказалось у тобольского посадского человека К. Юрьева 112 четей ржи и 13 четей муки ржаной, у тюменского атамана Ивана Галечашкина 75 четей ржи, у тюменского ямского охотника Гр. Первалова 133 чети ржи и 13 четей ржаной муки, у писчего дьячка Калиновской слободы М. Лукина 200 четей ржи и 75 четей муки пшеничной, у крестьянина Калиновской же слободы С. Григорьева 75 четей ржи и 12 четей ржаной муки.³ О размерах хлебных сделок дают представление также росписи Я. Ящурова 1645 г.⁴ Согласно этим росписям им было закуплено в слободах Ницинских, Ирбитской, Невьянской, Киргинской, Чубаровской и на Тюмени 11 149 четей ржи. Отдельных сделок в росписях отмечено 869. Таким образом, в среднем на одну сделку приходилось 12,8 государевой восьмипудной четы.

Более внимательное изучение этих росписей показывает, что средняя сделка не была наиболее частой. Если отдельные

¹ «Исторический архив», вып. I, стр. 160 и сл., М.—Л., 1936

² Стлб. ВУС, № 5, лл. 154—155.

³ Стлб. ВУС, № 10, лл. 83—91.

⁴ Кн. СП, № 184, лл. 33—116.

покупки расположить по их величине, то мы будем иметь следующую картину числа сделок той или иной величины:

Величина сделки (четей)	Количество случаев	Величина сделки (четей)	Количество случаев	Величина сделки (четей)	Количество случаев
До 1	2	От 41 до 50	13	От 91 до 100	9
От 1 до 5	537*	» 51 » 60	2	» 101 » 200	10
» 11 » 20	67	» 61 » 70	1	» 201 » 300	3
» 21 » 30	15	» 71 » 80	—	» 301 » 400	6
» 31 » 40	1	» 81 » 90	3	» 401 » 500	1

Больше половины, следовательно, а именно 62% всех сделок, падает на сравнительно небольшие продажи, от 1 до 5 четей. Около четверти (23%) составляют сделки от 6 до 10 четей. Остальные 15% дают сделки более чем в 11 четей. Отдельные из них достигают внушительной цифры. Наибольшие продажи были в 407, 505 и 571 четь (3 256, 4 040 и 4 568 пуд.). Величину продажеспособности отдельных продавцов можно без ошибки увеличить, так как часть из них продавала Ящурову хлеб не по одному разу. Большинство продавцов — крестьяне. Но наряду с ними мы встречаем посадских людей, служилых, церковных причетников, приказных. Среди последних обращает на себя внимание житничий дьячок Невьянской слободы, продавший Ящурову две очень большие партии — в 143 и 333 чети. Большие же партии продавали дети боярские, бывавшие на приказе в слободах (А. Буженинов продал 407 четей, П. Перхуров 143 чети и т. д.). Среди продавцов встречаются перекупщики, как жители Тобольского разряда, так и нетобольяне. Например, торговый человек Михаил Попов, усалец, продал 150 четей, Максим Болезин — 100 четей, тобольский посадский человек Михаил Шапочник — 100 четей. Ошибочно было бы думать, что контрагентами в крупных сделках выступало только некрестьянское население. В предыдущей главе на примере обеспеченности крестьянского двора скотом мы уже показы-

* Эти 537 располагаются так: покупок в одну четь — 125, в две — 171, в три — 76, в четыре — 84 и в пять — 80.

вали сильное имущественное неравенство среди сибирского крестьянства. То же наблюдение позволяет сделать и настоящий материал. Среди «прожиточного» крестьянства, составлявшего слободчиков, старост и т. д., выделялась группа лиц, выступавших в качестве продавцов в значительных хлебных сделках. У старосты тюменских пашенных крестьян Лобанова Ящуров купил в два приема 100 четей и 303 чети, т. е. 403 чети (3 224 пуда). Выше мы упоминали крестьянина Калиновской слободы М. Лукина, который сам скупил 275 четей ржи и муки ржаной. Деятельность Лобанова и Лукина, разумеется, намного уступает по широте размаха деятельности самого Ящурова, патриаршего крестьянина, или крестьянина Новодевичьего монастыря Синева и крестьянина Залузской волости И. Вахутина. Последние по «уговору» с Приказом наряду с гостями и торговыми людьми гостинной сотни проводили многотысячные закупки. Но на фоне местного рынка и хлебные операции Лобанова и Лукина нельзя не признать весьма значительными. Вместе с тем росписи Ящурова показывают, что в качестве продавцов выступает и основная масса крестьянства, отчуждавшая в форме продажи от 1 до 10 четей своего хлеба. Крестьянин Молоков из Белослудской слободы показывал в 1698 г., что продает в год чети 4 хлеба (ржи или овса), «а на те деньги покупает соль, железо и отдает старостам во всякие поборы».¹

Помимо правительства, торговых и промышленных людей, русского населения Тобольского и соседних уездов, спрос на хлеб в XVII в. начинает предъявлять и местное население. Ясачные люди Верхотурского уезда в челобитной 1681 г. заявляли, что русские «преж сего нам верили в долг, нам хлеба и платья и всяких припасов давали, и теми запасы нас, сирот, на зверинные и рыбные ловли поднимали».² В расходной части верхотурской хлебной сметы 1627/1628 г. отмечена, между прочим, продажа «вогуличам» 6 четей с осьминой ржи и 8 четей с осьминой ячменя.³ На покупку хлеба занимали деньги остяки Темлячневой волости Тоболь-

¹ Стлб. СП., № 1359, л. 316.

² Доп. к АИ, т. VIII, № 3, IX.

³ Стлб. СП., № 19, лл. 319—330.

ского уезда в 1687 г.¹ и т. д. Таким образом, часть местного населения начинала жить в этом отношении «русским обычаем». Не всегда имея свою запашку, эта часть населения удовлетворяла свои потребности в хлебе путем его покупки.

Большие требования, предъявляемые к сибирскому хлебному рынку как со стороны правительства, так и со стороны частных лиц в XVII в., иногда не только исчерпывали его возможности, но и превышали их. В 1673 г. ирбитский приказчик Илья Будаков сообщал в Верхотурье, что у крестьян хлеба в продаже нет, «а у которых де хлеб и был и тот де хлеб распродали они по зимнему пути».¹ В 1637 г. рынок не смог удовлетворить полностью правительственный заказ. Сумели купить лишь часть предположенного, «а больше де того в тех пашенных городах и в слободах купити не добыли».² Жители Верхотурья жаловались, что вследствие больших закупок «учали быть з женщишками и з детишками голодни, хлеба стало купити негде и от голоду многие люде разбрелись и ныне бредут розно».³ В годы, когда рыночные возможности были окончательно исчерпаны, сибирская администрация прибегала к экстраординарным мерам, как это было в 1643 г. После большого неурожая в предшествующие лета в Тюменском уезде хлеба «против государева указу» купить не смогли. Тогда воевода кн. Пронский предложил детям боярским и целовальникам, приставленным к хлебной закупке, «по деревням и по дворам и по ямам у всяких людей хлеб обыскивать и у кого сыщут и того хлеба сметя по его семье оставливать ему до новни, чем мочно сытим быть, а достальной велено иметь на государя».⁴ За взятый хлеб выплачивалось по 20 алтын за четь в таможенную меру.⁵

Чрезмерность правительственных требований, предъявляемых к сибирскому хлебному рынку, отмечали и специалисты сибирского торгового дела. Тобольский таможенный

¹ Лопарев Х. Самарово, ч. III, Документальная, № 8, СПб., 1896.

² Стлб. ВУС, № 5, лл. 154—155.

³ Стлб. СП., № 150, лл. 219—252.

⁴ Там же, № 147, лл. 270—271; АИ, т. III, № 107.

⁵ Стлб. СП., № 150, лл. 243—244.

⁶ Там же, лл. 243—244.

голова А. Гостев высказывал опасение, что большие правительственные закупки хлеба могут разрушить сибирский хлебный рынок, лишив промышленных людей возможности закупать здесь хлеб на промыслы, и тем самым прекратить их деятельность. По его расчетам дорогой привозной хлеб с лихвой окупается большим десятинным сбором. Хлебные возможности сибирского рынка торговый человек гостинной сотни Вас. Федотьев определял тысяч в 10 восьмипудных четей.¹ Приведенные выше цифры показывают, что в действительности рынок давал больше, а иногда и значительно больше. Но это было связано с лихорадочным состоянием рынка. О последнем, кроме уже упомянутых фактов, говорят и колебания хлебных цен. Проведение правительственных закупок всегда сопровождалось довольно значительным подъемом цен на хлеб. Ящуров в Ницинской и Ирбитской слободах начал покупать хлеб по 20 алтын за четь; последние свои покупки он проводил уже по 23 алтына 2 деньги. В 1637 г. на Тюмени цена чети ржи в таможенную меру поднялась с 26 алтын 4 денег до 40 алтын; то же самое по слободе Ницинской. Во время закупок 1643 г. цены на рожь колебались от 7 алтын 1 деньги до 11 алтын 0,5 деньги за четь в казенную меру. При закупках Чернавина в Тюмени цена чети ржи в тюменскую таможенную меру поднялась от 16 до 25 алтын. На Верхотурье четь ржи в таможенную меру в 1643 г. покупали сперва по 8 алтын, а «по последней по большой цене» — 15 алтын; в 1644 г. — по 16 алтын 4 деньги и по 23 алтына 2 деньги. На подъем цен влияли и закупки промышленных людей. Обычной ценой восьмипудной чети ржи в 40-х годах на Верхотурье считалось две гривны или полуполтина. Эта цена значительно поднималась во время осенних закупок промышленников, когда последние платили по 4 гривны, по полтине, по 20 алтын, «а больше рубля за четь мало бывает». С 1623 по 1635 г. на государя покупали хлеб за четь «торговою» ценою в полтину, 4 гривны, 10 алтын, полуполтину, а по самой дешевой цене в 1625 г. купили на Верхотурье четь ржи по 4 алтына по по-

¹ Стлб. СП., № 150, лл. 243—247.

лутора деньги. В выписи о службе Сулешева отмечено, что он покупал хлеб «по 20 алтын и больши».¹

Описанное состояние рынка вызывало вмешательство царской администрации. Мы уже отмечали запрещение хлебных закупок в Верхотурском уезде, сделанное в отношении «сошных» людей. Наказными статьями Сибирского приказа запрещалось покупать хлеб «на скуп и на винное куренья» из-за опасения, чтоб тем в сибирских городах хлеб «не вздораживали». Приезд в Верхотурский и другие уезды для хлебной покупки разрешался лишь служилым людям по предъявлении специального воеводского отпуска, удостоверившего поездку за хлебом «про свою нужу». В связи с этим ограничивались и размеры сделок: «велети покупати четвертей по пяти и шти на человека, и больше 10 четвертей и на семью покупати не велети». На основании этих наказных статей в 1698 г. приказчик Камышенской слободы опечатал хлеб у 5 скупщиков, так как их запасы превышали размеры дозволенного. Правда, покупатели сбилч печати и, погрузив «сильно» хлеб «на барченно, да два каюцишка», уплыли, не заплатив даже и пошлины.²

Напряженное положение хлебного рынка, нужно думать, стало изживаться к концу XVII в. В связи с этим и были отменены указанные ограничения. По таможенным статьям 1694 г. «велено всяких чинов людям в сибирских городех и в уездах хлебные запасы купить свободно». Запоздалая деятельность камышенского приказчика вызвала осуждение Тобольска. Ему предписывали впредь хлебным перекупщикам «никаких приметок» не чинить. О том же, о чем говорят таможенные статьи 1694 г., свидетельствует и снижение цен на сибирском хлебном рынке. Обычную ценою четверти ржи (восьмипудной) в конце века в Верхотурском уезде считали 6—10 алтын. В самом начале XVIII в. даже в Тобольске,

¹ Кн. СП., № 184, лл. 88—103; стлб. ВУС., № 5, лл. 154—155; № 28, л. 13; стлб. СП., № 60, лл. 245—249; № 147, лл. 1—3, 39—52, 191—196; № 150, лл. 59—64, 213—215, 219—252, 289—309; РИБ, т. VIII, № 11, VII, стлб. 351.

² Стлб. ВУС., № 10, лл. 83—99.

жившем привозным хлебом,¹ «примерная» цена чети ржи равнялась 8 алтынам.² Приведенный материал позволяет расширить сделанное выше заключение. Верхотурский, Тюменский, Туринский и Тобольский уезды снабжали малопахенные и непашенные города своего и других разрядов не только податным хлебом — сбором с государевой десятинной пашни и оброчным, но и, в значительной мере, хлебом с собственных крестьянских пашен — через правительственные и частные закупки. Указанная территория для XVII в. была основным хлебным районом Сибири. Это знали и понимали не только местные жители или лица, часто бывавшие в этих уездах, но и сторонние наблюдатели. Именно такое впечатление произвели эти места на проезжавшего через них в конце века А. Brand. Он отметил в описании своего путешествия: «A l'égard du Pais, il doit être préféré aux autres, non pas tant à cause du grand nombre des Habitants, que pour la fertilité du terroir, de la quantité du Blé qui y croît parfaitement bien... Je puis dire que c'est le chemin le plus beau, le plus divertissant que l'on puisse imaginer. Car non seulement nous recontrâmes partout des Personnes, mais nous découvrimmes aussi avec étonnement des terres labourables, si bien cultivées, qu'on ne pouvoit rien voir de plus charmant».³

Характеризуя рассматриваемые области, известный С. Ремезов писал, что в «преславной» Сибири «воздух над нами весел и в мерности здрав... Земля хлебородна, овощна и скотна. Опречь меду и винограду ни в чем скудно. Паче всех частей света исполнена пространством и драгими зверьми безценными и торги, привозы и отвозы, привольные».⁴

¹ Еще в 1698 г. тобольские воеводы М. Я. и П. М. Черкасские указывали верхотурскому воеводе К. П. Козлову на необходимость неестественного подвоза хлеба в Тобольск, так как «в Тобольску всяким жильским людем без хлебных запасов надлежит скудость большая». Стлб. ВУС, № 10, лл. 99—102.

² Стлб. СП, № 1359, лл. 314, 316; кн. СП, № 1469, лл. 331—332; № 1444, лл. 72—100.

³ Relation du voyage de M-r E. Isbrand... par le Sieur Adam Brand. Ch. III, IV, Amsterdam, MDCXCIX.

⁴ Ленинград. Публ. 6-ка им. Салтыкова-Щедрина. Рукописн. отд. Эрмитажн. собр. № 237, л. 12.

Таким образом, к началу XVIII в. русское крестьянство, переселявшееся в Западную Сибирь и создававшее здесь новое земледелие, успело полностью разрешить задачу хлебоснабжения всего населения этого края. Его хлебные поставки в государевы житницы (хлеб с десятинной пашни и хлеб оброчный) к этому времени значительно превышали хлебные оклады всех ружников Западной Сибири. Из пашенных уездов Западной Сибири хлеб потянулся на Восток. И если податные хлебные поступления не покрывали общесибирских потребностей в хлебе, то и правительственная администрация и частные лица уже в XVII в. имели возможность обращаться к разбивавшемуся сибирскому хлебному рынку. И хотя общесибирский хлебный баланс, судя по сметным и пометным спискам, еще в начале XVIII в. сводился со значительным дефицитом, Сибирь в это время жила своим хлебом, и дефицит этот покрывался внутрисибирскими поступлениями, шедшими помимо официальных каналов. Значительную роль при этом, нужно думать, играл рынок. Не всегда еще справлявшийся с предъявляемыми к нему запросами, как, впрочем, не всегда справлялся с такими запросами и хлебный рынок Европейской России (поморский), он позволял жить лицам, не имевшим своей запашки и не получавшим хлеба из государевой казны. Своими ценами этот рынок уже в то время начинает привлекать внимание жителей несибирских уездов. Правда, для того времени речь может идти только о непосредственно граничивших с Верхотурским уездом селениях строгановских вотчин и их соседей. Все эти явления начинают менять представления о Сибири как сторонних наблюдателей, так и ее жителей. Из пустынной и бесхлебной страны она превращается в край «des terres labourables», в край «хлебороден», и «овощен», и «скотен». Нет сомнения, что дальнейшее развитие должно было поставить и поставило перед сибирским земледелием новые задачи, разрешить которые не всегда было легко. Но несомненно и то, что деятельностью крестьянства в рассматриваемый период была заложена основа, которая позволила решать и эти новые задачи.

Глава V

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОВИННОСТИ И РОСТ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ГНЕТА В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

«Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен Русской Правды и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем». ¹ В Сибири это положение нашло себе выражение в работе крестьян на государевых полях.

В течение всего XVII в. основной повинностью большинства сибирского крестьянства была обработка государевой десятинной пашни. В первые десятилетия ее существования в Сибири еще не выработался единообразный прием пашенного обложения. В этом отношении мы наблюдаем вначале значительный разноряд. Основное внимание воеводской администрации было устремлено на государеву пашню; дело развертывания собинной крестьянской запашки было предоставлено инициативе и упорству самого крестьянства. Поэтому мы наблюдаем и такие формы хозяйства, когда собинная запашка отсутствует совсем или, во всяком случае, не является основой крестьянского существования. Переписная крестьянская книга по Таре 1626 г. отметила 7 крестьян, которые обрабатывали 2 десятины в поле государевой пашни. Они получали из государевой казны «месячный хлеб и на одежду платие и для пашни лошади и сошки и для изделий косы и серпы». ² В данном случае работы на государе-

вой пашне сопровождалась казенным содержанием крестьянина. В 1596 г. папшенные крестьяне Пелымского уезда обрабатывали государеву пашню из четвертого снопа. По их челобитью доля была увеличена до половины государева хлеба за вычетом семян на пашню. ¹ Отдельная собинная запашка в данном случае, очевидно, также отсутствовала. Наряду с этим обработка государевой пашни шла в большинстве случаев параллельно с обработкой собинной. При этом строгого и повсеместного соответствия между той и другой, нужно думать, не существовало.

Это соответствие вырабатывалось постепенно и было установлено окончательно Ю. Я. Сулешевым в приговоре, получившем позднее название «первого оклада» в Сибири. При введении вытного счета Сулешев положил для Тюменского и Туринского уездов крестьянской пахонной земли на выть по 20 четей, а государевой десятинной пашни по 2 десятины с четью; по Тобольскому и Верхотурскому уезду собинной пашни на выть было положено по 25 четей, а государевой по Верхотурскому уезду 2 десятины, а по Тобольскому две с четью. Уменьшенная тяжесть обложения верхотурских крестьян мотивировалась тем, что тобольские косят на государя сено и «детей да и братья и племянников у них меньше». Несколько позднее верхотурские подгородные крестьяне, по их челобитью, получили добавочную льготу. При 2 десятинах государевой пашни на выть, собинной для них было положено по 30 четей, «для того, что подгородняя земля... средней». Так был утвержден для Сибири принцип выполнения работ на государевой пашне за право работы на собинной и строгого соответствия их размеров, которого стремились придерживаться весь XVII и два первых десятилетия XVIII в. ² В своих расчетах сулешевский оклад, по всей вероятности, опирался на предыдущую практику. За это, кроме приведенных в главе IV соображений, говорит и следующее обстоятельство. Проверка соотношений собинной и государевой за-

¹ В. И. Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 242.

² Кн. СП, № 11, л. 426. Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцов и книг Сибирского приказа, т. I, стр. 140, М., 1895.

¹ Буцаевский П. Н. Цит. соч., стр. 164.

² Стлб., СП, № 1673; кн. СП, № 5, лл. 147—148 и сл.; № 378, лл. 1—11; № 535, лл. 417—419; ПСЗ, 1701, 1, 5.

пашки, согласно новому окладу, по Тобольскому и Туринскому уездам выявила картину почти полного совпадения требуемого соотношения с имевшимся в действительности. В Тобольском уезде по новому окладу пришлось накинуть лишь 1 десятину с четвертью, а в Туринском сбавить 1 десятину.¹ В пределах установленного Сулешевым соотношения и старались поддерживать повинности в позднейшее время. Им руководились при устройстве новых крестьян, определении их тягла и размеров отводимых им пахотных угодий. Его стремились поддерживать и по отношению к крестьянам старым. Ряд крестьянских слободских книг начала XVII в., наряду с описанием государевой пашни, тщательно отмечает и размеры пашни собинной, доказывая этим существование изложенного соответствия и надзора за ним.

И все же этот надзор даже в первой половине века по отношению к собинной пашне не всегда был действителен. Собинная пашня часто ускользала от повседневного внимания воеводской администрации. Это явление стало особенно заметным позднее, при увеличении масштабов крестьянского сева. Оно вызывалось также и тем, что крестьянский участок чаще всего не ограничивался вспаханым полем, а включал еще и необработанную землю — «дикое поле», т. е. внутри самого крестьянского участка сохранялась возможность изменения размеров собинной пашни. К этому нужно прибавить возможность освоения новых заимок, существовавшую если не по всем слободам, то по многим. Слободская администрация, занятая хлопотливым управлением государевыми десятинами, не очень внимательно смотрела за собинными. Отмеченное самостоятельное прискивание земель, а также их захват, мена, купля, продажа вели к нарушению установленного при поселении соотношения величины участка и тягла. Перемены в индивидуальном крестьянском хозяйстве нарушали это соответствие тем легче, чем меньше государева администрация следила за ним. Текущие же слободские крестьянские книги в конце века не только не учитывают изменений в собинной пашне, но и не отмечают ее отвода, даже

¹ Кн. СП, № 5, лл. 105, 647.

при устройстве на землю нового пришлого человека. Так, в 1701 г. в Бешкильскую слободу, «по пересмотру» приказчика Ивана Ремезбицкого, явились пришлые люди из русских городов и из Поморья, которым было велено пахать десятинной пашни: 1) Борису Митрофанову сыну ямщикову, — полполчети десятины в поле, 2) Михаилу и Василию Яковлевым — полчети десятины в поле. По характеру данной записи видно, что в начале XVIII в. в крестьянской книге определена лишь величина казенной пашни и определена она на основании учета рабочей силы, т. е. по полполчети на работника.¹ Вот почему уже лет через десять с небольшим после дозора Сулешева в Сибирском приказе, на основании допросов сибирских людей, утверждали, что многие крестьяне «после боярина кн. Ю. Я. (Сулешева) в десятинной пашне облегчились, против того первого окладу десятинные пашни учили не допахивать. А иные крестьяне... порозжились и пашни свои учили пахать сверх прежнего окладу многие, которому крестьянину довелось пахать окладу государева десятинная пашня десятина, а своей пашни довелось ему пахать против первого окладу 5 десятин с полудесятиною, а иному 5 десятин — и те крестьяне пашут на себя своей пашни десятин по 10, а иные по 15 на человека и больше». Проверить эти сведения Приказ, по его признанию, не мог, так как «о том дозоре не бывало».

Это сознание недообложенности крестьянства приводило время от времени к пересмотру собинных и государевых пашен и установлению новых окладов и «прибавочной» пашни. В наказ сибирским воеводам вносилось указание на необходимость «распросить накрепко можно ли на которых пашенных крестьян к старой пахоте государевой десятинной пашни и посопного хлеба прибавить... чтоб учинити государю прибыль, а крестьянам бы в том большой тяжести не навести».² Уже в 1631—1633 гг. при тобольском воеводе А. Телятевском проводился общий пересмотр пашенного оклада по всем уездам разряда. На основании пересмотра были установле-

¹ Кн. СП, № 1480, л. 256.

² Стлб. ВУС, № 42, лл. 1—107.

ны поездные нормы прибавочной пашни. При этом Тобольск подозревал своих агентов в излишней мягкости при обложении. Если Сибирский приказ упрекал приказчиков слобод, что они «для своей бездельной корысти» воеводам не сообщают об истинных размерах пашни зажиточных крестьян, то А. Телятевский утверждал про туринского воеводу Гурья Волицева, что он не обеспечивает полной запашки прибавочной пашни, «сведая на себя от крестьян челобитье и тем к ним добряся». ¹ В 1659 г. по распоряжению из Тобольска производилась новая перепись и перемер собинной и десятинной пашен. А в 1660 г. тобольский воевода И. А. Хилков и дяки Г. Головин и С. Румянцев, слушав выписки из переписных книг, приговорили прибавить государевой десятинной пашни и оброчного хлеба на лишнюю собинную пашню. ² В 1668 г.

¹ Стлб. СП, № 34, лл. 7—64. О величине оклада Телятевского можно судить по Туринскому уезду. По показанию самих крестьян, они пахали в 1636 г. всего 195 государевых десятин. В эти 195 десятин включены 26 десятин, подбавленные Телятевским. Таким образом, прибавочная пашня составляла примерно 15% к основной. Стлб. СП, № 60, л. 67.

² О величине прибавочной пашни, накинута на крестьян при Хилкове, можно судить по данным списка с росписи пашенным крестьянам книги Сибирского приказа № 388. Она дает следующие цифры:

Слобода	Пахали государеву десятинную пашню до Хилкова	Прибавлено при Хилкове	% надбавки
Нижненицинская	64 десятины без чети и полпшчети в поле	8,5 десятины	13
Верхненицинская	26 десятин с полудесятиной и с полчетью	15 десятин с полпшчетью	57
Чубаровская	24 десятины без полчети	17 десятин с четью	72
Киргизская	50 десятин с полчетью	53 десятины с полчетью	105
Новая Беляковская	2 десятины	2 десятины с полчетью	106
Новый Исетский острог	4 десятины без чети	4 десятины с полчетью	109

прискивал государеву прибыль П. И. Годунов. В этом году были высланы в уезды Тобольского разряда переписчики для описи пашен. При рассмотрении в Тобольске переписных книг, на пашенных крестьян 10 слобод Тобольского уезда и на тюменских крестьян было прибавлено 120 десятин с четью в поле государевой пашни. В том же 1668 г., по распоряжению Годунова, землю перемеривали «троеаршинною саженью», причем обнаружили преуменьшенность прежнего измерения. В связи с этим по ряду слобод было «примерено» 28 с лишним десятин в поле, подлежащих дополнительной обработке. Всего Годуновым «прибавочных» и «примерных» пашен было накинута на крестьян 148,5 десятины в поле. По своим размерам годуновская накладная пашня была не меньше, если не больше, чем при предшествующих окладах. ¹ В 1680 г. Л. М. Поскочину было велено ехать в Сибирь — на Верхотурье, на Пелым, в Туринск, на Тюмень, в Тобольск, на Тару, так как в Сибирском приказе вновь стало известно, что сибирские крестьяне пашут десятинную пашню «не против указу, а иные и не пашут, живут на льготе». Л. Поскочину предписывалось «досмотреть и сметить и переписать

По Верхотурскому уезду в целом было накинута 30 десятин с четью и малой четью в поле, на тюменских крестьян 10 десятин с полудесятиною без полпшчети.

По выписи в доклад по Сибирскому приказу 1642 г. в Верхотурском уезде считалось всей десятинной пашни 392 десятины, а в Тюменском 104 десятины. Таким образом, пашенная надбавка Хилкова будет равняться примерно 8% к основной пашне по Верхотурскому уезду и 9% по Тюменскому. Стлб. СП, № 594, лл. 171—178; стлб. ВУС, № 15, лл. 36—39; № 22, лл. 154—155; № 214, лл. 64—68; кн. СП, № 387.

¹ По выписи о дополнительном обложении П. И. Годунова прибавка по пашенным слободам располагалась следующим образом: на Куларовскую слободу прибавлено 2,35 десятины, на Н.-Ницинскую — 11,8, на В.-Ницинскую — 7,56, на Чубаровскую — 14,5, Киргизскую — 23,75, Исетский острог — 14,25, Мехонинскую слободу — 2,75, Беляковскую — 1,85 и на тюменских крестьян — 35,06 десятины. По отношению к старой пашне величина новонакладной значительна. По слободе Н.-Ницинской новонакладная пашня составила около 12% старой, по В.-Ницинской 13%, по Киргизской 22%, по Чубаровской более 25%. По отдельным слободам этот процент очень поднимался. По Беляковской, например, он был приблизительно равен 134. Кн. СП, № 535, лл. 419—602.

всякого человека порознь». Перепись Л. Поскочина легла в основу нового пересмотра обложения.¹ В 1695 г. слободы Тобольского уезда переписывал дворянин И. Полозов.² В текущем порядке шли более мелкие переоклады.

Согласно указаниям центра и собственным заявлениям сибирской администрации все эти повторные оклады имели своей целью приведение обложения в соответствие с первым сулешевским окладом, т. е. установление принятого соотношения между государевой и собиной запашками. Но вместе с тем уже в первой половине XVII в. проскальзывает мысль о возможности другого принципа обложения. А. Телятевский

¹ Приводим сведения о величине накладной пашни по переписи Л. Поскочина в отношении пашенных слобод Верхотурского уезда:

С л о б о д а	Старый оклад	Прибыло по новому окладу	% прибавки
Верхотурская подгорная . . .	80 десятин	3 десятины с полчетью и полполчетью	3.9
Тагильская . . .	72 десятины с полчетью и полполтретью и полполчетью	5 десятин и полполчети	7.0
Невьянская . . .	199 десятины с четью	40 десятин с полдесятиной	20.0
Арамашевская . .	32 десятины с четью	14 десятин с полдесятиной	45.0
Нидинская-Ощепкова	41 десятина без полчети и полполчети	7 десятин с полполчетью	17.0

По подсчету Л. Поскочина всего в Верхотурском уезде старого оклада было 415 десятин с полдесятиной, а по письму прибыло 70 десятин с половиной. Новоприбавочный оклад по всему уезду в целом составил, таким образом, 17% к старому. Кн. СП, № 697.

² Кн. СП, № 1111.

писал в Москву, что новую пашню при нем накладывали «смотря по семьям и по животом и по прожитком прямо в правду». Он же объяснил дополнительное обложение б туринских пашенных крестьян тем, что они «объявились в дозорных книгах прожиточны и семьянисты». Такое же объяснение дано и по отношению к невьянским и тагильским крестьянам: «тагильские и невьянские и туринские пашенные крестьяне прожиточны и семьянисты и промышляют всякими промыслами». Этот признак платежеспособности населения — «прожиточность и семьянистость» — мог часто совпадать с прежним признаком — «величина собиной запашки», но не всегда и не обязательно. Иногда оба эти признака комбинировались. В 1686 г. на томенских крестьян прибавили к старому окладу вновь 7 с лишним десятин — на «лишние их собиные пахоты и по семьям и по пожитком». Но всеобщего признания высказанный Телятевским принцип обложения не получил; основным оставался принцип соотношения собиной и государевой пашни. Но и он, несмотря на повторные дозоры и переоклады, не смог быть осуществлен полностью. В начале XVIII в. воеводская администрация стоит перед тем же явлением, изжить которое она стремилась еще в первой половине XVII в. Данные крестьянских книг XVII в. говорят

¹ Стб. СП, № 60, лл. 68—87.

² Там же, № 34, лл. 7—64.

³ Кн. СП, № 968, лл. 327—329.

⁴ Не получил широкого распространения и другой прием обложения пашенных крестьян — выделный хлеб. В течение всего XVII в. выделный хлеб платился крестьянами в размере 5-го снопа с «лишних» пашен. Тобольский воевода Буянов-Ростовский указывал в 1650 г. верхотурскому воеводе Хитрову на необходимость «описывать и сметать накрепко», сколько крестьяне пахут собиной пашни, «а что будет сверх окладу пахут и с тое их лишние пашни велети взяти на государя выделный из всякого хлеба 5-й сноп». При принятой в XVII в. системе обложения пашенного крестьянства сбор выделного снопа рассматривался как временная мера, действовавшая до переоклада. В этом смысле на Верхотурье и было дано разъяснение: «с крестьян старых выделу не брать, так как они платят прибавочный хлеб или пахут прибавочную пашню». Поэтому если и обиди поступлений с крестьян выделный хлеб и имел место, то всегда незначительное. Стб. ВУС, № 3, лл. 80—85; № 22, лл. 154—155; № 60, лл. 45—51 и др.

о том, что размеры казенной запашки на крестьянский двор не стояли в связи с величиной рабочей силы двора. Именная книга пашенным крестьянам Бешкильской слободы за 1707 г.,¹ сообщающая, кроме обычных сведений, еще и возраст обитателей двора, дает возможность заключить, что часть дворов различной рабочей мощности имела одинаковый пашенный оклад или что двор с меньшим количеством рабочих рук пахал больше, чем двор более работоспособный. Так: 1) Аника Иванов сын Букин, у него сын Алексей 5 лет, пашет государевой десятинной пашни полдесятины в поле, «а в дву потому ж»; 2) Федор Семенов сын Медведников пашет государевой десятинной пашни полдесятины в поле, «а в дву потому ж»; 3) трое Пегровых пахут также полдесятины в поле; 4) также пахали полдесятины в поле Дмитрий Созонов с сыновьями Матвеем 26 лет, Иваном 20 лет, Иваном же 19 лет и Никитой 13 лет; 5) наконец, Семен Макаров с сыном Саввою 20 лет пахал полполчети десятины в поле. Если приравнять оклад каждого из названных дворов к 1 десятине, то мы будем иметь следующий ряд, показывающий обеспеченность десятины пашни рабочей силой: в первом и втором дворах 2 работника на десятину, в третьем — 6, в четвертом — 9, считая подростка за полрабочего, в пятом — 32. Это резкое несоответствие обеспеченности рабочей силой размерам поля едва ли могло быть в нормальных условиях на собиной пашне крестьянина.² Естественно предположить, что это несоответствие существовало только на казенной пашне, т. е. установленное расхождение величины рабочей силы и величины оклада выражало расхождение величины окладного и собиного полей. Таким образом, действительность опять уклонялась и от расчетов Сулешева и от расчетов Телятевского. Было бы ошибочно думать, на основании постоянных пояснений Приказа и приказных изб, что это уклонение происходило только вследствие роста крестьянской запашки и «попоровки» приказчиков и означало только недообложенность крестьянских полей. Иногда мы наблюдаем и

¹ Кн. СП, № 1480, лл. 251—255.

² Книга Бешкильской слободы 1707 г., как и книги по другим слободам, к сожалению, не регистрирует размеров собиной пашни.

обратное явление. Воеводская администрация сама, когда это считала выгодным, уничтожала всякое подобие соответствия размеров государевой и собиной пашни. В Тобольске старались не допускать уменьшения раз достигнутых размеров казенной запашки. Крайне редки указания на выключение из оклада какой-либо пашни. Между тем часть собиных хозяйств приходила в упадок, уменьшалась, иногда исчезала совсем. Эти исчезновения вызывала или смерть дворохозяина, не оставившего наследника или просто желающего вступить в тягло с его двора, или бегство крестьянина и т. д. Но исчезало при этом хозяйство, а не оклад. Государство сохраняло последний, переложив его на поручителей (при бегстве) или на всех крестьян слободы вместе. Так, в Н. Ницинской слободе «за Петра Околелова пахут десятину без полчетверти все крестьяне згоном, а он (Петр) умре». Так же пахали згоном за Федора Леонтьева, «а он, Федор, умре, остался у него сын Григорий в малых летах». 170 пашенных крестьян Туринского уезда в 1633 г. пахали государеву пашню за 49 «выморных» и беглых крестьян. При общих размерах государевой пашни по острогу в 180 десятин пашня «выморная» равнялась 47 десятинам.¹

Сложность принятой системы обложения, требовавшей пристального наблюдения за собиной запашкой и постоянных перемеров, приводила к мысли о замене ее более простой и потому более удобной. Вот почему указанная выше система обложения пашенного крестьянства, просуществовав весь XVII в. и первые два десятилетия XVIII в., уступила место другой. В 1721 г. и номинальная зависимость размеров государевой пашни от размеров собиной была отменена. Приказом Сибирского губернатора Черкасского было велено «Сибирской губернии пашенным крестьянам пахать десятинной пашни на каждый двор по десятине и полчетверти десятины в поле, а в дву потому ж», независимо от размеров их собиных пашен.²

Другой формой обложения крестьянства Сибири был об-

¹ Кн. СП, № 1449, лл. 89—116; стлб. СП, № 60, л. 67.

² «Северный архив», ч. 18, 1825. Док. М. Ф. Долгорукова.

рок хлебом. Последний имел место очень рано. Его предусматривал в своем уложении уже Ю. Я. Сулешев, определивший и нормы его сбора. «А по прежнему... указу и приговору боярина и воеводы кн. Ю. Я. Сулешева... оброчным крестьяном, которой крестьянин станет на себя пахать пашни по 5 десятин в поле (половина выти), оброчного хлеба платить 10 четей ржи, 10 четей овса на год», — ссылаясь на авторитет Сулешева П. И. Годунов при переокладе оброчных крестьян Тобольского уезда. Таким образом, для Тобольского уезда 1 десятина в поле государевой пашни при переводе на оброк приравнивалась 10 четям ржи и 10 четям овса. Именно из такого расчета был положен хлебный оброк на лучшего семьянистого и прожиточного крестьянина Емельянова в количестве 35 четей ржи и 35 четей овса, а «только положить на пример... довелось пахать полчетверты десятины». Как и десятинная пашня, оброк не был одинаков для всех уездов разряда. С верхотурских крестьян он брался в значительно большем размере. Кафтырев указывал в 1641 г., что на Верхотурье и в Верхотурском уезде крестьяне платят оброчный хлеб из расчета за десятину государевой пашни по 20 четей ржи и по 25 четей овса на год. Таким образом, тобольские крестьяне платили хлебный оброк против верхотурских «вполю». Но и по Верхотурскому уезду хлебный оброк не был одинаков. В 1659 г. И. А. Хилков напоминал верхотурскому воеводе И. Камынину про оброчный оклад воеводы А. Телятевского, введенный в 1631 г.: «за государеву десятинную пашню по их крестьянскому уговору велено платить з государеву казну оброчный хлеб: верхотурским подгородним крестьяном платить оброчного хлеба з 2 десятин по 35 чети ржи, по 65 чети овса... а тагильским государевым крестьяном... платить... за 2 десятины государевой пашни 55 чети без полуосмины ржи, по 51 чети без полуосмины овса... а белослудским и ирбитским з 2 десятин государевой пашни по 40 четей ржи, по 50 четей овса». Судя по этой же отписке, тюменские крестьяне платили оброчный хлеб наравне с тобольскими — по 10 четей ржи и по 10 четей овса с полувыти (за 1 государеву десятину). Размеры собиной пашни на выть сохранены те же, что и для пашенных крестьян. Разнообра-

зие оброчных окладов объясняется двумя причинами: во-первых, оно отражало поуездные различия в величине государственной пашни на выть, так как расчет оброчного оклада основывался на десятинном и был лишь его переводом на хлебные меры; во-вторых, при этом переводе принимали во внимание различие и между уездами и между слободами в плодородии почвы, т. е. в урожайности полей. Половинный, по сравнению с верхотурским, тобольский оклад объясняли тем, что «тобольские земли верхотурских земель хуже», что на первых в умолоте бывает «виятеро», а на вторых «вдесятеро».¹

Отдельные случаи перевода пашенных крестьян на оброк наблюдаются на протяжении всего XVII в. Мы отметили выше существование оброчных крестьян при Сулешеве, перевод на оброк при Телятевском. Согласно выписи в доклад по Сибирскому приказу 1674 г. хлебооброчные крестьяне были под Тобольском, в Куларовской слободе, Липовской, Мурзинской, Кайтаском остроге, Туринской слободе, под Верхотурьем, под Туринским острогом и под Тюменью. В этом году в слободах Тобольского разряда считали 2959 дворов пашенных крестьян и 944 двора крестьян хлебооброчных. Последние составляли, следовательно, 24% всего крестьянского населения.² Несмотря на дальнейший перевод некоторой части крестьянства на хлебный оброк, процент оброчного крестьянства до 20-х годов XVIII в. не увеличивался. Передача же в 1705 г. населенной слободы Катайского острога воеводам сильно уменьшила количество хлебооброчных крестьян. Между тем по крайней мере часть крестьянства осознавала преимущества оброка перед государевой десятинной пашней. Туринские крестьяне в 1641 г. сами били челом о переводе их на оброк. Подобные настроения пробивались и в правительственной среде. В Сибирском приказе одно время считали, что при замене десятинной пашни оброком крестьянам «в оброчном хлебе против десятинной пашни было бы безволокит-

¹ Стлб. СП, № 102, лл. 308—317; № 1673; кн. СП, № 387, лл. 1—11; № 535, лл. 417—419.

² Стлб. СП, № 885.

но и легче, что по всяк день будут по домам, а на государеву пашню их не спросят к пашне и к молодьбе». И несмотря на это, оброк за XVII и начало XVIII в. развивался слабо. Еще в XVIII в. сибирская администрация считала этот перевод опасным. В 1725 г. сибирский губернатор Долгорукий писал в Сенат: «и ежели десятинной пашне не пахать, то крестьяном всей земли будет не вспахать. А хотя и покупать в разных местах провиант, то здешним обывателем купить будет про свою нужду негде, и вельми хлеб в то время будет дорогою ценою в продажу». ¹ Отсюда забота о поддержке казенной запашки. Уже в XVIII в. мы наблюдаем иногда ее увеличение за счет оброка. В Чубаровской слободе в 1701 г. 3 чел. платили денежный оброк, «и с них денежный оброк снят, а положена десятинная пашня десятина с четыю и с получетью». В Суерской слободе 37 крестьян переведены с денежного же оброка на пашню. Вместо оброка в 16 руб. 27 алтын 3 деньги на них было положено 17 десятина и полполчети в поле. В 1713 г. распорядились относительно туринских крестьян: «оброчных денег с них брать не велено, а велено им всем пахать десятинную пашню». ²

Принцип взимания оброчного хлеба был тот же, что и в десятинной пашне: весь XVII в. оброк определялся величиной собинной запашки. Теми же средствами и с таким же успехом пытались поддерживать это соответствие. Пересмотр собинных пашен шел всегда для всех крестьян независимо от формы отбывания государевых повинностей. Для пашенных, так же как и для оброчных, устанавливалась величина собинной пашни, и, исходя из нее, исчислялась, на основе сулешевского уложения, величина государевой пашни. Для оброчных крестьян начисленные таким образом государевы десятины переводились лишь по приведенному выше расчету на хлебные чети. Так наряду с надбавочной пашней появлялся время от времени надбавочный хлеб. В 1721 г. эта система была изменена применительно к изменениям в расчетах казенной пашни. Хлебным «обротчиком» было предложено с

¹ «Северный архив», ч. 18, стр. 119, 1825.

² Памятники сибирской истории XVIII, в. вып. II, 6, стр. 26.

каждого двора давать оброка по 4 четверти без полуосьмины ржи и столько же овса. Позднее подворное обложение было заменено подушным. В 1762 г. омская управительская канцелярия давала справку, что омские крестьяне, по распоряжению сибирского губернатора Саймонова, платят «оброчного провианта» с каждой души по 6 четвериков ржи и столько же овса. ¹

Более поздним по возникновению, но достигшим значительных размеров был третий вид обложения сибирского крестьянства — денежный оброк. Невьянский и арамашевский старосты заявляли в 1693 г., что «их братья» пашенные крестьяне «ставали на денежный оброк своею охотою». По выписи из окладных книг оказалось, что из десятинной пашни перевелись или вновь встали на денежный оброк 2 крестьянина по Тагильской слободе, 19 крестьян по Невьянской слободе, 8 крестьян по Арамашевской, 7 ирбитских крестьян и 5 белослудских. ² В 1694 г. крестьянин Арамашевской слободы Неверовых был переведен с пашни на денежный оброк, по его челобитью, «за увечьем». ³ О переводе на денежный оброк с пашни был челом в 1699 г. крестьянин Невьянской слободы Савиных ⁴ и т. д.

При переводе на денежный оброк, как и при переводе с пашни на оброк хлебный, в основу расчетов клалась пашенная повинность. При этом обработка десятины казенной пашни приравнивалась 40 алтынам оброка. Таким образом, за полную выть должны были платить 80 или 90 алтын. Расчет размеров собинной пашни сохранялся тот же, что и при пашенном окладе. Однако этот принцип перерасчета не всегда выдерживался. Так, при переводе на денежный оброк крестьян Невьянской слободы Г. Самочерного и С. Остафьева, пахавших по чети десятины, их обложили по 25 алтын 2 деньги. Крестьянин той же слободы И. В. Чечулин вместо 1 де-

¹ «Северный архив», ч. 18, 1825. Док. М. Ф. Долгорукого; Головачев, Сибирь в Екатерининской комиссии, стр. 82; Потанин, Материалы, стр. 219.

² Стлб. ВУС, № 11, лл. 157—165.

³ Там же, № 13, лл. 128—135.

⁴ Там же, лл. 170—175.

сятины государевой пашни стал платить оброка 23 алтына 2 деньги. П. Дудину, пахавшему 1 десятину без чети казенной пашни, установили оброк в 2 руб. Фед. Малыгину и братьям Деевым, обрабатывавшим по полчети государевых десятин, назначили оброк: первому в 12 алтын 4 деньги, а вторым в 5 алтын, и т. д.¹ По всей вероятности, в основу обложения здесь был положен принцип посильности.

К началу XVIII в. количество денежнооброчных крестьян было значительно. Так, по Тобольскому уезду оброк деньгами в это время вносили 22 слободы. Кроме того, отдельные денежнооброчные крестьяне жили в пашенных и хлебооброчных слободах. Так, в пашенной В. Ницинской слободе из 271 чел. десять «сидело» на денежном оброке; деньгами же платил 1 чел. в Чубаровской слободе; в Туринской слободе денежный оброк вносили 22 чел. и т. д. Ряд случаев перевода отдельных крестьян на денежный оброк мы привели выше. По своей численности денежнооброчные крестьяне немногим превосходили одну треть государевых крестьян, около 34%. Нужно отметить, что правительство сдерживало переход крестьян на денежный оброк. Выше мы привели ряд случаев перевода в первые два десятилетия XVIII в. крестьян с денежного оброка на десятинную пашню. Для XVII в. можно указать на слободу Китайского острога. До 1669 г. она платила оброк деньгами; после передачи ее в 1669 г. из Верхотурского уезда в Тобольский денежный оброк был заменен хлебным из расчета по 8 четей ржи и по 8 четей овса с десятины на год.²

Таким образом, десятинная пашня в течение всего XVII и начала XVIII в. была основной формой тягла сибирского крестьянства. В сознании сибирской администрации остальные формы тягла, денежный и хлебный оброки, были лишь добавочными и производными. Установление их размеров строилось на предварительном определении размеров тягла в пашенном окладе, и потом лишь производился перевод на денежные или объемные меры. Это позволяет в следующем

¹ Стлб. ВИС. № 13, лл. 128—135, 157—163.

² Кн. СП, № 535, лл. 1006—1046.

изложении сосредоточить основное внимание именно на пашенном тягле.

Выше мы проследили относительную величину пашенного оклада, т. е. его соотношение с пашней собиной. Установить абсолютные его размеры труднее. В связи с изложением вопроса об обеспеченности двора скотом и о хлебной торговле был приведен материал, характеризующий неравенство экономической мощности крестьянских дворов. Это неравенство, часто очень резкое, не могло не отразиться и на величине собиных запашек. В Сибирском приказе в связи с обложением подчеркивали значительные размеры сибирской крестьянской пашни: «и те крестьяне папуг на себя своей пашни десятин по 10, а иные по 15 десятин на человека и больше». Это утверждение требует серьезных оговорок. Наличие крестьян с большой запашкой несомненно. Лучший тобольский крестьянин С. Емельянов с 8 детьми пахал более полутора вытей, т. е. более 20 десятин. Его примерный пашенный оклад равен 3,5 десятины государевой пашни. В своей челобитной 1632 г. туринские крестьяне также отмечали оклад в 3 десятины с четью. Но подобные примеры были не часты. Большинство сибирских крестьян пахало значительно меньше. В своем высказывании Сибирский приказ ориентировался явно на исключительные явления. По переписи Л. Поскочина 1680 г. размеры крестьянских собиных пашен по слободам Тагильской, Невьянской, Арамашевской, Ницинской, Камышенской, Пышминской и Чусовской-Уткинской выглядят следующим образом:¹

Размеры собиной пашни (десятин в поле)	Количество случаев	% к общему числу случаев	Размеры собиной пашни (десятин в поле)	Количество случаев	% к общему числу случаев
Менее 1	47	4,6	От 4 до 5	99	9,8
От 1 до 2	317	31,5	" 5 " 6	32	3,3
" 2 " 3	326	32,4	" 6 " 7	16	1,6
" 3 " 4	166	16,5	" 7	3	0,3

¹ Кн. СП, № 697.

Таким образом, большинство крестьян Верхотурского уезда пахало в это время от 1 до 3 десятины в поле, или, в переводе на принятый теперь счет, от 3 до 9 десятин. Наибольшая запашка отмечена по Арамашевской слободе — 7 десятин с четвертью в поле, наименьшая — четыре десятины — встречается в ряде слобод. Величина собинной запашки колебалась и по слободам в зависимости от местоположения слободы, времени основания и т. д. Так, размеры собинной запашки по слободам Катайского и Колчеданского острогов дают несколько иную картину, отличную от только что приведенной:¹

Размеры собинной пашни (десятины в поле)	Количество случаев	% к общему числу случаев	Размеры собинной пашни (десятин в поле)	Количество случаев	% к общему числу случаев
Менее 1	30	8,2	От 4 до 5	9	2,4
От 1 до 2	188	51,7	« 5 » 6	—	—
« 2 » 3	98	26,9	> 6 » 7	1	0,3
« 3 » 4	37	10,2	7	1	0,3

Давая те же колебания в величине собинной пашни на двор, материалы Катайского и Колчеданского острогов говорят о более мелких пашенных участках, нежели мы это видели по вышеприведенным слободам. Здесь почти вдвое больше участков размером меньше десятины и значительно более участков размером от десятины до двух. Участки больших размеров в слободах Колчеданского и Катайского острогов встречаются значительно реже. Пестрота размеров собинных пашен соответствовала и пестроте пашенных окладов. По Верхотурскому уезду оклад накануне переписи Л. Поскочина равнялся в среднем 0,38 десятины в поле. После переоклада он был поднят до 0,44 десятины. В отдельных случаях этот оклад колебался от полполчети до десятины и более на двор. Подсчет данных начала XVIII в по Тобольскому уезду дает аналогичную картину. Так, по Нижнеиницинской слободе размеры государевой пашни на

¹ Кн. СП, № 1444. Переписная книга Полозова 1695 г.

один двор колебались от полуторы десятины до полполчети в поле, в среднем равняясь 0,6 десятины в поле. При всей пестроте налоговых окладов, отражавшей неравномерность хозяйственной мощи отдельных крестьянских дворов, мы наблюдаем некое единообразие, или по крайней мере стремление к единообразию, в напряженности налогового обложения.

Сибирское крестьянство считало это обложение не легким. В 1642 г. верхотурские подгородные крестьяне били челом о льготе в десятинной пашне. Такую же челобитную подали крестьяне тагильские и невьянские.¹ Крестьяне Туринского острога заявляли в 1642 г., что они пахали десятинную пашню «с великою нужею, потому что положена де на них государева пашня при боярине кн. Ю. Я. Сулешеве во 1625 году не в силу».² Особенно отмечали в своих челобитных крестьяне тяжесть прибавок, налагаемых на них в связи с проверкой соответствия размеров их собинных пашен пашенному окладу. В упомянутой выше челобитной крестьяне Тагильской слободы указывали на то, что с 1623 по 1632 г. на них произведено 5 пашенных накидок: 1) по указу Сулешева — 16 десятин, 2) по указу Гагарина — 7 десятин, 3) по сыску Шульгина — 3 десятины, 4) при воеводе Плещееве — 5 десятин, 5) по книгам Неудачи Молчанова 1631 г. — 13 десятин. Крестьяне Ирбитской слободы во главе со старостой и целовальниками заявляли в 1661 г., что на них был положен в свое время Воинном Корсаковым большой хлебный оброк «накладной вново», при Лье Измайлове «другой накладной», в текущем году третий накладной оброк и что, в конце концов, «тот хлебный оброк платить стало невмочь».³ Тагильские крестьяне в 1632 г. в своей челобитной ставили вопрос о тех же надбавках, «а иные пашенные крестьянники наши братья от тех сильных погодных прибавочных пашен збежали за волок безвестно».⁴ В наиболее широким виде сформулировали этот вопрос тобольские оброчные и пашенные крестьяне в своей челобитной, поданной

¹ Стлб. СП, № 65, лл. 402—406, 409—417.

² Стлб. СП, № 60, лл. 68—87.

³ Стлб. ВУС, № 16, л. 78; стлб. СП, № 65, лл. 409—414.

⁴ Стлб. СП, № 32, лл. 160—164.

в связи с надбавками Годунова: «с прошлых, государь, давних лет жили мы, сироты ваши, в Сибири в Тобольску на вашей государевой оброчной пашне изстари до приезде боярина и воеводы кн. М. И. Хилкова и платили мы, сироты ваши, вашу государеву казну оброчный хлеб по вся годы сполна в вольность, а не в тягость. И слыша и видя такое ваше христианское житие в Сибири в вольности, а не в тягости, и в силу, а не в налогу, приходили к нам с Руси детиска наши и братья и племянники. И приходя многие в Тобольску и по всей Сибире в пашню и в оброк селились вновь и в том чинилась в вашей государеве казне прибыль большая вечна и прочна и стоятельна. А в прошлом, государь, в 167 (1659) году... положено на нас, сирот ваших, вновь оброчного хлеба больше на прежние же наши отводные оброчные земли в неволю и не в силу... в большую тягость и в налогу». Перечисляя далее «налоги» Годунова, крестьяне заключали свое челобитие указанием на то, что им теперь «и старого тягла платити нечем».¹

Заявления крестьян на рост и тяжесть пашенного и оброчного обложения находят подтверждение в наличии недоимок как по государевой пашне, так и по оброчному хлебу. Сибирский приказ заявлял в 1642 г., что верхотурские пригородные и слободские крестьяне «неведомо зачем сполна хлеба не выплачивают». То же самое отмечено было и в отношении пашенных крестьян: «многие пашенные крестьяне в десятинной пашне облегчились... десятинной пашни учали не допахивать». Заявление Приказа не было необоснованным. Недопадка, действительно, имела место. В 1661 г. верхотурский воевода Камынин представил в Тобольск следующие сведения о состоянии обработки новонакладной пашни. По Тагильской слободе из наложенных 4 десятин с полполчетью недопахал 1 чел. полуторы четей. В посевных книгах сыскали, что он умер и не оставил детей. По Невьянской слободе из 16,68 десятины вспахали лишь 12,25 десятины. 13 крестьян не допахали «за бедностью и за одиночеством и за безлошадством». Одного человека не сыскали в книгах. Один числился в книгах, но не оказался в действительности. О по-

¹ Стлб. СП, № 32, лл. 160—164. № 866, лл. 73—78.

следнем воевода распорядился «приложить статей к умершим». Трое оказались действительно умершими. По Ницманской слободе из 4,6 десятины не досеяли около десятины, так как четверо крестьян бежало, а один был взят в ямщики, и т. д.¹

Недобор по оброку тоже становился постоянным явлением. Так, средний годовой оклад подгородных оброчных крестьян Тобольского уезда в начале XVIII в. был более 4000 четей, действительные же сборы — значительно меньше. Просмотр хлебных сметных списков за это время показывает следующую картину. В 1704 г. было помечено взять на них оброчного хлеба 2127 четей ржи и 2127 четей овса, в действительности же было взято 1390 четей ржи и 1388 четей овса. 1704 г. не был исключением. В следующем, 1705 г. вместо 4250 четей всякого хлеба, помеченных в окладе, удалось взять всего 2441 четь. Такой же недобор был в следующем, 1706 г. И еще хуже обстояло дело в 1707 г., когда вместо окладных 4252 четей было взято 1786. Иными словами, фактическое поступление хлеба составляло лишь 55% помеченного по окладу. А подгородные оброчные тобольские крестьяне были основой всего хлебооброчного хозяйства этого самого значительного в разряде уезда, давая 60% оброчных поступлений.

Данные сводных ведомостей Сибирского приказа за XVII в. показывают, что на фоне увеличения численности сибирского крестьянства и неуклонного роста общей площади государевых полей шло некоторое сокращение площади десятинной пашни на двор:²

Уезд	1642 г. 1674 г. 1700 г.			Уезд	1632 г. 1674 г. 1694 г.		
	(десятина в поле)				(десятина в поле)		
Тобольский . .	—	0,41	0,41	Туринский . .	1,00 ³	0,53	0,37
Верхотурский	0,59	0,43	0,33	Тюменский . .	1,40	0,63	0,55

¹ Стлб. ВУС, № 214, лл. 63—69; № 15, лл. 36—55.

² Стлб. СП, № 1673, лл. 885—890; кн. СП, № 1354.

³ Данные 1633 г. В 1634 г., по челобитию турьянских крестьян, с них было выложено 47 десятин, приходившихся на долю умерших крестьян. Таким образом, в 1634 г. на двор должно было приходиться по 0,8 десятины в поле.

Так как в ведомостях помечалась фактическая пашня, а общие нормы обложения оставались неизменными, то уменьшение оклада на двор мы вправе отнести на счет недопашки против первоначального оклада. Но уменьшение фактического оклада на двор, при постоянном стремлении воеводской администрации сохранить узаконенное соотношение государственной и десятинной пашен, говорит и о другом: индивидуальная крестьянская запашка в Сибири в течение XVII в. не росла, она скорее уменьшалась. Общий рост посевных площадей шел главным образом за счет прилива населения из-за Урала. Причину этого явления должно искать в напряженности налогового обложения.

Об этом говорят в цитированной уже челобитной тобольские крестьяне: «и стояли мы все на правее... тот новонакладной оброк займуч... в кабалы, а иные скотнишко и всякое заводнишко изпродали, изметали на безценок и заплатили».

На первый взгляд, изложенный в начале этой главы материал говорит как будто бы за то, что в течение всего XVII в. тяжесть тягла держались на одном уровне — сулешевском окладе. Жалобы крестьян и недонмки должны трактоваться в таком случае как протест против попыток удержать это тягло на этом непосильном уровне. С этим предположением не согласуются прямые указания крестьянских челобитен о росте тягла, об увеличении оклада на «прежние... отводные земли». И эти указания не случайны. В XVII в. мы действительно наблюдаем тенденцию к увеличению тяжести обложения, к изменению официально признанного соотношения в пользу государственной пашни. Это стремление проявлялось в разных формах. Немалое место занимали незаконные «наметы». Про оклады, установленные Ф. Михалевским при П. И. Годунове, крестьяне заявляли, что переписчики «делали все не по правде, по его Петровым (Годунова) прихотям и изволу и для своих послуг, хотя себе больших окладов», написали за крестьянами много лишних земель. А к перемерным книгам велели руки прикладывать, «угрожая ссылкой в неволю». Новая перепись, произведенная М. Галасениным, подтвердила слова крестьян. По

сравнению с переписными книгами Михалевского у Галасенина площадь собиных запашек оказалась меньше на 139 десятин.¹ «Наметы» не были отличительной чертой лишь годовских времен. С другой стороны, желание сохранить во что бы то ни стало раз принятый оклад вело к такому же утяжелению пашенного оклада. При обложении новых пашен старые пашни, как указывалось выше, старались не выкладывать. Если хозяйство переставало существовать, то оклад переводили на поручников или всех крестьян в качестве «беглой» или «умершей» пашни. Формула крестьянских поручных записей — «наши поручниковы головы в его головы места» — была полна реального содержания. Выше мы приводим пример, каких размеров достигала иногда «умершая» пашня. Переложение ее на хозяйства оставшихся крестьян, естественно, делало их тягло большим, нежели это предусматривалось общим положением. Наконец, десятинная пашня росла и путем перевода на нее некоторых дополнительных повинностей. Так, крестьяне Туринского острога пахали 5 десятин государственной пашни за «банное изделие».² Рост тяжести пашенной повинности шел иногда и вне зависимости от размеров тягла. Например, дополнительной нагрузкой оказалась возка навоза на государственные десятины. С ростом населения слобод часть крестьянства селилась в деревнях, значительно удаленных от слободского центра, где находилась десятинная пашня. Это вызывало дополнительные трудности в ее обработке. Туринские крестьяне «живут от Туринского верст по 30 и по 20. Ездят же они пашенные крестьяне из далеких деревень в Туринской весной пахати государеву десятинную пашню. А весной воды живут большими и им же с сохами и с боронами и с лошадыми заводами ездить нужна большая... и летом для ржанова и для яровова жнитва и молотбы в город волокита частая».³ О том же заявлял крестьянин Невьянской слободы: «живут они крестьяне от государевой десятинной пашни верст по 5 и по 10 и по 20 и

¹ Кн. СП, № 511, лл. 67—110; стлб. СП, № 866, лл. 73—78.

² Стлб. СП, № 60, л. 67; № 102, лл. 308—317.

³ Стлб. СП, № 102, лл. 308—317.

по 40 и больше», и т. д. Это приводило иногда к тому, что на собинных пашнях «хлебенцо» застаивалось, хлеб позябал и т. д. Оброчные крестьяне не страдали от этого неудобства. Но их тягло тяжело даже при сохранении прежних окладов. Выше мы отмечали некоторое снижение урожайности, наблюдаемое за XVII в. Между тем оброчные оклады определялись урожайными нормами первой четверти столетия. И тогда эти нормы устанавливались по урожайности выше средней. Падение урожайности, при сохранении старой нормы, утяжеляло повинность.

Особенно сильное податное наступление на крестьянство было проведено в Петровскую эпоху. Крестьянские книги первого десятилетия XVIII в. говорят об увеличении среднего пашенного оклада на двор до 0.5 десятины по Тобольскому уезду вместо 0.4 для 1699 и 1674 гг. Резко увеличила тяжесть оклада податная реформа 1721 г. По определению Черкасского подворный пашенный оклад для крестьян Сибирской губернии был определен в 1 десятину с полчетвертью в поле. Соответственно увеличился и оброчный оклад. Сибирское крестьянство в этом отношении разделяло общую участь всего русского крепостного крестьянства Петровской эпохи. «Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев... происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры».¹

Крестьянское тягло не исчерпывалось десятинной пашней или оброком. Значительную долю его составляли «изделия». Последние складывались из ряда разнообразных повинностей. Большое место среди них составляли работы, непосредственно связанные с основным тяглом — обработкой государевых десятин. Сюда нужно отнести все повинности по обработке и переработке собранного с десятинной пашни зерна. Это,

¹ Сталли И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 6—7, Партиздат, 1937.

прежде всего, помол государева хлеба и связанные с ним работы по устройству и содержанию в должном состоянии государевых мельниц. Отсутствие последних эту повинность утяжеляло. Так, верхотурские подгородные крестьяне в 1642 г. за неимением мельниц «муку мололи в страдную пору в ручные жерновы». На ручных мельницах мололи в 1644 г. государевы запасы и ницинские крестьяне. Рожь мололи по дворам «в руколомотные жернова» в 1630 г. также и тюменские крестьяне. О размерах этой повинности можно судить по примеру невянских крестьян. При населении слободы в 283 двора они мололи на режевской мельнице в тобольский отпуск в 30-х годах до 1500 четей ржаной муки и чинили эту мельницу ежегодно недели по 3 или 4.¹ На крестьянах лежала также обязанность растить солод, делать крупы и толокно. Те же невянские крестьяне готовили ежегодно по 500 и более четей круп и толокна и по 1000 четей солода и овсяной муки для «винного куренья и пивных варь».² Для хранения запасов силами крестьян ставились амбары и другие постройки. Так, крестьяне Тагильской слободы поставили у себя в слободе 6 амбаров, верхотурские подгородные крестьяне построили около 1642 г. винокурню и солодовню. П. Годунов заставил тобольских подгородных крестьян чистить место и делать пруд для устраиваемой на Курдюмке винокурни «в самое страдное работное время». Ирбитские крестьяне возили в 1645 г. бревна для государевых житниц и т. д.³ Большое место в крестьянских челобитных занимают жалобы на повинность по возке хлебных запасов и по постройке для этого дощаников. С части крестьянства первая из этих повинностей была в XVII в. снята. Так, в 1636 г. были удовлетворены челобитные туринских крестьян об освобождении их от обязанностей сопровождать хлебные запасы в Тобольск и о замене их, по примеру прочих городов, служилыми людьми. Сопровождение запасов по

¹ Стлб. ВУС, № 2, л. 29; стлб. СП № 65, лл. 402—406; № 32, лл. 160—164; № 102, лл. 194—196; РИБ, т. VIII, № 11, LXXIII.

² Стлб. СП, № 102, лл. 194—196; № 32, лл. 160—164.

³ Стлб. СП, № 366, лл. 73—78; № 65, лл. 402—406; № 32, лл. 160—164.

необходимости происходило в «пашенную пору» и вызывало пропуск рабочих дней и на собиной и на государевой пашне». ¹ Жаловались крестьяне и на тяжесть повинности по постройке дощаников, хотя эти работы и оплачивались приказной избой. Тагильские крестьяне писали, что из государевой казны им за отделанный дощаник платили сначала по 12 руб., потом по 11, а затем и по 9, между тем как им самим каждый дощаник обходился рублем по 20. Крестьяне Катайского острога делали в 1695 г. два дощаника. Из приказа было отпущено для уплаты плотникам «от дела» по 16 руб. на дощаник. Крестьянами же «по ряду найму плотникам давано к тем деньгам в прибавку за лес и за воску и за конопать по 15 р.» Эта доплата становилась чувствительной, когда на слободу возлагалась обязанность поставить несколько дощаников. Невьянские крестьяне, например, в 1641 г. должны были сделать 16 дощаников на Верхотурье и 9 на Невье, всего 25. ² В связи с государевой пашней стоит денежный сбор за солому, мякнну и ухоботье.

Другой группой изделий были поставки различного рода запасов, не шедших непосредственно с десятинной пашни. Это упомянутые в главе III поставки холста и пеньки. Часть слобод поставляла смолу. Так, слобода Катайского острога с населением в 269 дворов в 1695 г. поставляла: 482 арш. холста на 9 руб. 21 алтын 2 деньги; 8 пуд. 7 гривенок пеньки на 3 руб. 9 алтын; 10 пуд. 13 гривенок смолы на 3 руб. 2 алтына 2 деньги. Слобода Колчеданского острога с населением в 94 двора в том же году поставляла холста 47 арш. на 3 руб., пеньки 7 пуд. 30 гривенок на 2 руб. и смолы 5 пуд. на 1 руб. 3 алтына 2 деньги. ³ Кроме поставки запасов, связанных с судовым промыслом, широкое распространение имела также поставка сена, леса, хмеля. Верхотурские подгородные крестьяне должны были косить на государя острова и луг «глатко, нигде травы не оставляя и за кустами выкашивая чисто». Крестьяне обязывались ста-

¹ Стлб. СП, № 102, лл. 194—196; № 60, лл. 88—91.

² Стлб. СП, № 65, лл. 402—405; № 102, лл. 194—196; № 32, лл. 160—164.

³ Кн. СП, № 141.

вить копны «мерны, чтоб летние копны зимой в продаже вымерить две копны». Тобольские подгородные крестьяне ставили таких мерных копен по 131 на год. Поставка сена очень рано начала заменяться денежным взносом. Ирбитские крестьяне уже в 1645 г. платили деньги за укосное сено. В этом году предстояло взять 8 руб. за сено вместе со сбором за мякнну, солому и ухоботье. Деньгами платили зятские крестьяне, тагильские, частично тобольские и др. ¹ Крестьяне Камышенской и ряда других слобод поставляли ежегодно 10-й хмель с их хмелевых промыслов. Верхотурские крестьяне драли на государя лыко и т. д. ² По указу воеводы Туринского острога Волинцева крестьяне возили «в морозы люты» в острог строевой лес. Как в этом случае, так и в других поставка леса накладывалась на крестьян в связи с городовым делом, или возведением казенных построек (житниц, амбаров и т. д.). Тот же Волинцев обязал крестьян поставкой леса для постройки «горницы» и «избы поземной» на воеводском дворе. Впрочем, эта стройка была отменена Тобольском. Ежегодно по 165 бревен, 50 тесниц, 400 драниц и 70 скал берестяных поставляла в Тобольск Катайская слобода. Городовое дело не ограничивалось для крестьян только поставкой леса. Крестьян постоянно привлекали и к самому строительству. Крестьяне строили как остроги в крупных центрах — городах, так и мелкие острожки в слободах. При постройке первых они привлекались к городовому делу наряду с другими категориями населения, как это было, например, в Пельме в 1622 г.: постройка вторых ложилась почти целиком на плечи крестьян. Постройка Катайского острога обоилась крестьянам в 500 руб., постройка Колчеданского в 400 руб. и т. д. ³ В связи с поставкой леса стоит и поставка дров. В челобитье о льготе в изделиях верхотурские подгородные крестьяне при перечислении этих изделий указали и возку дров на винокурню и к

¹ Стлб. ВУС, № 21, лл. 48—50; № 17, л. 70; № 11, л. 51; кн. СП, № 5, лл. 147—148; стлб. СП, № 32, лл. 160—164.

² Стлб. ВУС, № 16, л. 121.

³ Стлб. СП, № 1673, л. 3; кн. СП, № 1444, лл. 72—168; АН, т. III, № 209; т. IV, № 217.

двум государевым баням. Для последних они делали также и венки. Аятские крестьяне давали на мирской двор по 7 сажень дров (1698). Ирбитские крестьяне для дровяной возки партиями высылались на Верхотурье (1681).¹ Упомяну также введенную П. И. Годуновым для тобольских подгородных крестьян обязанность поставлять вербу и мостить мосты для установленного «действия в неделю цветоносную».²

И, наконец, крестьяне несли ряд повинностей, не стоявших ни в какой связи ни с государевой пашней, ни с их собственными сельскохозяйственными занятиями. Это ямская гоньба. Несмотря на наличие специально выделенных ямщиков, крестьяне неоднократно отмечают требования с них подвод. Ирбитские крестьяне в 1661 г. жаловались, что «во все стороны подводы с нас емлют». Тобольские крестьяне жаловались на Годунова, что он накиннул на них ямской гоньбы сверх меры. С крестьян Чусовской и Сулемской слобод, по их словам, «емлют многие подводы в пять сторон»: 1) вниз по Чусовой до Осинского яма расстоянием в 500 верст, 2) на Кунгур до Каршей на 80 верст, 3) до Арамилской слободы на 60 верст, 4) до Аятской слободы на 70 верст и 5) до Краснопольской на 80 верст.³ Оброчные и пашенные крестьяне были обложены и общими денежными сборами. В 1698 г. было указано набрать из беломестных казаков 1 000 человек драгун, «чтоб они во всякие воинские походы всегда с ружьем и на конях были в готовности». Ввиду недостатка в Сибирском приказе денежной казны на содержание драгун, был установлен сбор драгунских денег по 10 алтын с двора, а с тех, кто живет по подворьям, «с нужных и одиноких», собирали по 5 алтын.⁴ В 1688 и 1689 гг. платили по полтине с двора поворотных денег.⁵ Кроме того, в течение века часть натуральных сборов и изделий перево-

¹ Стлб. ВУС, № 6, л. 47; № 18, л. 46; стлб. СП, № 65, лл. 402—406; АИ, т. V, № 128.

² Стлб. СП, № 866, лл. 73—78.

³ Стлб. ВУС, № 16, л. 78; № 6, л. 142 и сл.; кн. СП, № 511, л. 67 и сл.

⁴ Стлб. ВУС, № 10, лл. 60—61; № 6, л. 46.

⁵ Кн. СП, № 1444.

дилась на денежные сборы. Так возникли сборы на судовые припасы, на жалование ямщикам и др. Крестьяне Верхотурского уезда давали также работных людей «на Уральские горы», к железному делу. По разметной росписи 1673 г. подгородные должны были дать 14 чел., тагильские 14, невьянские 35, ницинские 7, ирбитские 10, арамашевские 8, белослудские 2 и пышминские 2. Высылка работных людей производилась и ранее и позднее. Так, Тагильская слобода высылала их уже в 1632 г., а Ирбитская продолжала высылать и в 1693 г.¹ Правда, по распоряжению Москвы, работникам, которые были заняты «у рудных гор», было велено давать из казны корм. Это распоряжение относилось и к наемным работникам и к выборным от крестьян. Но едва ли этот корм обеспечивал существование. Работа производилась длительный срок — «от Семена дни по Николина день вешний». С Николина дни по Семенов крестьянам предоставлялось «пахать пашня и промыслы всякими промыслять на себя». Отрыв от хозяйства и расходы по поездке «в горы» не окупались казенным кормом. Крестьяне тяготились этой повинностью даже при получении денег за работу.² Поэтому крестьянскому миру приходилось за свой счет давать подмогу выделенным на работу. Так, ирбитские крестьяне в 1674 г. рядили работникам «от миру» по 10 руб. с полтиною. В 1673 г. подгородные крестьяне дали своим 13 выборным в подмогу 79 руб.; тагильские, тоже 13 чел., — 147 руб.; 6 арамашевским было дано 49 руб., 7 ницинским — 56, 11 ирбитским — 115, 2 белослудским — 13 и 2 пышминским — 14 руб. Более мелкие сборы вносились на содержание дячков, тюремных сторожей, заплечного мастера, мельничные засыпки, отправление дорожной повинности (сбор на бродовщиков) и др.³ Чувствительной тяжестью для крестьянства была служба по выбору в старостах, целовальниках, сторо-

¹ Стлб. ВУС, № 7, лл. 30—33, 44—47; № 59, л. 5, № 5, л. 125; стлб. СП, № 32, лл. 160—164.

² Тагильские крестьяне получали в 1632 г. за сезон по 5 руб. на заговорщика и по 2 р. 50 к. на делового человека.

³ Стлб. СП, № 32, лл. 160—164; стлб. ВУС, № 6, л. 11; № 17, лл. 55, 59—61; № 16, л. 18; АИ, т. III, № 47.

жевая и т. п. Подгородные верхотурские крестьяне считали, что они, помимо старост, выбирали ежегодно по 4 целовальника, 2 чел. к мельнице, 2 чел. на заставу и 1 чел. к селу. Певьяны высылали, по назначению приказчика, для караула воинских людей «на башни» и «в отъезжие караулы» человек 5 или 6 дней на 10 и больше, и т. д.¹

Большинство этих многочисленных и различного характера обязанностей разверстывалось между крестьянами пропорционально их пашенному окладу, «против десятины». С тобольских крестьян собирали за изделие по 1 руб., за солому, мякину и за ухоботье по 4 алтына 5 денег, за сено по 2 алтына с десятины. Ницинские крестьяне высылали работников на починку мельницы «з десятины человека по 2». Тагильские собрали в 1654 г. на дворовую поделку с десятины по 18 алтын. На постройку житницы в Ирбит поставлялось с десятины по 4 бревна и т. д.² Впрочем, иногда прибегали и к другому приему раскладки — луковщине. Так, для постройки острога П. Горчакову предлагали в 1594 г. взять с 3 луков по человеку; в 1695 г. в Красноярской слободе занятые на мирской расход 5 руб. разложили «по 2 алт. по 4 д. с лука». К концу века начинает утверждаться принцип полворного обложения (драгунские деньги, поворотные).

Пестрота «изделий», часто связанных с неизбежным отрывом от хозяйства, иногда в рабочую пору, вызывала общерекрестьянские челобитные об облегчении их тяжести и попытки отдельных крестьян уйти, хотя бы частично, из мира и тем освободиться от их несения. Крестьяне Камышенской слободы Тимофеевы к своему денежному оброку в 16 алтын 4 деньги прибавили вновь в 1692 г. 16 алтын 4 деньги, в 1693 г. еще 16 алтын 4 деньги, в 1694 г. 32 алтына и стали платить оброк в 2 руб. 16 алтын 2 деньги. А оброк

¹ Стлб. СП, № 65, лл. 402—406; № 102, лл. 194—196.

² Стлб. ВУС, № 12, лл. 70—71; № 11, л. 51; № 17, лл. 36, 47—49; № 16, л. 33; № 18, л. 47; кн. СП, № 5, лл. 147—148.

³ Стлб. ВУС, № 11, л. 202. Ср. писцовую книгу Вотской пятиниз 1500 г.: «а в сохе 3 лука, а лук писан за обжу»; по писцовым книгам Соловецкого монастыря, старцев Илья и Спиридона, «лук сливает две обжи».

они «прибавливали на себя... чтоб им с миром никаких податей не платить, изделий не делать и подвод не гонять и в городские поделки не платить». Подобные попытки, разумеется, встречали самый решительный отпор со стороны «мира». Если сам крестьянин считал тяжесть изделий много большей основной повинности — оброка, то и мир не мог пренебречь тяглом именно в силу этой тяжести.

Дать ценностное выражение тяжести изделий и определить точно их долю в общем крестьянском тягле затруднительно. Многие из этих изделий, по состоянию наших источников, не поддаются ценностному определению; мешает этому и пестрота изделий, из которых одни то появляются, то исчезают, другие, — встречаясь в одних слободах, не наблюдаются нами в других и т. д. Легче подсчитать сборы, вносившиеся непосредственно государству деньгами. Таких в начале XVIII в. крестьяне вносили не менее девяти: 1) сбор на судовые припасы по 5,5 коп. с двора, 2) сбор за охоботье, мякину и солому — 6 коп., 3) кормление приказчика — 15 коп., 4) драгунам на жалование — 30 коп., 5) на жалование ямщикам — 5 коп., 6) на седельное и узденное строение — 1,5 коп., 7) поворотные деньги — 25 коп., 8) проварные деньги — 5 коп., 9) десятая деньга — 1 коп. Всего 94 коп. на двор. Если принять наш вывод, что каждый двор пахал на государя в это время в среднем полдесятины в поле, то, при среднем урожае с десятины в 10 четей овса и 6,8 чети ржи, мы можем считать, что окладная пашня каждого крестьянина давала в год 5 четей овса и 3,4 чети ржи. При примерной цене в 8 алтын четь ржи и 6 алтын четь овса это даст, в переводе на деньги, 1 р. 71 к. Таким образом, общее обложение пашенного двора к началу XVIII в. выразится в 2 р. 65 к., из которых 64% падает на долю пашенного оклада и 36% на долю изделий. Приведенный расчет сделан нами на основании сметных и пометных списков, и он явно преуменьшен. Здесь не учтены трудовые повинности, денежные расходы, производимые самим миром, без участия приказной избы. Упомянутые выше крестьяне Камышенской

¹ Стлб. ВУС, № 6, лл. 73—74.

слободы Тимофеевы расценивали эту тяжесть иначе. За освобождение от «изделий» они согласились увеличить оброк с 16 алтын 4 денег до 2 руб. 16 алтын 2 денег. Их расчеты подтверждаются записями переписчика И. Полозова, описавшего в 1695 г. слободы Тобольского уезда. Согласно его описанию крестьяне Катайского острога платили оброчного хлеба на 109 руб. 8 алтын 2 деньги. Сверх этого они заплатили припасов: хмеля на 17 руб. 20 алтын, холста на 9 руб. 21 алтын 2 деньги, пеньки на 3 руб. 9 алтын, смолы на 3 руб. 2 алтына 2 деньги, леса на 27 руб., заплатили работникам на поварне — 10 руб.; всего 70 руб. 19 алтын 2 деньги. Они же внесли денежных доходов на 51 руб. 11 алтын 2 деньги. Таким образом, уже одни только припасы и денежные доходы превысили по своим размерам, в ценностном выражении, основную повинность — оброчный хлеб. Но расходы крестьян этим не ограничивались. В 1695 г. они додали 12 руб. на дощачное дело, заплатили 12 руб. плотникам, высланным в Тобольск, дали 126 руб. найму даточным людям, 15 руб. 28 алтын 4 деньги за подвод для них и 3 руб. 3 алтына 2 деньги проводнику и на корм лошадям. Подводная гоньба, по их показаниям, обходилась им по 55 руб., а в некоторые годы и по 60 и по 70 руб. Общий крестьянский расход на изделия и повинности достиг, таким образом, почти 350 руб.¹

Данные по слободе Колчеданского острога в части денежных сборов приближаются к расчетам, сделанным нами на основании сметных списков. Сравнение же стоимости оброчного хлеба с общей стоимостью крестьянских изделий показывает, что данные колчеданцев не очень разошлись с расчетами крестьян Тимофеевых. У первых стоимость изделий в 3,5 раза больше основной повинности, вторые считали их тяжелее примерно в 4 раза.

Это наблюдение позволяет нам сделать один дополнительный вывод. Удельный вес десятинной пашни, возраста-

рых значительная часть была переведена в XVII в. на денежную уплату, постепенно занимали все большую и большую часть крестьянского тягла, перегоняя по своим размерам основную повинность. Это дает дополнительное объяснение отмеченному явлению. Ряд приведенных выше сведений говорит с несомненностью о тяжести налогового бремени, с которым крестьянство справлялось с трудом или часто не справлялось. Между тем пашенный оклад на выть в Сибири был меньше, нежели в вотчиннопоместном хозяйстве центра. И пока мы будем пашенный оклад брать изолированно от изделий, крестьянские челобитные вызывают сомнение в надежности их показаний. Они воспринимаются по-иному как только мы рассматриваем крестьянское тягло в целом. В этом случае становятся понятными и челобитные, и недоимки и т. д. Тягло сибирского крестьянина быстро догоняло по своим размерам тягло помещичьих крестьян центра и черносошных крестьян севера. По своим размерам это тягло перегнало оклады ясачных волостей, значительно превышая реально выполняемые ясачным населением повинности.¹ Московское правительство одной рукой предписывало воеводам к сибирским крестьянам «держати ласку и привет», другой туго завинчивало налоговой пресс.

Обеспечение исправного выполнения тягла проводилось обычными для феодально-крепостнического государства мерами. Непосредственным представителем власти в крестьянской слободе был приказчик, наделенный очень широкими полномочиями. В сферу его деятельности входило, в первую очередь, наблюдение за государевым хозяйством — «государству пашню надзирать почаству», начиная с призыва крестьян

¹ Ясачные волости Тобольского уезда вносили в период с 1632 по 1671 г. по 1 руб. 18 алтын 5 денег с хозяйства, а с 1674 по 1706 г. по 20 алтын 2 деньги, при окладе в 2 руб. 2 алтына 3 деньги. Примерно

и кончая отпуском государевых запасов. Он смотрел за поступлением оброков и других платежей и выполнением изделий. Хозяйственную власть он совмещал с властью судебно-полицейской, имея право суда, «опричь разбойных, убийственных и татинных дел». В его же руках находилась и военная оборона слободы. За исключением крупных слобод, приказчик вел и таможенные дела. В наказах приказчикам задачи их деятельности и их права формулировались очень широко: «искати государю во всем прибыли», крестьян «от всякого дурна унимати». Приказчиный глаз должен был проникать и в собинное крестьянское хозяйство, на крестьянские поля и дворы. Приказчик должен был добиваться не только того, чтобы крестьяне выполняли свои обязательства по отношению к государеву хозяйству, но и чтобы они «жили себе проча». ¹ По своему характеру эта власть мало отличалась от власти приказчика крупной вотчины.

Но, при всей ее широте, одной этой власти было недостаточно для выполнения указанных задач. В помощь приказчику приходят «мирские» власти: старосты, целовальники, десятские и т. д. В сибирских слободах они выступают, как, впрочем, и в центральной вотчине, в качестве «ответчиков» и помощников приказчика в деле выполнения им его хозяйственных и полицейско-административных функций. Именно так смотрели на них и воеводская администрация и само крестьянство. В Сибирском приказе следующим образом определяли задачи мирских властей: «а для береженья от воровства (крестьян) и от побегу велено выбирать из тех же крестьян в старосты и в целовальники и в десятские лутчих людей и приказывати им над крестьяны смотреть и беречь и ото всякова их воровства и от побегу уймасть. А в ком сведают какое воровство или побег и им, старостом и целовальником и десятским, про то велети сказывати приказчиком. А приказником, про то сыскивая, чинити тем крестьяном за то воровство и за побег наказание.»

¹ Стлб. ВУС, № 23, лл. 168—169; № 4, лл. 125—126; № 2, л. 50; стлб. СП, № 1359, лл. 322—324; № 1280, лл. 1—8; № 60, лл. 68—87; АИ, т. V, № 133; доп. к АИ, т. IV, № 20, II, № 7.

Отношение крестьян к своим выборным, «мирским» обязанностям сформулировано в челобитной тагильского крестьянина В. Смагина. В. Смагин был в слободе целовальником на мельнице, старостой и был избран вновь целовальником на винокурню. По этому поводу он писал, что крестьяне выбрали его «риясь, не в очередь, хотят они меня разорить до основания». На этой челобитной Смагина в Верхотурье дали помегу: «от той службы для его нужд и бедности и неочереды переменить, чтобы оттого всеконечно ему не разоритца». И челобитчик и приказная изба одинаково расценивали мирскую должность как нелегкую повинность. И, кажется, все участники этого дела признали основанием назначения не выборность, а очередность. Белослудские крестьяне также жаловались в 1698 г., что их приказчики выбирают «старосты и в целовальники «не поочередно, своим вымыслом, не по нашему мирскому выбору». Белослудские крестьяне отметили при этом также и то, что выборность мирских властей очень часто становилась фикцией. Эта выборность подменялась не только очередностью, но и приказчиным назначением. Мирские власти в обоих случаях выступают достаточно отчетливо как дополнительное орудие эксплуатации населения. ¹ Очень редко мир выступает в качестве защитника интересов крестьянства, вступая в конфликт с приказчиком, обращаясь с челобитными к воеводской или центральной власти и т. д.

Подобное положение «мирских властей», соединенное с широтой полномочий приказчика, делало его власть в слободе почти бесконтрольной. Это было основой многочисленных приказчиных злоупотреблений. На приказ обычно посылались на короткий срок — 2 года. Лишь в 1698 г. было решено держать на приказе года по 4 и больше, «будя челобитья не будет». За это время приказчик получал довольно значительное жалованье. Так, П. Перхуров, будучи на приказе в Невьянской слободе, с 1637 г. получал по 15 руб. и 13 четей хлеба. ² Но жалованьем далеко не ограничивались

¹ Стлб. СП, № 1359, лл. 95—96, 322, 324, № 60, лл. 68—87.

² Стлб. СП, № 65, лл. 354—363.

приказчиьи доходы. Белослудские крестьяне так перечисляли установившиеся поборы: 1) сбор по приезде на приказ в размере 15 четей ржи и 15 четей овса, 2) смотренного по осьмине ржи со двора да деньгами 2 руб., 3) праздничного на 3 праздника по полтора рубля со всей слободы, 4) годового хлеба по 15 четей ржи и по 15 четей овса, 5) дров по 60—70 сажен на год, 6) за денщика по 10 руб. на год и, кроме того, ряд эпизодических поборов. М. Чернышев, бывавший много на приказе, показывал на допросе, что взятки «напрасных» не брал, «а кто приносил в почесть денег нечестного ж по небольшому, и то он принимал». Мих. Бибиков таким образом, будучи на приказе в разных слободах, получил более 70 руб., более 430 четей хлеба, 75 сажен дров, 130 копен сеиа, 6 свиных туш, лошадь, жеребенка, барана, корову, 3 быков. О доходности приказчиьей должности мы можем судить по следующему эпизоду. Приказчик М. Чернышев объяснил свои поборы тем, что он уплатил воеводам за назначение на приказ в Красноярскую и Краснопольскую слободы по 20 руб., в Пышминскую — 30 руб., а в Ощепкову — 40 руб. Допрошенные в Приказе по этому поводу другие приказчики единогласно показали о существовании определенной таксы за отпуск в слободы. За назначение на приказ в Тамакульскую слободу верхотурские дети боярские платили воеводам по 10 руб., а Красноярскую — 15—20 руб., Краснопольскую — 25 руб., Аятскую — 30 руб., Белоярскую — 30—40 руб., Ницинскую — 40 руб., Пышминскую — Ощепкову, Новопышминскую, Чусовскую, Сулемскую — по 40—50 руб., Тагильскую — 50—80 руб., Белослудскую — 80 руб., Арамашевскую и Камышловскую — по 80—90 руб., Ирбитскую — 100 руб. и Невьянскую — 120 руб. Рассматривавший это дело дьяк Винюс вынес решение: «воеводам с приказчиков от приказов никаких взяток имать не велеть». Сбор с крестьян в пользу приказчиков им был установлен по 10 руб. и по 20 четей ржи и овса в 8-пудную меру на слободу. Малолюдным слободам было разрешено платить меньше. Недостаток должны были покрывать большие слободы, чтобы приказчикам было «сносно».

Попавший на приказ сын боярский чувствовал себя госпо-

дином. П. Перхуров, назначенный приказчиком в Невьянскую слободу, ходил к житницам «поздно», умолоченный хлеб принимал с тумен «не в пору, ввечер и ночью с огнем заставляя крестьян дожидаться перемера «день до вечера». Крестьяне ставили ему двор «в деловую пору о сенокосе». Крестьяне ставили ему двор «в деловую пору о сенокосе». Ф. Протопопов в Тагильской слободы также держал крестьян у перемера хлеба трое суток. Он же заставил полевых цевальников и нанятого миром коморника судной избы ратать у себя во дворе: «днем они у него робят, а к ночи жает в судную избу». Крестьяне жаловались, что он мучит из них сажает в железа в тюрьму «и в тюрьме морозит смерть вместо пытки... велит шубы снимать, а сажает их зипунах и не велит давать ни пить, ни есть». Несклько десятков крестьян показывали на Протопопова, что он тчил с них деньги, кабалы, держал у себя на работе и Действия Протопопова и Перхурова не были исключены. Подозрительно крупные хлебные операции слободской нистрации, отмеченные нами выше, говорят о том же стьяне Чусовской слободы, где в 1653 г. на приказе боярский И. Тырков заявляли, что прокормить им чика невозможно, и просили присоединить их к Красноярской слободе.²

Таким образом, русский крестьянин, перевалив в конце концов, находил в западносибирской слободу, новку, очень близкую условиям жизни крепостной центра. Эти условия сближались постепенно и в дпошении. Сибирский крестьянин терял постепенно перехода, которой вначале он, несомненно, обладал тягла поставленнику которую мы отмечали в главе спечивала и перемену места и выход из крестьян стояния. По признанию Сибирского приказа эта сдвой половине века имела очень широкое распр. По его сведениям прожиточные крестьяне из своих жеребьев и дворов приходят в новые слободы

¹ См. добавочные примеры ниже, в разделе, посвященном ским побегам.

² Стлб. СП, № 65, лл. 354—363; № 1359, лл. 35—96, 3 лл. 1—6, 8—37; стлб. ВУС, № 22, лл. 2—4.

жеребьи на льготу. Вместо себя они сажают прихожих людей», «дав им что небольшое из животов своих». Выжив льготу на новом месте, крестьяне «воровством» переходят пашню. И этих переходцев, замечает приказ, воеводы «ставят себе в прибор и службу». ¹ Еще в 1621 г. царская грамота в Туринск отмечала, что старые пашенные крестьяне посажали на пашню вместо себя ярыжных, «а сами торгуют всякими товарами». ² Верхотурский воевода Хрущев в наказной памяти приказчику Коптеву отмечал переход пашенных крестьян в беломестные казаки. ³ Это явление мы наблюдаем и во второй половине века и в его конце. В 1698 г. крестьянин Белослудской слободы Молоков указывал на те же факты: «а пришлым крестьяном старые пашенные крестьяне пашни здают, а сами выходят». Наказная память аятскому приказчику 1697 г. признает за крестьянином право сдачи тягла, изымая ее лишь из ведения приказчика: «а которые крестьяне похотят здавать меж себя денежный оброк и тем крестьяном о сдаче велеть бить челом на Верхотурье, а в слободе здавать отнюдь не велеть». Разрешения на сдачу попытка «статчишками своими» и на переселение в другую слободу давались неоднократно и в конце века. ⁴

Однако наряду с этим мы наблюдаем и явления обратного порядка. Правительство запрещает выход из крестьянства в другие категории населения: «из пашенных крестьян в беломестные казаки, а казаков во крестьяне не верстать». В 1654 г. на Невье сыскивали беломестного казака Е. Дехтерева, «потому что велено ему на Невье быть в государевой десятинной пашне по прежнему отца его жеребью». В 1668 г. Годунов писал тарскому воеводе: «велеть бы тебе прихожих крестьян и крестьянских детей, которые приходили на Тару из государевых слобод и поверстаны на Таре в службу... от службы отставить... и быть в пашне». О запрете верстать

¹ Стб. СП, № 1673.

² Собрание государственных грамот и договоров, т. III, № 54.

³ АИ, т. IV, № 223.

⁴ Стб. ВУС, № 23, лл. 168—170; № 35, л. 360; стб. СП, № 1359.

пашенных крестьян в беломестные казаки напоминал приказчикам и верхотурский воевода. ¹

Запрещая выход из крестьянского тягла как самим крестьянам, так и их детям, правительство постепенно стесняло переход крестьян из слободы в слободу, даже и в том случае, если это не влекло за собою выхода из крестьянства. Практически эти мероприятия шли по линии запрещения полной или частичной сдачи тягла: «И пашни крестьяном меж себя друг другу и сторонним людям сдавать и легчить отнюдь не велеть, чтоб в той их сдаче и легкости великого государя пашне убыли и смуты никакой не было». Уже в 1621 г. в Туринске было указано произвести перепись крестьян, которые бросили пашню, насадив на нее ярыжных, перевести вновь на пашню. ² В наказных памятях по прибору новых крестьян усиленно подчеркивается запрещение прибывать в новые слободы старых крестьян; прибор ограничивался детьми от отцов, братьями от братьев, подсосельниками, гулящими людьми и т. д. ³ В выписи в доклад Сибирский приказ в 30-х годах XVII в. признана сдача явлением вредным, нарушающим интересы казны. Приказ считал необходимым удерживать обжившихся старых крестьян на месте, так как от новых «прибыль худая». Верхотурский воевода в 1640 г. указывал: «из сел и из слобод от старых жеребьев на новые места старых пашенных крестьян отнюдь не выпускать». Об этом же писал воевода Хрущев приказчику Тагильской слободы И. Коптеву: «пашни крестьяном меж себя друг другу и сторонним людям сдавать и легчить отнюдь не велеть». ⁴ Ограничение в сдаче тягла постепенно распространялось с отцов на детей. В 1696 г. на Верхотурье разбиралось дело о сходе пригородного пашенного крестьянина Вас. Боровского. Обвиняемый показал, что он уходил в Арамашевскую слободу, «молотил из найму хлеб». В подгородней же слободе оставались его отец с братьями, которые

¹ Кн. СП, № 535, л. 932 и сл.; стб. ВУС, № 20, л. 22; АИ, т. IV, № 223, 236.

² Собрание государственных грамот и договоров, т. III, № 54.

³ АИ, т. III, № 211.

⁴ Там же, т. IV, № 223.

повыток пахали сполна, засеяли, сжали хлеб, измолотили, выполнили все изделия и заплатили все поборы. Не признавая себя виновным, Боровский пояснил: «отпускал де его Ваську для наемные работы покормитца отец его, и не убегом он уходил». В этом деле не только представители власти, но и сам крестьянский сын исходили из положения о незаконности для него свободного выхода из крестьянского хозяйства. Закрепление за отцовской пашней имело место и в деле сына слободчика Бергамаковой слободы Росторгуева. Росторгуев снял пашню с крестьянина той же слободы М. Корытова. По распоряжению Тобольска М. Корытова велено было вернуть обратно в пашню. Самому же Росторгуеву указано «десятинные пашни ни с кого не снимать и наймоватце пахать не велеть, а велеть ему Сеньке с детьми пахать десятинная пашня за себя свое строе повытье... дворами стронца и всяким деревенским заводом заводитца». ¹ В связи с этим крестьянский переход и в сибирских слободах все чаще и чаще превращается в крестьянский побег. Крепостнические отношения на новом месте быстро достигали бежавшего от них крестьянина. И он стремился уклониться от них привычным путем — «убега».

Сведения о крестьянских побегах из сибирских слобод появляются рано. Побег эти имеют место в течение всего века, становясь особенно частыми к его концу. Территориально они охватывают слободы всего изучаемого района. В 1626, 1627, 1629 гг. бежали пашенные крестьяне из Кузнецкого и Тарского острогов. Устроенные недавно и против воли на новом месте, они, не обзаведясь как следует хозяйством и не приобретя нужных навыков, — пашня им была «не за обычай», — бежали с целью «прониматца в русские городы». ² В 1632 г. бежали крестьяне из Тагильской слободы «от тех сильных погодных прибавочных пашен». ³ В 1632 и 1633 гг.

¹ Стлб. ВУС, № 43, лл. 135—136; стлб. СП, № 1673; кн. СП, № 535, лл. 914—916; АИ, т. III, № 211; т. IV, № 223; Собрание государственных грамот и договоров, т. III, № 54.

² Часть из них была ссыльными. РИБ, т. VIII, № 11, XXXVI, L, LXVII.

³ Стлб. СП, № 32, лл. 160—164.

в Москву сообщал из Туринска Вольтцев о бегстве от большской прибавочной пашни 24 пашенных крестьян, а Верхотурья воевода Бояшев о бегстве по той же причине от «томской посылки» 60 чел. Тобольский воевода Телятский, уязвленный указанием на подобные следствия его реформ и прямым обращением воевод в Москву, оспаривал цифры. Не отрицая самого факта бегства, он, «сметив» реписи беглых с окладными книгами, настаивал на сильном уменьшении количества бежавших. Организованный им «доезд» письменного головы А. Мартюхина дал, однако, неожиданные результаты. По поездной памяти Мартюхина не объявлено к смотру туринских пашенных крестьян и их детей 3 невьянских 39 и тагильских 12. ¹ Сами туринские крестьяне считали, что в 1634 г. из 170 крестьян, числившихся по острогу, 49 были в бегах или умерли. Усиленное требование воеводы М. Темкина пахать государеву пашню за «вымытых» и за беглых крестьян, сопровождавшееся правожом «метанием к ночи в тюрьму», привело к бегству еще 20 крестьян. ² В 1641 г. нашли 5 беглых туринских пашенных крестьян в Казани, 1 — в Тетюшах, 3 — в Алабуге, 1 — в Саранске, 2 — в Уфе и 2 — в строгановских вотчинах. В строгановских вотчинах в 1647 г. искали 6 семей беглых невьянских крестьян. Погоня застигла в деревне Верхнего Колино только 2 беглецов, которые были пойманы и связаны. Впрочем, группа строгановских крестьян человек в 2 во главе с С. Носковым, пойманных «отбили насильством».

В 1661 г. тобольский воевода Хилков с явным раздражением упрекал верхотурского воеводу Камынина за то, что из верхотурских слобод бегут крестьяне от верхотурской приказчиных «изгонь и обид и посулов». Хилков предлагал принять срочные меры к прекращению злоупотреблений слободской администрации. Он грозил в противном случае организовать большой сыск по этому вопросу, сделать специальное донесение государю, взять в Тобольск всех верхотурских

¹ Стлб. СП, № 34, лл. 7—64.

² Там же, № 60, л. 67.

³ Там же, № 15, лл. 104, 112, 114.

⁴ Стлб. ВУС, № 63, лл. 45—46.

приказчиков, послав на их место тобольских детей боярских. Раздражение Хилкова, по всей вероятности, вызывалось частичным провалом его мероприятий по увеличению податных сборов. Население слобод объясняло свои побегі прибавочным хлебным оброком и новонакладною пашнею. По сказке старосты Ирбитской слободы «у многих крестьян не остается от оброка и от пятинны ни одной осмины хлеба». После побегов крестьян их жеребья оставались невспаханными. Вместо государевой прибыли получался недобор.¹ То же самое явление отметил в следующем, 1662 г. тюменский воевода. Он считал, что вследствие бегства крестьян в Тюмени лежало «в пусте» 51 государева десятина.² По росписям 1666 г., с 1661 по 1666 г. по Тагильской слободе считали 9 беглых крестьян, по Арамашевской — 17, по Невьянской — 65, по Ирбитской — 23, по Ницинской — 25, по Пышминской — 12, по Усть-Ирбитской и Белослудской — 8. В росписях во многих случаях указан год побега. Подсчет побегов по годам подтверждает ссылку крестьян на новый оклад как на причину бегства. Действительно, 1661 г. дает резкий скачок по числу бежавших, что видно из следующей таблицы:³

Год	Бежало	Год	Бежало	Год	Бежало	Год	Бежало	Год	Бежало
1652	2	1655	2	1658	3	1661	19	1655	4
1653	2	1656	1	1659	1	1662	10	1656	5
1654	3	1657	2	1660	2	1664	6		

Верхотурский воевода Колтовский, едва ли не в порыве междуведомственной полемики, выдвигал укрывательство верхотурских беглых крестьян тобольскими приказчиками в качестве чуть ли не основной причины бегства.⁴ При этом забывалось, что в верхотурских слободах проживали бегле-

¹ Стлб. ВУС, № 214, лл. 2—5, 14—16, 23; № 16, л. 78.

² Там же, № 17, лл. 188—189.

³ Там же, № 24, лл. 133—160.

⁴ Там же, № 24, л. 60.

цы из других уездов. Так, в 1677 г. туринские пашенные крестьяне били челом о сыске беглых туринских крестьян в слободах Ирбитской, Камышловской, Ощепковой и Белослудской.¹

В 1690 г. в Тобольске были серьезно встревожены разрядами, которые принимало бегство населения из крестьянских слобод. Воевода Салтыков в этом году писал на Верхотурский Нарышкину, что бегством охвачены слободы Тобольского и других уездов разряда: «крестьяне воруют, чинят в тех слободах и в деревнях сходы без указу великого государя своим самовольством и составляют неведомо какие письма с теми составными письмами бегают». Во всех слободах, деревнях и заставах было велено ловить «составщиков» и досматривать их «воровские» письма. Еще в 1686 г. велено засечь дорогу на строгановские вотчины, чтоб «конным проезду и пешим проходу» не было, а для задержки беглых людей поставить заставы.²

Тревога воевод понятна, ибо количество беглых крестьян к концу века быстро росло. Из Аятской слободы в 1692 г. «против 14-го числа ночью порою», бежала партия оброчных крестьян в 6 чел. с женами, детьми и со скотом. Через две недели, в ночь на 29-е число, из той же слободы бежала вторая партия — в 11 чел.³ Крестьяне продолжали бежать из слободы и позже, в 1696, 1697 и следующих годах. В 1693 г. из Ирбитской слободы бежало не менее 20 крестьян. Всего по Ирбитской слободе в 1694 г. считали беглых 53 дворохозяина и 54 чел. детей и братьев, по Арамашевской слободе — 20 чел., по Ницинской 50 дворохозяев и 22 детей, по Невьянской 77 дворохозяев и 75 детей.⁴ По сведениям, представленным в 1694 г. И. Циклером, Верхотурскому уезду с 1682 по 1693 г. бежало 148 оброчных крестьян и 216 пашенных, не считая детей и братьев.⁵ В удельном весе беглых красноречиво говорит роспись сб-

¹ Стлб. ВУС, № 22, л. 170.

² Там же, № 19, лл. 31, 54.

³ Там же, № 53, лл. 179—184; № 11, л. 183.

⁴ Там же, № 59, лл. 16—17.

⁵ Стлб. СП, № 1317, лл. 150, 502—515.

денег по слободам Чусовской, Сулемской, Аятской и Краснопольской. В росписи против имен имеются отметки: «взято», «бежал», «бежал, оброку взять не с кого». Подсчет этих отметок дает следующие результаты:¹

С л о б о д а	Всего имен	Взято	Бежало	% бежавших
Краснопольская	91	73	18	19,8
Аятская	132	96	36	27,3
Сулемская	29	16	13	45,0
Чусовская	93	44	49	52,6

Эта же таблица говорит о том, как чувствительно ударяло по интересам государевой казны крестьянское бегство. Государева пашня и оброк все чаще и чаще лежали «в пусте». О том же говорят и посевные слободские книги. По Невьянским ржаным и овсяным книгам в 1696 г. было недопахано 2 десятины с полудесятиной и получетью и малой четью; в 1695 г. миром и поручиками было недопахано 35 с лишним десятин при общем окладе в 143 десятины. Бегством крестьян воевода Козлов объяснял и громадную недоимку по судовым припасам, выразившуюся в следующих цифрах: на 1692 г.—1164 арш. холста и 13 пуд. пеньки; на 1696 г.—1574 арш. холста, 2,5 пуда пеньки и 2 пуда смолы; на 1697 г.—1190 арш. холста, 13 пуд. пеньки и 2 пуда смолы; на 1698 г.—1190 арш. холста. Прежний прием переложения оклада беглых на плечи поручиков или всего мира переставал действовать. Козлов сам возражал против взыскания недоимок с оставшихся крестьян из опасения, что вследствие этого и они разбредутся «розно».²

В 1698 г. представитель ирбитских крестьян Д. Ваганов бил челом в Сибирском приказе на изгони и обиды приказчиков. В связи с челобитной Ваганов представил роспись крестьян, бежавших с времени «до писца Л. Поскочина»³ и

¹ Стлб. ВУС, № 19, лл. 66—111.

² Стлб. ВУС, № 23, лл. 83—88; № 36, лл. 161—162.

³ Л. Л. Поскочин писал Ирбитскую слободу в 1680 г.

по 1698 г. Роспись, очевидно, произвела сильное впечатление в Приказе. На ней была сделана 16 марта 1698 г. пометка а 21 мая, за подписью дьяка Атемирова, по помете да грамота о производстве сыска. В роспись ирбитские крестьяне внесли 121 имя. Обыск показал, что роспись не преувеличала размеров бегства. В нее даже не включены лишившиеся из слободы в связи со сдачей тягла. Так, не значится в росписи В. П. Козмин, отпущенный приказчиком Ирбитской слободы после сдачи тягла крестьянину И. Лову. Правда, в росписи значились Д. Селиверстов и Е. Попов, которые по обыску оказались налицо, «никуда не съехали и доныне живут»; в роспись были записаны также трое умерших. Зато в обыску выявились 7 чел. беглых с в росписи. Произведенный в отношении полусотни лиц обыск показал и конкретные причины побега. Большинство из них (29 чел.) бежало от изгони приказчиков. Последняя обиды выражена в незаконном присвоении имущества или труду. Так, с П. Чусовитина, бежавшего от притеснений приказчиков М. Бибикова и В. Протопопова, последние взяли 2 телят, быка, нетель, мерина рыжего, и «оттого де он Петруша оскудел ...и бежал». С. Т. Афанасьева приказчики взяли «нападком» корову, быка, 2 свиные туши и 1,5 руб.; с А. Бибикова — быка, корову, 5 овец, 5 четей ржи и т. д. Крестьянин Т. Шеломашева, бежавшего в 1693 г., приказчик И. Томилов заставил копать себе погреб в страдное время и взял с него же быка; другого быка у него взял приказчик Протопопов. Крестьяне Иванов, Филиппов, Маслов в 1694 г. не сеяли хлеба, так как Протопопов держал их в рабочую пору в судной избе в подполье недели 2 и взял «приметками с ними» с человека по 1,5 руб. И. Томилов также держал в судной избе «за решеткой» крестьянина О. Кокшарова, взял с него 3 руб. и 2 чети ржи. И. Кириллов бежал, потому что Протопопов выбирал его к службе не в очередь, держал в долгу на своей работе «для того, что де ему Никитке отпущен питца нечим». В. Протопопов не был исключением. Крестьяне не бежали при всех приказчиках, сидевших в слободе: Протопопове, Шубине, Будакове, Бибикове, Томилове, Яреме и др. Часть приказчиков за «накупы», по приговору

ниюса была бита батогами в Москве, в Сибирском приказе. Это не остановило ни поборов, ни бегства. Приказчики «изгони» не были единственной причиной побегов. Про 19 человек из 49 в обыску показали, что они бежали «от скудости, а не от изгони». Один бежал «заворовав». Ирбитская слобода не была исключением. В связи с приездом из Москвы подьячего Самсонова аналогичные ирбитской челобитные подали крестьяне слобод Белослудской, Аятской, Тагильской, Невьянской, Арамашевской, Ницинской. По показаниям последней челобитной крестьяне слободы в 1697 г. пахали с «великою нужею» 25 десятин без полполчети; 23 десятины без чети государственной пашни лежали впусте вследствие бегства 80 крестьянских семей.¹

Бегства крестьян не останавливали и не могли остановить ни наказание отдельных приказчиков, ни крепкие заставы, ни погони высланных приказчиками служилых людей, ни специальные сыски, ни розыски самих миров. Крестьяне бежали в одиночку, бежали «з женами и з детьми и с скотом и со всяким деревенским заводом», бежали группами по-нескольку семей; будучи пойманы раз — бежали вторично. Так, после неудачного первого побега крестьянин Ирбитской слободы П. Вакулов бежал второй раз, захватив с собою семью. Некоторые бежали после предварительной сделки с приказчиком. Крестьянина той же слободы П. Филиппова приказчик «отпустил» из слободы, взяв за отпускную 7 руб., 40 четей ржи, пицаль винтованную, братину медную, меденник и быка. Приказчик И. Будаков «отпустил» крестьянина Брусенникова за мерина, «на соврасе пегова», и за корову. Приказчик Ярцев дал отпускную крестьянину Д. Новоселову за 2 руб., несмотря на предупреждение брата Д. Новоселова о желании последнего бежать из слободы. Часть крестьянства бежала, не сумев захватить с собою своего немногочисленного имущества. Циклер писал в 1693 г., что после побега крестьян остается скот, который их сродичи продают в Тобольский и Тюменский уезды. Циклер запретил пропускать скот из Верхотурского уезда в другие, так как, по его све-

¹ Стлб. ВУС, № 68, л. 6 и сл.; кн. СП, № 1359, л. 71 и сл.

дениям, многие крестьяне скотину выслают «продаже ложно» в места предполагаемого бегства.¹ В 1693 г. приказчик Ирбитской слободы представил в приказную избу роспись животных, оставшихся от беглых крестьян. По этой росписи крестьянин С. Чусовитин бросил при побеге корову И. Иванов — корову и 3 телят, братья Филипповы — 3 коровы и четь десятины, засеянную рожью, С. Худорошков — 7 овец и полтретью десятины ржи, В. Павлов — корову, теленка 2 овец, Ст. Корожил — корову и теленка; 5 крестьян оставили только засеянный хлеб.² На Верхотурье заподозрили Бибилова в утайке части крестьянского скота и хлеба. Сыск злоупотреблении приказчиков, произведенный позднее, показал, что такая утайка не была редкостью.

По привычному для русского человека XVII в. выражению, крестьяне «бредли розно». Выше отмечено, что некоторые из них имели целью «пронятца» за волок, в русские города. Туда бежали в 30-х годах крестьяне из-под Кузнецка и Тары; в Казани, Тетюшах, Сарапуле, Алабуге, Уфе, строгановских вотчинах на Сылве и Яйве сыскали в 1641 г. туринских крестьян. Но судя по имеющимся у нас материалам, в этом направлении шло меньшинство. По росписям 1666 г. из 148 крестьян, бежавших из Тагильской, Арамашевской, Невьянской, Ирбитской, Ницинской, Пышминской, Усть-Ирбитской, Белослудской слобод, в понизовые города ушли только 6. Большинство осталось на территории Тобольского разряда. Трое из них переменили места в пределах этого же списка. Один из Арамашевской слободы ушел в Белослудскую, другой из Пышминской в Невьянскую и третий из Невьянской в Ирбитскую; 35 чел. осело в Киргинской слободе, 19 на Исети — в Мехонской курье, 16 также на Исети — на Урюме, 13 — в Куярской слободе, 12 — в Беляковской; по 5 чел. ушло в Туринскую слободу и на Шадринскую курью, по 4 — в Еланскую слободу, в Красноборский острог, и Исеть, и Тюменский уезд, по 3 — в Чубаровскую слободу, в Тобольск, в Ялаторовскую слободу, в Катайский

¹ Стлб. ВУС, № 12, л. 110.

² Там же, № 47, лл. 115—116.

острог и Шашевский монастырь; 2 чел. ушли в Епанчину слободу и по одному в Верхотурье, Мурзинскую слободу, Ялуторовский острог, Туринский уезд, на Бачанку Тобольского уезда. Местонахождение 9 чел. сыск установить не мог. Быть может, они прошли далее на восток, за пределы Тобольского разряда, куда, несомненно, уходила часть населения разряда. О дальнейшей судьбе бежавших мы знаем немного. О большинстве крестьяне показали: «живут в бегах». Более точные сведения имеются лишь о 33 чел. Из них 25 чел. устроились пашенными же крестьянами, четверо порядились жить за монастырями, двое стали в беломестные казаки, один в стрельцы, один работал на Верхотурье в наемных работниках у судового дела и один в Киргинской слободе «ковать учитца у Ляпунова».¹ О значении беглых крестьян для заселения новых слобод разряда ярко говорит книга стольника С. Шахаева, переписывавшего в 1695 г. беглых верхотурских крестьян в слободах Тобольского уезда. Он отметил по Юрмыцкой слободе 59 беглых крестьян, из которых четверо заняли участки юрмыцких крестьян, бежавших из Юрмыцкой же слободы; по Багарадской слободе — 46 чел., по Крутихинской — 5 чел.,² по Окуневской — 12 чел., по Суерской — 15 чел., По Белоярской — 10.³

В переходе в новые слободы внутри разряда или за его пределами крестьянство стремилось найти выход из наступавших его крепостнических отношений. Параллельно усилению крепостнического гнета рос этот уход, захватывая сначала наиболее старые слободы и распространяясь постепенно на всю территорию разряда. «Убегом» крестьянство отстаивало свое право перехода и протестовало против растущего крепостнического гнета. И так же как протест против феодально-крепостнического гнета привел из центральной России крестьян в Западную Сибирь, так теперь он увел часть этих крестьян из Сибири западной дальше на восток.

¹ Стлб. ВУС, № 24, лл. 133—260.

² Из них трое Бояркиных ушли в 1684 г. из Тагильской слободы в Шадринскую, где жили 3 года, и оттуда ушли в Крутихинскую в 1687 г.

³ Разрядный приказ, кн. Денежного стола, № 253, лл. 83—141.

«Убег» не был единственной формой протеста. В 1626 крестьяне Ницинской слободы убили приказчика Степана Молчанова. Согласно отписке тобольских воевод убийство произошло при следующих обстоятельствах. В 1624 г. при устройстве Ницинской слободы приказчик разрешил крестьянам Б. Лязгову с товарищами «для поспешения и для новых селидбы» вспахать на себя под рожь к 1625 г. одно из полей, предназначенных под государеву десятинную пашню. В 1626 г. Молчанов приказал это поле пахать всем ницинским крестьянам под государев яровой сев, а Б. Лязгову с товарищами указал под их собинный сев пахать на отведенных им займках. В зачет запашки государевой пашни остальные ницинские крестьяне должны были на займках Лязгова и его товарищей распахать соответствующее количество десятин. Распоряжение Молчанова встретило решительное сопротивление. Б. Лязгов с товарищами отказались отдать государеву поле, а другие крестьяне не пожелали «отъярывать» землю на их займках. «И за то де Степана убили и воду посадили». По показанию присутствовавших при убийстве и пытавшихся спасти Молчанова крестьян В. Лучанина и других, убийство произошло внезапно. При отказе крестьян пахать пашню один из них, Л. Воробьев, начал Молчанова «лаять». Замахнувшегося батогом на Воробьева Молчанова крестьяне «учали бить на смерть ослопы и поволокли в воду». Так же показали и обвиняемые: «а умыслу де их о том задолго не было». Эту официальную версию необходимо дополнить следующим. Один из обвиняемых в своем показании добавил: «о степанове убийстве умысл у старосты и у целовальников и у всех крестьян был до убийства дни за три и за четыре». Раздражение крестьян, вылившееся в убийство Молчанова, очевидно, не появилось сразу. Крестьянин Ф. Яковлев говорил про Б. Толбузина, бывшего на приказе в 1625 г., что «им убити Бориса за пашню так же, что и Степана». Следствие приняло показание Яковлева, так как ницинские крестьяне были сосланы не только за убийство Молчанова, но и «за похвалу про убийство ж другою приказчика». С именем Б. Толбузина не связывали указа о запашке второго поля, — этот указ был издан Молчановым.

сменившим Толбузина. Иными словами, настроение крестьян было не только следствием случайной ссоры и объяснялось не указом Молчанова, во всяком случае не только им. Ближе к истине был А. Телятевский, который в 1633 г. писал в Москву, что Молчанова убили «за твою ж государеву пашню».

Установленные Сулешевым и Хованским «наклады» порождали настроения, приведшие к ницинским событиям.¹ В 1660 г. ницинские крестьяне не стали пахать прибавочную пашню наклада воеводы Хилкова. Вспахав полностью свой обычный оклад, они прибавочной пашни ни под яровой хлеб, ни под рожь не вспахали ни одной десятины; в прибавочной пашне «отказали», «не похотели». Ницинские крестьяне в данном случае попробовали привлечь к «отказу» и население других слобод. Староста Ницинской слободы Василий Широковский с товарищами разослал в слободы Тобольского, Верхотурского, Тюменского и Туринского уездов к старостам и к лучшим крестьянам «грамотки» с призывом не пахать прибавочную пашню и не вносить прибавочный оброк. В этом же обращении было предложение послать в Москву челобитчиков «наскоре, не мешкав», с расчетом предупредить получение в Тобольске приказчицей отписки. Судя по сохранившейся грамотке тюменскому крестьянскому старосте Патрикею Нестерову, на призыв ницинских крестьян откликнулись слободы Киргинская, Чубаровская, Еланская. Впрочем, вскоре слободы Чубаровская и Еланская выполнили новый оклад. В слободе же Киргинской вспахали старый оклад и прибавочную пашню под яровой хлеб, но последнюю не сеяли «по заводу» В. Широковского. Обе эти слободы отпустили челобитчиков в Москву. В связи с этим делом приказчики обеих слобод были биты батогами и сняты с приказов за «пonorовку». В. Широковский был бит кнутом и сослан на пашню же в Илимский острог. Четырем челобит-

¹ РИБ, т. VIII, № 11, XIV; стлб. СП, № 34, лл. 7—64; № 158, лл. 69—105.

чикам Ницинской и Киргинской слобод «учинено наказание на Москве и отпущены».¹

В 1632 г. туринские пашенные крестьяне также «отказали» воеводе Г. Вольтцеву в прибавочной пашне по окладу Телятевского. Тобольск доверил разрешение этого вопроса самому Вольтцеву. Последний сам должен был решить «вмочь» ли крестьянам пахать прибавочную пашню.² В связи с тем же окладом Телятевского в 1633 г. в Верхотурском уезде письменный голова А. Мартюхин проверял росписи беглых крестьян. При попытке в Невьянской и Тагильских слободах взять старост, целовальников и лучших людей для сыска беглых крестьян А. Мартюхин натолкнулся на сопротивление. Крестьяне, придя к письменному голове на двоих в даче людей «отказали», заявив: «сыскивать де им у нас не про што, да и нечево и их лаяли... а тагильские де хотели и побить». Свой поступок крестьяне обосновывали тем, что тобольского указу они не слушают: «тот де указ не тебя, государь, с Москвы пришел». А. Мартюхин принужден был уехать в Тобольск, не произведя предполагавшего обыска. В предшествовавшем 1632 г. тагильские крестьяне отказались также и пахать прибавочную пашню. По настроению крестьян положение в слободе было близко к положению в Ницинской слободе в дни убийства Молчанова. Крестьяне, отказав приказчику М. Будакову в пашне, «сево Мрона хотели убить и ходили с луками». Воеводы проси-

¹ Стлб. СП, № 594, лл. 171—186. Привожу текст «грамотки» В. Широковского: «Старосте мирскому Патрикею Нестерову крестьянскому староста мирской Васьяк челом бьет Красной слободы. А о прибавочной пашне отказали Киргинская и Чубаровская и Яланская и Красная слобода. И будьте вы с нами в совете, бити челом государю на Москве челобитчиков хотим послать мы наскоре, не мешкав. И вы к нам пошлите человека, что итти вместе наскоре. И вы пишете в Тобольск старосту крестьянскому о таком деле. И вы придумаете что и вы пошлите человека наскоре, чтобы нам не замешкать. И на нас пишет сын боярский отписку в Тобольск к боярину и нам бы в ту пору челобитчиков отпустить к Москве. Затем нам челом бьем».

На обороте 179 листа. Дати ся грамота на Тюмени старосте крестьянскому Патрикею Нестерову Тюменскому.

² Стлб. СП, № 60, лл. 68—87.

указа о наказании тагильских крестьян, так как в противном случае от них они ждали «больше того дурна». ¹ Подобно тому как поступили тагильские и невьянские крестьяне с А. Мартюхиным, поступили в 1690 г. тюменские всяких чинов люди с Л. Поскоциным. Тюменцы «указу великого государя учинились ослушны» и Л. Поскочина в села и деревни писать не пустили. ²

Причиной крестьянских выступлений, кроме усиления основного тягла — десятинной пашни и оброка, были также и государевы изделия. В 1681 г. крестьяне Ирбитской слободы отказались чинить, по наряду приказчика и старосты, мельничный амбар и каюк Л. Поскочина, отказались также вносить подможные деньги на торговые бани. Крестьяне на приказчика «забунтовали», обвиняя его в том, что он верхотурские памяти прочитывает, а правды им не сказывает. ³ В 1693 г. крестьяне Новопышминской слободы «во всем отказали» своему приказчику Н. Албычеву, распорядившемуся, в связи с вестями о приходе воинских людей под Ялуторовский острог, починить острог в слободе, чистить вокруг него лес, поставить чеснок, выкопать ров и усилить караулы. Крестьяне, по словам Албычева, караул сняли сильно, городское дело не делают, «ходят бунтуют и учинились сильны и не послушны». ⁴ В 1672 г. перед приказчиком и волостными людьми были биты кнутом «пущие заводчики» Белослудской слободы — церковный дьячок и трое крестьян, которые приходили на двор приказчика Семена Вязмина и говорили ему «невежливые речи». ⁵ Мы уже отмечали выше тревогу тобольских воевод в 1690 г. по поводу самовольных крестьянских сходов и «неведомо каких» составных писем. Салтыков отмечал в своих грамотах в уезды разряда, что от этих «воров составщиков» во многих слободах и деревнях различных уездов разряда происходит «смута большая и раскол». ⁶ Вы-

¹ Стлб. СП, № 34, лл. 7—64.

² Ки. СП, № 968, л. 3.

³ Стлб. ВУС, № 18, л. 62.

⁴ Стлб. ВУС, № 12, лл. 101—103.

⁵ Там же, № 53, л. 103.

⁶ Там же, № 19, лл. 31—35.

ше были отмечены такие случаи вооруженного сопротивления крестьян во время побегов. Вместе со всем строем отпущений данное явление перешло и в XVIII в. В 1759 г. крестьяне Царева городища, Утяжкой и Курганской слободы подали заявление об отказе от казенной пахоты и уборки хлебов; отказались крестьяне пахать пашню и за платную плату. В слободах царило сильное возбуждение, крестьяне ходили «скопом и с дубьем». При попытке задержать побегавших прошение, избивали рассыльчиков, а управителя Г. Наева «едва смертельно не уязвили». Такой же прием нашло и представительство губернской канцелярии, приехавший для расследования. Разгромили крестьяне и высланную военную команду, ранив прапорщика, сержанта, несколько драгун, переломав и отняв часть ружей. Позднее, по сенатскому постановлению, зачинщики были наказаны плетью и сосланы в Нерчинск. ¹

Отдельные разрозненные и мелкие крестьянские выступления быстро ликвидировались и несли за собой для крестьян «зачинщиков» обычно кнут, батоги, плети, ссылку или смертную казнь. Восходя своими корнями к тем же самым явлениям, что и крестьянские побегии, они были реже их и захватывали меньшую массу крестьян. Основной формой протеста против усиливающегося гнета крепостнического государства все же были побегии. Именно в них чаще всего крестьянин искал облегчения своего положения и отчасти находил его в виде временных льгот при новом поселении.

Усиление гнета феодально-крепостнического государства в сибирской деревне вызывало, таким образом, в ней явления, аналогичные тем, которые мы наблюдаем в деревне основной части русского государства. Это, естественно, влекло за собой и сходные последствия. В течение XVII в. мы наблюдали на территории Западной Сибири образование крестьянского населения за счет крестьянства, бежавшего сюда, вследствие наступления класса феодалов-крепостников из центральной и северной части государства. Это крестьянство создало сибирское земледелие, превратив Западную

¹ Потанин. Материалы.

Сибирь в течение одного века в базу продовольственного снабжения грандиозных пространств всей Сибири. Западно-сибирское земледелие быстро развивалось и в отношении увеличения посевных площадей и в отношении роста земледельческой техники, достигая в последней уровня земледельческой техники основной территории государства. Дальнейшее развитие земледелия натолкнулось на рост крепостнического гнета, застигавшего бежавшее от него крестьянство и на новых местах. Этот гнет ставил пределы и величине собиравшихся запасов, вызывая, как мы видели, даже некоторое уменьшение их, и служил причиной отлива населения с первоначально освоенных территорий. Сибирские приказчики и воеводы со второй половины века принуждены в своих отписках констатировать тот уход населения, о котором с такой настойчивостью писали власти поморских уездов. Общій строй деревни крепостнического государства задерживал и останавливал и дальнейшее развитие земледельческой техники, в связи с чем необходимо поставить также отмеченное падение урожайности. Но и в этих условиях крестьянство продолжало осваивать новые территории, переходя в более восточные уезды. В то время как служилая бюрократия и промышленные и торговые люди занимались выкачиванием из Сибири пушнины, подрезая часто самые основы промышленного хозяйства местного населения, крестьянство несло сюда свои производственные навыки и развивало здесь земледелие.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Предисловие</i>	3
<i>Глава I. Крестьянское переселение за Урал</i>	11
Правительственные мероприятия по переселению крестьян за Урал: перевод по «указу» и по «прибору», ссылка. Мероприятия по устройству крестьян на землю: подмога, суда, льгота. Деятельность монастырей по устройству крестьян на монастырские земли. Устройство новых крестьян на пашню силами самого сибирского крестьянства: захребетники, поставленники, съездчики. Деятельность слободчиков. Самостоятельное устройство на пашню. Неудача правительственных попыток регламентировать уход населения за Урал. Рост количества переселяющихся. Бегство талого населения. Расширение районов заселения. Указы по ограничению и запрещению переселения. Общие выводы	
<i>Глава II. Крестьянское землепользование в Сибири</i>	57
Земельные отношения пришлого и местного населения. Районы крестьянских поселений. Московская политика и сибирская практика в вопросе о правах восточного населения на землю. Закрепление земли за русским крестьянством: отвод земли, занятие свободных земель и укрепление их за владельцем подписной челобитной, отводными и т. д., захват земель. Купля, заклад-продажа и аренда земель. Право «старинки». Владение сенокосами, заложной землей и промысловыми угодьями. Неравномерность крестьянских участков. Попытки ограничить рост крестьянского участка, поставив его в зависимость от размеров тягла. Крестьянские слободы и деревни. Сосуществование крестьянской слободы и пащной волости	
<i>Глава III. Создание и развитие сибирского земледелия</i>	97
Вопрос о дорусском земледелии в Сибири.	

Техника русского земледелия: состав культур, приемы полеводства (перелог и трехполье), удобрение полей. Крестьянское животноводство. Урожайность сибирских полей. Заключение (сибирское земледелие и земледелие центральной части русского государства).

Глава IV. Хлебная продуктивность Сибири и хлебная торговля 137

Поступления податного хлеба; хлеб с государственной десятинной пашни, оброчный хлеб, хлеб выделный. Значение деятельности воеводской администрации по увеличению хлебных поступлений. Деятельность Ю. Я. Сулешева и П. И. Годунова. Величина податных хлебных поступлений к концу XVII в. Роль Тобольского разряда в правительственном снабжении хлебом населенных мест других разрядов. Западносибирский хлебный рынок. Правительственные закупки хлеба. Закупки хлеба частными лицами (покупки хлеба представителями поморских уездов, промышленниками, местным населением). Емкость западносибирского хлебного рынка. Общие итоги

Глава V. Крестьянские повинности и рост феодально-крепостнического гнета в сибирской деревне 171

Обработка государственной пашни. Хлебный оброк. Денежный оброк. Рост пашенного и оброчного обложения. Крестьянские изделия. Их удельный вес в общих крестьянских повинностях. Обеспечение государством выполнения крестьянами тягла. Деятельность приказчиков. Роль «мирских» властей. Усиление закрепощения. Бегство сибирского крестьянства. Крестьянские выступления против приказничьей и воеводской власти. Общие выводы.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
29	17 стр.	одиноков	одинокое
29	22 стр.	смена	смена
36	21—22 стр.	десятичные	десятичные
87	16—17 стр.	непользованностью	использованностью
133	2 стр.	к следующему;	к следующему (см. выше таблицу)
201	3 стр.	заговорщика	затворщика

В. И. Шунков
Очерки по истории колонизации
Сибири в XVII—начале XVIII веков

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР № 2531

Редактор издательства Ц. М. Подворныйская. Технический редактор О. В. Залаякина
Корректор А. К. Беглеркина

А-11237. РИСО 2231 Подат № 882. Тип. заказ № 766. Под и пер. 19/XI 1946 г.
Формат бум. 60 × 92¹/₂. Печ. ш. 14,25. Уч.-издат. л. 13. Тираж 8000.

7-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10